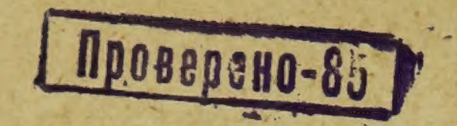
МАКС ЗИНГЕР

СКВОЗЬ ЛЬДЫ В СИБИРЬ

ЗИФ

Проверено-85

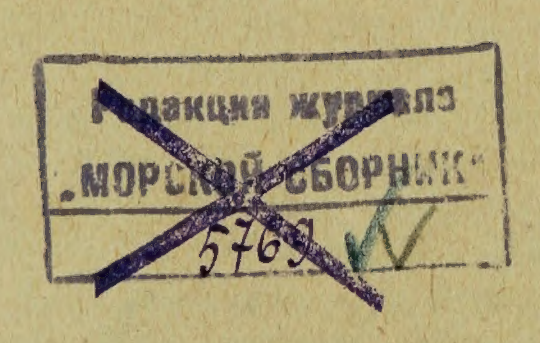
Многоуважаемому Павлу Константиновичу Хмызникову сплавателю на „Белухе", неутомимому моряку и ученому Макс Зингер Москва 12/III 1931.

Макс Зингер

Сквозь льды в Сибирь

Очерки Карской экспедиции 1929 года

32 фото, рисунки, карта и пояснительный словарь

Земля и Фабрика
Москва—Ленинград
1930

ОБЛОЖКА ХУДОЖНИКА Б. БЕРЕНДГОФА

Главлит № А—51233 Тираж 5000

14-я типография „Мосполиграф", Москва, Варгунихина гора, дом 8. Зак. 927

Введение

Торговля с севером Сибири морским путем ведет свое начало издалека. Дешевый морской путь к необ'ятным богатствам русского Севера давно привлекал внимание отважных мореплавателей всего мира.

Древние новгородцы знали Северный морской путь. Они хаживали к устьям рек Оби и Енисея за славой и богатством. Новгородская вольница покупала там за бесценок дорогие меха и была единственным их поставщиком на европейском рынке.

Пушные богатства Сибири в то время были баснословны. В южной оконечности Тазовской губы стоял город Мангазея. В XVI веке Мангазея была центром по сбору сибирской пушнины. Много заморских авантюристов и любителей приключений оставляли здесь золото и драгоценности в обмен на русскую пушнину, которая очень ценилась в Европе.

В 1477 году пал Господин Великий Новгород. Мангазея отошла под руку московского царя.

После завоевания Кучумовой столицы Сибирь давала казне ежегодно по двести тысяч соболей, по десяти тысяч чернобурых лисиц и сотни тысяч лучших белок.

Англичане и голландцы — хозяева всех морей — искали кратчайшие пути в Китай и Индию. В 1553 году три английских корабля направились в Северное Ледовитое море. Шторм разбил два судна в щепы, и только одно, под начальством Ченслера, достигло устья Северной Двины. Дальновидный политик Иван Грозный, узнав о заморском госте, пригласил его в Москву, об-

ласкал, наградил подарками и послал в Англию доверенного человека Непею с грамотой к английскому королю для установления торговых отношений и дал ряд льгот англичанам.

Во второй половине XVI века англичане снарядили одну за другой три экспедиции в устья реки Оби. Но эти экспедиции успеха не имели. Голландцам также не удалось добраться до Оби.

Тобольский воевода князь Куракин, опасаясь вторжения иноземцев, выхлопотал царское запрещение русским промышленникам под страхом лютой смерти выходить в море для встречи и сношений с иноземцами. Между речками Зеленой и Мутной на Ямале Куракин поставил острожец, в котором летовал небольшой гарнизон. Куракинские люди стали попросту обирать промышленников.

Город Мангазея — средоточие обмена, недавний центр всей торговли Енисейского края — заглох, захирел, а два пожара один за другим уничтожили его окончательно. В начале XVIII века город Мангазея был перенесен в Туруханск.

Во второй половине XIX века некий Сидоров посвятил много труда и времени Северному морскому пути, но, холодно встреченный у себя на родине, отправился за границу, заинтересовал знаменитого Норденшельда, вел переговоры с англичанином Виггинсом и предложил премию в две тысячи фунтов первому, зашедшему с кораблем в устье Енисея со стороны Карского моря. Три экспедиции, предпринятые за счет Сидорова, закончились неудачно. Наконец, Виггинс, отправившийся по его вызову на пароходе «Диана», благополучно прошел льды Карского моря и достиг устьев Оби и Енисея. Вслед за ним пришел туда же Норденшельд на судне шведского купца Диксона. В 1876 году оба

мореплавателя вторично прошли к устью Енисея. На следующий год Сидоров на судне «Утренняя Заря» пробился из Енисея в Петербург. Московский купец Трапезников, взбудораженный успехом Сидорова, отправил из Гулля пароход «Луизу», груженный товарами. «Луиза» благополучно вошла в Обь и достигла Тобольска. Вслед за ним прошел в Енисей с товарами А. М. Сибиряков. Виггинс вывез из Сибири в Англию первый груз пшеницы.

После целого ряда неудачных экспедиций наконец была доказана возможность прохода торговых судов из Европы к устьям Оби и Енисея. Не мало погибло при этом людей и средств.

За последнее время ежегодно в конце июля в Карскую экспедицию отправлялся ледокольный пароход «Малыгин», который вел за собой караван из пяти-шести морских пароходов к устьям Оби и Енисея.

В 1929 году, впервые за всю историю Северного морского пути, через льды Карского моря было намечено к проводке двадцать семь океанских и два речных парохода.

Караван Карской экспедиции шел к берегам Сибири из заграничных портов с импортным грузом. Иностранные пароходы несли в своих глубоких трюмах цветные металлы и машины для заводов и сельского хозяйства Севера и должны были нагрузиться в портах Оби и Енисея по ватерлинию высокосортным строевым пиленым сибирским лесом.

Для выполнения грандиозного плана проводки двадцати девяти судов через льды Карского моря в этом году был назначен величайший в мире ледокол «Красин». Начальником экспедиции шел известный полярный ученый Н. И. Евгенов. Воздушную разведку льдов Карского моря производил мощный двухмоторный само-

лет-лодка «Дорнье-Валь». Командовал воздушным кораблем Б. Г. Чухновский.

«Красин» представлял собой в походе не только оперативный штаб, но и своего рода полярный университет. Каюта Н. И. Евгенова была превращена в метеорологический кабинет. Здесь происходили научные работы над льдом, морской водой, и составлялись ледовые карты и карты погоды. Метеорологические предсказания крупнейших метеорологов Э. П. Пуйше и Г. Я. Вангенгейма, шедших на ледоколе, не раз оказывали помощь при проводке караванов.

Только благодаря сочетанию высокой техники и подбору опытных людей Карская экспедиция в этом году, исключительно тяжелом по своей ледовой обстановке, блестяще справилась с возложенными на нее задачами.

Двадцать восемь пароходов без всяких повреждений дошли до портов Оби и Енисея, обогатили край новыми машинами. Иностранные пароходы благополучно вернулись в свои порты с грузом сибирского строевого леса. Экспедиция дала новый приток валюты для индустриализации Страны Советов.

Карская экспедиция выполнила большой важности хозяйственную задачу.

«Красин» ушел в поход

Несколько дней стоял «Красин» на якоре у 15-й линии Васильевского острова. Снялись 10 июля, ровно в полдень.

Перед тем как загремела якорная цепь, на корме ледокола собрался митинг участников экспедиции.

— Товарищи красинцы, вы уходите сегодня в новый ледовый поход,— сказал начальник ленинградского порта.— Каждое полярное плавание богато всевозможными сюрпризами. И для моряков-полярников нужна особая выдержка, спокойствие и главное — дисциплинированность. Когда вы вернетесь в Ленинград, мы разберем детали похода, быть может, прочистим кого следует. Но во время похода не должно быть места нытью и недисциплинированности. Помните, что «Красин» — символ советской неустрашимости и организованности. В прошлом году у вас была определенная задача спасти экспедицию Нобиле. В этом году вы должны проложить широкую экспортную дорогу товарам нашего Севера. Желаю вам успешного плавания.

Кинооператоры перестали щелкать. Матросы разошлись по местам. Затарахтела цепь, выбирая гигантский якорь ледокола.

Остался позади Финский залив, ветер в шесть баллов могучими валами гнал балтийскую соленую воду к бортам «Красина». Внизу в машинном отделении грохотала тройка машин в десять тысяч лошадиных сил, и нос ледокола зарывался в волны. Как ни в чем не бывало клевали зерно почтовые голуби в будке, принай-

товленной на палубе. Осоавиахим Севзапобласти дал «Красину» двадцать почтовых голубей. Один из них при кормлении под Кронштадтом улетел на материк.

В полдень двенадцатого июля встретили красавца «Кап-Полония», направлявшегося в Ленинград. Между островами Готландом и Эландом мы обменялись с ним салютами.

Из-за глубокой осадки ледокол пошел Бельтами, взяв лоцмана для проводки.

На ломаном английском языке лоцман-датчанин просил рассказать, куда держит путь «Красин».

— Приеду домой, спросят, куда это опять пошел «Красин», а я не буду знать.

Когда лоцману об'яснили по карте путь «Красина», он просиял от радости и весело спускался по штормтрапу в моторный бот, который привез ему с берега смену.

На корме ледокола было теплее, поэтому здесь постоянно собирались свободные от вахты матросы. Иной раз забегал сюда и какой-нибудь из вахтенных машинного отделения.

— Коллега, идите-ка вы к себе в машинное отделение. На корме свежо. Неровен час — простудитесь. Мне не вас жалко, а производство,— говорил Михаил Иванович Денисов — старший механик, работающий во льдах с 1916 года.

С кормы стреляли по чайкам, которые белым облачком шли за ледоколом.

— Нашел в кого стрелять,— в чаек! Моря не видал! Разве в чаек стреляют? Что с нее возьмешь? Упадет она в море — не подберешь. Почему моряк чайку любит? Потому что она ему близость берега указывает. Раз чайка показалась — значит, берег близок. Попадешь в туман, вспомнишь мое слово,— убеждал старый красинец матроса, идущего в первый рейс.

Охота на чаек была прекращена. Почувствовав себя в безопасности, чайки летали прямо над кормой парохода и брали из рук матросов с лета кусочки белого хлеба. Несколько птиц плыли за ледоколом.

— Если чайки сели в воду — жди хорошую погоду,— сказал старый моряк.

И действительно, Балтика хорошо проводила «Красина», без шторма и без качки.

— Подождите, в Северном море получите компенсацию: поболтает изрядно,— говорили синоптики, участники Карской экспедиции.

Синоптики были заняты за круглым столом кают-компании заготовлением специальных непромокаемых пакетов, на которых несмываемой краской было напечатано:

«ЛЕДОКОЛ «КРАСИН». Нашедшего просят вскрыть пакет, заполнить листок, лежащий внутри его, и выслать по указанному в нем адресу».

Листок имел вид открытки и адресован был в ленинградскую Главную геофизическую обсерваторию. На обороте листа значилось:

«Наблюдения для исследования атмосферы. Просим нашедшего эту карточку направить, не наклеивая марок, по напечатанному на обороте адресу, указав время и место нахождения карточки. КАРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ. ЛЕДОКОЛ «КРАСИН». За доставку будет выслано 5 рублей».

Рассылка этих пакетов особыми воздушными шарами по воле ветров и воздушных течений нужна была синоптикам для определения скорости и направления ветра.

— Если капитан знает о предстоящем шторме, он не покинет гавани. Если ловец будет знать о надвигающемся шторме, он не выйдет на своей посудине в море,— говорил метеоролог Э. П. Пуйше во время вечернего сбора в кают-компании.— Служба погоды облег-

чает работу не только моряка, но и земледельца и даже солдата. Наполеон проиграл битву под Ватерлоо потому, что не мог своевременно учесть влияние дождя, прошедшего рано утром в день битвы. Артиллерия Наполеона не могла маневрировать по размокшему скользкому грунту. Наполеон без артиллерийской подготовки не начинал сражения. Наполеон решил переждать, пока грунт подсохнет. А в это время на помощь Веллингтону, с которым должны были драться французы, подоспел корпус Блюхера. Военное счастье отвернулось от Бонапарта. Занятие немцами островов Эзель, Даго и Моон в империалистическую войну произошло благодаря службе погоды. Канал, которым должен был пройти немецкий флот для захвата островов, был минирован. Оставался свободный от мин лишь узкий проход, о котором немцы знали и который можно было пройти лишь в штилевую погоду. Для проводки судов нужны были четырнадцать часов полного штиля. Шторм мог раскидать немецкий флот на мины и весь уничтожить. Предсказание погоды было чрезвычайно ответственным. Один из выдающихся немецких метеорологов дал военному ведомству четырнадцать часов полного штиля, и острова были заняты без затруднения. Для составления карты погоды недостаточно метеорологических данных только своей сети станций. Нужны данные и соседних стран. Необходим международный обмен сведениями всех станций. Когда мы будем с вами в Карском море, служба погоды будет особенно нужна. Теперь ни одна экспедиция, морская или воздушная, не отправляется в путь, не имея под руками карты погоды. Карта погоды для моряка и воздухоплавателя — это то же, что для машиниста паровоза — жезл. В особенности много будет нам работы перед полетами Чухновского над Карским морем.

— Товарищ Пуйше! Сейчас удалось принять радио со станции Норддейх.

Вооружившись пенснэ, Пуйше долго всматривался в немецкий текст радиограммы:

«Погода нас все еще балует. Дойдем до Бергена при умеренных ветрах».

ГОЛУБЬ В ОКЕАНЕ

Ледокол «Красин» входил в Атлантический океан, огибая норвежские берега. На-днях прошел ураган в одиннадцать баллов, и сегодня волна утихла, но море тряслось от мертвой зыби. Бортовая качка бросала ледокол на двадцать градусов, и свежий норд бил в левую скулу ледокола. Вместо остро протянутой нити горизонта была туманная пелена. Пятый день шел «Красин» без берегов. Матросы, свободные от вахты, собираясь на корме, только и говорили, что о Бергене, где ледоколу предстояло грузиться пять дней кардифом для полярного похода. У под'емника кочегарного шлака слышались непрестанные крики: «Вира! Майна! Полундра!» И мешок за мешком мусора, подбрасываемые матросами, исчезали в особых рукавах ледокола, оставляя мутные следы в густо-зеленой зыби океана.

— Стой, братишки, брось играть,— никак, голубь летит,— сказал Леман,— заведующий голубиной станцией и электротехник ледокола.

— Кому что, а тебе все голуби в башку лезут!

— И так полну будку в Ленинграде насажали, куда их девать будешь?

— Видишь, летит! Влево взял! Смотри!

— Ну, и кидает же нынче нашу коробочку!

— Это что! В прошлом году посмотрел бы! Все на корачках ползали! Сам доктор лежал.

— Да разве это волна? Вот когда Нордкап проходили в прошлом году, вот это действительно поваляло. На сорок на семь градусов. Будьте любезны!

— Голубь, голубь летит!—закричал опять электротехник.

И в самом деле, над волной низко летел голубь.

Ветер начал свежеть, и соленые брызги океана кропили ледокол. Ветром сбивало, относило голубя в сторону, но он снова возвращался и прятался за пенящиеся хребты волн, выскакивая из-под них как мячик. Голубь то обгонял ледокол, то вдруг показывался по левому или правому борту.

— Тише, не шумите! Спрячьтесь! Он человека боится. Это почтовый голубь. Он домой пробирается.

— Выбьется из сил, присядет отдохнуть на ледокол. Без этого не обойдется.

Но голубь шел вместе с ледоколом и не делал никаких попыток отдохнуть. Взлеты голубя были строго рассчитаны. Он мог лететь только низко, прячась за хребты волн от ветра, который затруднял ему путь.

Голубь исчез так же неожиданно, как и появился. Матросы забыли о нем, и снова на корме пошли разговоры.

— Придем в Берген, так после этой качки «Красин» три дня в гавани будет качаться. Остановиться не сумеет. Ледоколы, они в роде ваньки-встаньки.

— Что это, братишки, никак, наша посудинка к штормяге готовится?

Вахтенные обходили палубу, задраивая иллюминаторы, найтовили валявшиеся без призора деревянные и металлические вещи. Синоптики в кают-компании крепили свои чемоданы к диванам.

Закрыли носовые люки брезентами, заклинили их... Ветер не унимался. Волна поддавала уже через бак, и от соленых брызг океана во рту было горько.

— Ребята, на баке, у левого якорного клюза, голубь сидит,— сказал Леман.— Почтовый, у него на правой лапке кольцо.

— Есть на баке,— и матросы осторожно пошли к волнолому. Притаившись, высматривали с'ежившегося на ветру голубка.

Что-то спугнуло его, он поднялся и полетел было в сторону от ледокола, но вскоре вернулся. На этот раз он сел на кранец под кормой.

— Пропадет с голода! Волной захлеснет!

— Поймать бы его, покормить...

— Пускай идет ко мне в будку,— там корму довольно,— сказал Леман.

— Откуда он взялся здесь, в океане?

— С какого-нибудь военного судна пустили. Небось, с донесением. У меня сачок есть. Вот бы накрыть его!

Несколько матросов пошли за сачком. Сачок взял сам заведующий голубятней и ползком стал красться к борту кормы, где сидел голубь. Двое матросов ползли вслед за товарищем, держа его за ноги.

Бросили сачок. Голубь сорвался. Лапки его уже были в воде, но он набрал последние силенки, поднялся над волной и пошел опять к ледоколу. Умный голубь отлично понимал, что спорить с океаном он больше не в силах, а спастись может только на корабле.

Ветер валил человека. Нос ледокола зарывался в воду. Порой валы били в окна вестибюля.

Голубь дал два круга и снова сел на кранец под кормой. Охота повторилась. Матросы хотели спасти голубя от неминуемой смерти и посадить на сытые корма в голубиную будку.

Опять впереди полз с сачком Леман, а сзади, держа его за ноги, ползли два других матроса. Но голубь снова свалился в океан.

— Пропал голубь!

— Его валом захлеснуло.

— Вот дурак, вот дурак! — жаловался на одного из матросов заведующий голубятней.— Он думал, что я спать на корму полез. Я голубя полез ловить. Только приготовился накинуть сачок, вдруг, вижу, тянется рука прямо из океана к голубю. Голубь увидал дурака и со страху упал в воду...

Стемнело.

На палубе стало тихо.

Иностранное военное судно, завидев «Красина», приняло его за иностранный крейсер и начало сигналить огнями прожектора, а потом, узнав ледокол, исчезло в густом и тревожном мраке океана.

Наутро, перед заходом в Берген, на «Красине» шла генеральная уборка. Матросы в непромокаемой одежде ходили с брандспойтом и скачивали палубу, которую наследили мусором кочегары. Дошла очередь и до кормы.

Справа показались горбатые профили норвежских берегов. Вдруг из-под кормы взмыл голубь и потянул на прямую к скалистым берегам. Матросы высыпали на палубу провожать героя и долго кричали ему вслед.

ГОРОД БЕРГЕН—ВОЗДЕЛАННЫЙ КАМЕНЬ

Четвертый норвежский бот подходил к борту «Красина», и лоцманы в рупор предлагали свои услуги по проводке ледокола в каменных теснинах норвежских

Митинг на ледоколе „Красин“ перед походом в Карскую экспедицию. „Красин“ пришвартован к ледоколу „Ермак“ у Васильевского Острова в Ленинграде.

Начальник Карской экспедиции, полярный исследователь Н. И. Евгенов.

Командир воздушного корабля Б. Г. ЧУХНОВСКИЙ.

Командир ледокола „Красин“ М. Я. СОРОКИН.

фиордов. Администрация «Красина» берегла валюту и оттягивала приемку лоцмана на более позднее время. Перед самым заходом в Корс-фиорд «Красин» выкинул лоцманский флаг. Белое полотнище флага с синим квадратом в середине говорило о том, что «Красин» требует лоцмана. Как только лоцман был принят на ледокол, «Красин» спустил лоцманский флаг.

Часов около семи вечера 15 июля вошли в Берген-фиорд и подняли свой и норвежский флаги, согласно правилам морского этикета.

Вначале фиорды напоминали наш Кольский залив. Те же каменные громады, та же скудная растительность и сравнительное безлюдье. Но чем дальше продвигался «Красин», тем оживленнее становился фиорд. На камне, на голом камне росли деревья и зеленели буйные высокие травы. Островерхие крыши домов блестели малиновой черепицей. Из каждой оконной прорези норвежцы и норвежки приветствовали гостя — героя Севера. С берегов доносились звонкие голоса детей, кричавших:

— «Краси́н», «Краси́н»!

— Посмотрите,— говорит мне вахтенный матрос,— у каждого домика своя моторная лодка. На каждом паршивом сарае — цинковая крыша. Здесь без моторки не обойтись: с островка на островок перебраться и в воскресный день прокатиться по фиорду — любимое развлечение.

Все гуще и гуще становились рядами крохотные островерхие домики по каменным склонам. Дети выбегали из домов, размахивали норвежскими флажками, салютуя советскому ледоколу. «Красин» шел в прошлом году спасать норвежского национального героя Роальда Амундсена, и норвежцы это хорошо и благодарно помнят.

Поздно вечером ледокол пришвартовался к угольной гавани, где предстояло взять две тысячи восемьсот тонн лучшего кардифского угля и сто пятьдесят тонн пресной воды, не считая провизии.

Закончены формальности по карантину и пропуску моряков на берег, ледокол осадили экскурсанты — молодежь — и целая куча коммерсантов, предлагавших на разных языках свои товары.

Предлагали одежду, показывали прошлогоднее удостоверение с ледокола о том, что провизия доставлялась ими «Красину» доброкачественная и во-время. Кают-компанию забросали визитными карточками и... прейскурантами.

Командир ледокола запретил вахтенному пропускать посторонних на судно. Но и это распоряжение не помогло. Вахтенному трудно было отличить, идет ли на судно коммерсант или представитель власти. Все посетители были одинаково хорошо одеты и смотрели гордо и независимо.

Берген — образец чистого норвежского города и напоминает скорее не город торгашей, а курорт. Природа защитила его от ветров, дала глубокие бухты для захода океанских пароходов, а норвежское трудолюбие пересилило камень, и теперь в искусственно разведенном парке имеются даже сицилийские сосны и рододендроны.

В маленьких домах чрезвычайно тесно, но поразительно чисто. Белье сушится ночью во дворах без всякого присмотра. Из каждого маленького окошечка глядят цветы. Мостовые все асфальтовые или брусчатые, и очень много газонов и памятников. Во всех магазинах выставлены портреты Роальда Амундсена.

Команда корабля получила в валюте жалованье и пошла в город на закупки по арматурным книжкам. И каждому красинцу, за которым ходили толпы любо-

пытных, некий предприимчивый бывший русский гражданин всучивал такую рекламу:

«СПЕЦИАЛЬНЫЙ МАГАЗИН
И
БОЛЬШОЙ ВЫБОР МУЖСКИХ И МОДЕРНЫХ ГАРДЕРОБОВ ПО УМЕРЕННЫМ ЦЕНАМ, ГДЕ И ГОВОРЯТ ПО-РУССКИ».

На афишке приводился адрес. Реклама была напечатана по старой орфографии.

Несмотря на прификс, в каждом магазине шел невероятный торг с переторжкой, при чем после запроса уступали сразу десятки крон. В два дня моряки-красинцы оставили здесь свои ерики, и стало трудно отличить красинцев от коренных бергенцев.

Такую накупили робу!

НА ШВАРТОВАХ

Ледокол «Красин» стоял на швартовах в угольной гавани Бергена. Ковши гигантских электрических кранов, послушных норвежцу-машинисту, двигались с невероятным грохотом и мертвой хваткой брали кардифский уголь со складов и набивали ненасытный желудок ледокола.

Ему предстояло более двух месяцев итти без берегов. Целыми днями тучи угольной пыли носились над ледоколом, и люди, работавшие на палубе, были похожи на негров. Свободные от вахты матросы сошли на берег. На лужайке, куда не долетала угольная пыль, двое красинцев играли на мандолине и балалайке; молодой моряк, которому старуха-мать на прощанье принесла двухрядную гармонь, дополнял оркестр. Сюда, на лужайку, каждый вечер приходила норвежская мо-

лодежь послушать русские песни, посмотреть русскую пляску, поговорить на всех языках сразу с советскими матросами.

— Стэнька Разин! Стэнька Разин! — просили норвежцы. В прошлом году многие из них разучили эту песню.

— Эй, братишки, пошире круг, побольше жизни! — заломив кепку на самый затылок, пошел откалывать «русскую» молодой кочегар. Под звонкие одобрения норвежцев он показывал такую присядочку, что даже свои приходили в восторг.

— На вахту! На вахту! — кричали с ледокола.

Часть моряков снималась и шла на ледокол. Но музыкальные инструменты передавались другим, и вечер «единения трудящихся двух наций» продолжался.

— Ну и грязи же на нашей коробочке! — говорил молодой моряк.

— Поплаваешь — и не такую еще грязь увидишь. Без этого в плавании не обойтись. В каждом порту, на каждом судне такая полундра. Подожди, выйдем завтра в море, — не узнаешь коробочку. Так надраим, аж закачаешься!

— И долго мы здесь будем стоять на швартовах?

— Суток двое, а то и больше.

— Ведь погрузка-то заканчивается?

— Неполадочка тут с радиопеленгатором вышла, так что денек лишний прохлопаем в Бергене.

— В город пойдем?

— Куда же пойдешь? Ерики-то все вышли. А без ериков там нечего делать.

Но часть матросов ходила по городу. За ними бежали мальчишки, показывали пальцами, кричали: «Красин»! «Красин»! Моряки угощали норвежских ребят пищетрестовскими карамельками, и восторгу детей не было конца.

— Люблю норвежский народ,— заявил один кочегар.— Во-первых, честный он, во-вторых, порядочности много. А еще — любезны очень. Спроси норвежца, где такой-то дом, почта, скажем, телеграф или гальюн хотя бы, норвежец тебя обязательно проводит или растолкует порядком.

— Ишь ты, как расфрантился!

— К парикмахеру ходил. Барбе — по-ихнему. Показываю на затылок, говорю: «Машинка», отдал восемьдесят ериков, и как славно подстригли. И не то, что у нас ручной машинкой, а электрической; мягко, дьявол, берет, не слыхать совсем.

— Что мне нравится у них,— говорил один из судовой команды,— так это чистота. Мостовые моют машинами. Метлы нету, но каждая, по-нашему сказать, домашняя хозяйка утром и вечером выходит со щеткой и моет мостовую перед своим домиком. Мостовую! Понимаешь, какая штука? Мусорных ящиков у них вовсе нет. По утрам приезжает грузовичок и забирает выставленные на тротуар домашними хозяйками ведра мусора.

В каждом окне цветы, около дома — обязательно зелень, палисадничек. Памятников много, и памятники серьезные, не барахло какое-нибудь. Ты на гору с'езди, туда фуникулерчик ходит, это да! Только без ериков там, конечно, не особенно. Туда, по-нашему, растратчики едут, буржуазиат. Шамовка там больно дорогая. Пришел я туда вчера с товарищем. Сели мы это за столик. Показываем кельнеру,— дескать, пошамать пришли. Он тащит нам карточку. А там все по-норвежски написано, ничего не разберешь. Посмотрели мы с товарищем на эту карточку и задумались. Против каждой надписи много крон выставлено и ериков. Что же делать? Решили мы одно — есть не будем, а возьмем

по стаканчику кофе с бутербродом. Понял он нас, даже засмеялся приветливо. Хороший народ норвежцы. Ждем мы это с товарищем пять минут, десять, пятнадцать, двадцать минут ждем. «Ну,— говорю я приятелю,— безусловно, здесь вышло недоразумение. Должно быть, нам что-нибудь жарят. Не удрать ли нам, пока денег не стребовали?» Товарищ говорит мне: «Дожидайся своего конца». Приходит кельнер. На руке у него поднос, а на подносе целая кондитерская и бакалейная торговля. Глянули мы, там масло кусочками узорными выложено на тарелочках, сырок нарезан очень внимательно, и всякие такие штучки, не поймешь, что к чему. Говорю я товарищу: «Влипли мы с тобою, брат». А он говорит: «Ничего подобного» — и кричит прямо в ухо кельнера: «Ту бутерброд! Ту! Понимаешь,— говорит,— два — и точка!» Понял он нас. Забрал все свои инструменты и затопал обратно на кухню. Дали мы ему работу. Минут через пять пришел с двумя бутербродами и кофейничком на каком-то детском подносе. А хлеб у них режут бедно. Для нашего человека ничего не составляет. Бедствует страна хлебом. Напились мы кофе. А чего напились? Две чашечки на рыло, а чашечки чуть побольше наперстка будут. Пожалте, говорит, три кроны. Пальцами нам показывает. Я и говорю товарищу: страна наша находится в трудном положении, и совестно нам тратить валюту на такую ерунду. Больше мы с товарищем туда не ходили. А вот, если ты заглянешь, имей в виду нашу историю.

— Дешевая вещь — здесь на горе черника. Ее там до чорта. Пойдем за черникой.

Человек пять красинцев пошли в гору за черникой.

На лужайке шел беспрерывный концерт. На этот раз советские матросы с норвежками шли парами под старинный вальс «На сопках Манчжурии».

ЯКОВ БЬЕРКНЕС И ЕГО СЛУЖБА ПОГОДЫ

Через два часа «Красин» отшвартовывается от угольной гавани и становится на рейд в Берген-фиорде. Закончен спуск команды на берег.

«Красину» предстоит тяжелый полярный поход. Картина расположения льдов в Карском море еще не известна. Но сила «Красина» не только в его сокрушающих ударах. На «Красине» идут гидрологи, метеорологи, биологи и опытнейшие полярники и знатоки льдов. Вот где главные резервы ледокола в борьбе со льдом!

Крупнейшая в мире служба погоды находится в Бергене. Авторитету молодого Якова Бьеркнеса, руководителя бергенской службы погоды, доверял Амундсен. Для консультационных работ Бьеркнеса вызывали в Соединенные Штаты. Наши ученые неоднократно пользовались гостеприимством бергенского геофизического института.

Круглая высокая башня геофизического института по Алеегатен видна издалека. На ней в беспрестанном движении анемограф, некогда гостивший у нас вместе с Амундсеном, в знаменитом его плавании у мыса Челюскина.

Сильно стесненные в материальном отношении руководители института стараются производить свои работы при минимуме денежных затрат. Институт не знает курьеров. И в нем такая же тишина, как в читальном зале крупной столичной библиотеки. Все заняты своим делом, а для связи в каждой рабочей комнате есть телефон. Материалы передаются из этажа в этаж при помощи особых под'емников. Гордость института — непосредственная связь со всеми службами погоды Европы при помощи коротковолновой установки. Мощность установки такова, что позволяет переговариваться даже с

Австралией и с экспедициями, находящимися в Антарктике.

В институте своя фотолаборатория. В физическом кабинете для полной изоляции, чтобы не мешать радиоприемнику, все металлические части, водопровод, отопление и стены покрыты фарадеевой сеткой.

Под всем зданием института идет громадный тоннель, который может быть весь наполнен водой. Он дает возможность вести научную работу над огромными массами воды. Норвегия — бедная страна. Бюджеты ее невелики. Население — всего два с половиной миллиона, да столько же в эмиграции, в поисках лучшей жизни. И институт экономит на каждой мелочи, даже на карандашах, которые разрешается чинить только точилкой, но не ножом.

По узким каменным лестницам мы спустились в прохладу подземелья.

— Вы стоите сейчас на четыре метра ниже уровня моря,— говорит мне по-немецки норвежец Бьеркнес.

Открылась водонепроницаемая массивная дверь. Раздался гул и грохот, прокатившийся по подземелью. Пахнуло холодом. Черный блестящий камень, полумрак, слегка рассеиваемый электрическими фонариками, и полное отсутствие какой-нибудь жизни. А неподалеку в этот камень бьют морские валы.

— Наша цель,— сказал на прощанье Бьеркнес,— познать атмосферу и будущую погоду. Цель далекая, но вполне достижимая,— улыбнулся ученый.

— Мы нередко работаем в этом институте,— говорит Пуйше.— Здесь цвет предсказателей погоды.

Когда мы возвращались из института, «Красин» стоял уже на рейде и готовился сниматься с якоря. Следующий заход в Харстад, и затем без берегов до Новой Земли, где встретим Чухновского.

В НОРВЕЖСКИХ ШХЕРАХ

В полдень 25 июля несколько часов простояли на рейде в Тромзе, откуда год назад улетел в свой последний полет Роальд Амундсен.

В кают-компании «Красина» выставлена большая фотография Амундсена с Гильбо и Дитрихсеном, ушедшим вместе с ним в неизвестность на «Латаме».

Тут же рядом на круглом столе книга Амундсена «По воздуху до восемьдесят восьмого градуса северной широты». Отважный путешественник воздает в книге должное своим спутникам по историческому полету на аэропланах к полюсу.

«Около Птичьего мыса,— пишет Амундсен,— нам довелось быть свидетелями одной из самых захватывающих сцен, которые мы пережили,— сцену свидания наших летчиков с женами. Был спущен трап, все головы обнажились, и две женщины, на которых за все время нашей экспедиции выпало самое тяжелое бремя, поднялись на палубу. Ах, если бы в моем распоряжении были флаги всего мира, чтобы я мог почтительно опустить их перед этими женщинами! Ах, если бы в моем распоряжении были пушки всего мира, чтобы я мог салютовать и оказать этим женщинам наивысочайший прием!»

Это звучит торжественно-печально. Один из этих летчиков — Дитрихсен — погиб позднее при спасении экспедиции Нобиле вместе с Амундсеном.

Норвежцы с любовью всматривались в морщинистое, но полное неиссякаемой энергии лицо человека, открывшего оба полюса нашей планеты.

Из Тромзе «Красин» шел узкими фиордами. С левого и правого его бортов совсем близко, как на реке, можно было видеть берег. Он был угрюм и дик. Ску-

вое незаходящее солнце освещало шпицы скал фиолетовым полутоном.

— В прошлом году, когда мы здесь ходили, ни одной снежинки на скалах не было,— говорили матросы, собравшиеся на корме.— А теперь горы до самой подошвы покрыты снегом. Не иначе как все Карское море будет забито льдами.

— У прошлом годе много теплей било,— заметил финн — вахтенный матрос, прислушиваясь к разговору.

— Ну, коллеги, кто из вас специалист травить, собирайтесь! Скоро выходим в Ледовитый океан. Поболтает здорово нашу коробочку.

— У нас кладовщик из гальюна не выходит. Все лимон сосет.

— Я так скажу, что нет такого моряка, которому было бы хорошо во время качки. Каждый переносит по-разному. Одному в рот ничего не идет, а другому подавай двойную порцию. Жрет как лошадь. Есть такие — спать ложатся. Вот у нас в прошлом году другие на вахте прямо засыпали,— рассказывал моряк, старый полярный волк, три раза зимовавший на Диксоне.

— В прошлом году по чарочке водки давали,— интересно, будут теперь давать или нет,— спросил один старый красинец.

— Тебя ваксой не корми, только водку дай!

— Ит уоз би э литтл сторм ту морроу монинг,— на ломаном английском языке говорит норвежец-лоцман, ведущий «Красина» в шхерах.

— Коллеги, норвежец тоже говорит — шторм будет. Задраивай иллюминаторы! Найтовь барахло, а то все разлетится по коробочке. Хуже нет на свете плавать на ледоколах.

— Говорят, когда англичане построили «Красина»,

то на первой же пробе сказали, что плавать на этом корабле невозможно. Он ходит как дурак. Руля не слушается. Его в тихую погоду валяет направо и налево, а в шторм кладет на сорок пять градусов. Кто шторм на ледоколе выдерживает, тот лихой моряк, ему все нипочем.

— Зато у ледокола центр тяжести так глубоко находится, что ни один шторм его не опрокинет.

— Это действительно, на то и зовут его ванька-встанька.

У входа в кают-компанию второго класса вывешен список всех людей, находящихся на корабле. Против каждой фамилии — номер. Под всем списком обозначено, какому номеру на какую спасательную шлюпку итти в случае водяной тревоги.

— Братишки, кто идет в душевую мыться?

— Да, так вот я и говорю, что у ледокола никакой мореходности быть не может. Ведь у него нет киля, он как утюг. Малейшая волна его кидает. Какой-нибудь маленький шип идет — его не качает, а «Красин» с бока на бок переваливается.

— Войдем в лед — не качнет, как в тарелке будем плавать.

— Да вот скоро выйдем в открытое море, — нараспев говорит Леман, — тогда начнем голубей под сетку выпускать. Пусть привыкают к ледоколу. Можно будет дать Чухновскому парочку-другую с собой в полет. Почтовые голуби умные. Они обязательно прилетят к своей голубятне.

— На вахту пора! До свиданья! Пойду в кочегарку шуровать уголек!

ПОСЛЕДНИЕ ФИОРДЫ

«Красин» шел узким фиордом. Пролив был не шире Волги под Казанью. Скалистые и суровые берега, голубея во мгле, закрывали горизонт. Вершины скал блестели снеговыми полосами, и не было слышно птичьего гама. В гнездах между скал ютились селения норвежских рыбаков. Незаходящее солнце стояло низко и не грело. Холодный ветер пронизывал насквозь. Всей палубной команде выдали полярную спецодежду.

Скалистые пики вырастали с каждым новым поворотом ледокола. Домики норвежцев были окружены палисадниками с небольшими деревцами. Около каждого домика, как и по всему норвежскому берегу, стояли флагштоки на всякие парадные случаи, до которых норвежцы большие любители.

Из-за своей глубокой осадки «Красин» не подошел к самой набережной порта Харстад, но стал на рейде. Моторные боты, лодки и лодчонки кольцом окружили ледокол, едва он успел отдать якорь. Норвежская молодежь гурьбой повалила на «Красина». Осматривали весь корабль, щупали чучело белого медведя, выставленное в кают-компании как трофей прошлогоднего полярного похода и произносили свое традиционное норвежское: «О-я! О-я!»

Моряки угощали паломников конфетами и при этом об'ясняли громко: «Руссише, руссише», на что норвежцы, улыбаясь, отвечали: «Рюсисска, о-я! о-я!»

— Мишка, Мишка, «Монте-Сервантес» пришел. Стоит на рейде против нашей коробочки,— вбежал в кубрик один из палубных матросов.

— Факт, теперь немецкого пивка пропустим.

— Немцы к нам с «Монте-Сервантеса» притопают. Они затем и плавают, чтобы побольше посмотреть. Экскур-

санты! Это для них номер сверх программы. Десять минут не пройдет, весь их буржуазиат явится.

И действительно, толстые и тонкие немцы в спортивных и бюргерских костюмах до того набили ледокол, что проходу не стало.

В городке две примечательности: небольшое судно «Бельжик», на котором некогда плавал Амундсен, и тысячелетняя церковь. В церкви — мумия одного из священников этой церкви, умершего двести лет тому назад.

— Вот так государство! Попы по двести лет сохраняются! — удивился кочегар ледокола, детально рассматривая высохшее, запавшее лицо мумии.

В Харстаде, как и в Бергене, лезут по штормтрапу шипшандеры и местные кооператоры с предложением своих услуг по доставке товаров.

— Честь имею представиться: Степан Михеев. Я — русский норвежец, — с акцентом говорил новоприбывший на ледокол человек.

На корабле заинтересовались этим человеком, но он оказался, к разочарованию всех, помощником своей норвежской тещи по мелколавочной торговле — маленький шипшандер.

«Красин» уходил из порта под восторженные клики молодежи, приветствовавшей нас с лодок и моторов.

Ледокол — в полутора часах от мыса Нордкапа. Идем все еще фиордами. Теплая океанская река Гольфштром удивительно смягчает здесь климат.

Наконец-то Леман выпустил голубей из голубятни для прогулки под сеткой. Ледокол приходит в порядок. Уже несколько раз скачивали палубу. Стало сравнительно чисто, хотя на палубе еще навалено несколько десятков тонн кардифа.

— Погодите, — говорит мне Э. П. Пуйше, — этот уго-

лек, ой, как нам еще пригодится в Карском море, где никаких угольных баз не будет.

Вчерашний свежий ветер сменился штилем.

Через полчаса последний лоцман покидает ледокол.

ДВА ЧАСА В НЕИЗВЕСТНОСТИ

ПОДВОДНЫЙ ЧАСОВОЙ ОХРАНЯЕТ ЛЕДОКОЛ

Синоптики на ледоколе получили радио: «В Москве двадцать градусов тепла, полнеба закрыто облаками, слабый норд, в два балла».

Здесь моросит мелкий, пронизывающий дождь. На палубу не выйти без дождевика и хорошо промазанных жиром сапог.

— Погода-то какова! — радуется Э. П. Пуйше.

— Что же хорошего?

— Для метеоролога та погода хороша, которая хорошо предсказана,— отвечает Пуйше.— Вы нам, синоптикам, еще цену не знаете. В Болгарии в одном селении рыбаки содержали глубокого старика-инвалида только за то, что он, благодаря своей наблюдательности, прекрасно предсказывал погоду. Много есть местных примет и наблюдений, которые синоптической наукой подтверждены. Отдельные ученые об'ясняют великое переселение народов также метеорологическими условиями. Летом — засуха, а зимой гололедица в течение ряда лет заставили народы переселяться на лучшие места. Степь была выжжена, гибли люди и скот.

— А что, Михаил Иванович, в'ехали мы уже в полярный круг?— вдруг спрашивает старшего механика один из журналистов.

— В'ехать можно в рожу, а полярный круг мы ми-

новали ровно в полдень,— оскорбленно отвечает механик.

Моряки чтут свой морской язык и не допускают в нем никаких искажений.

— На радиостанции Морра-Сале тяжело заболел цынгой начальник станции,— говорит Евгенов, входя в кают-компанию.— Убекосевер просит снять его и помочь имеющимися у нас средствами. По принятым на Севере обычаям, мы обязаны помочь зимовщику и попытаться снять его, если не помешают льды или метеорологические условия.

— «Красин» для того и существует, чтобы наводить на Севере порядки,— замечает Михаил Иванович.

— Товарищ вахтенный, на какой широте мы находимся?— спрашивает помкомандира один матрос.

— А тебе зачем?

— Когда мы будем на восемьдесят первой широте?

— А в чем дело?

— Говорят, тогда спирт выдавать начнут.

— Ну, братец, плохо твое дело: спирта ты не получишь. На такой широте мы не будем вовсе.

Радисты приносили новые сообщения к круглому столу синоптиков, расположившихся в кают-компании за картами погоды.

— Сейчас взяли Югорский Шар!

— Вот Цып-Наволок!

— Метеосводка Ленинграда!

— С Гамбургом еще не связались... Ищем.

— Гамбург нам обязательно дайте. Нам без него трудновато будет.

На карте погоды вырастали кружочки над городами. Чем облачней было небо в городе, из которого получено метео, тем больше заполнялся чернотой кружок на карте, обозначавший город. От кружка шли стрелки. Они

показывали силу ветра и его направление. Синоптики шли по следам ветра. Находили зарождение циклона и антициклона, определяли предстоящие туманные пятна на море от столкновения южных и полярных вод и ветров и предсказывали вероятную погоду на завтра. Даже моряки, обычные скептики, относились к их работе с большим уважением. И часто в кают-компании слышны были голоса:

— Товарищи, потише немного, здесь люди работают!

На завтра синоптики предсказывали дурную погоду: «Преимущественно пасмурно. Вероятен небольшой дождь. Умеренные ветры юго-восточной четверти. Возможен туман».

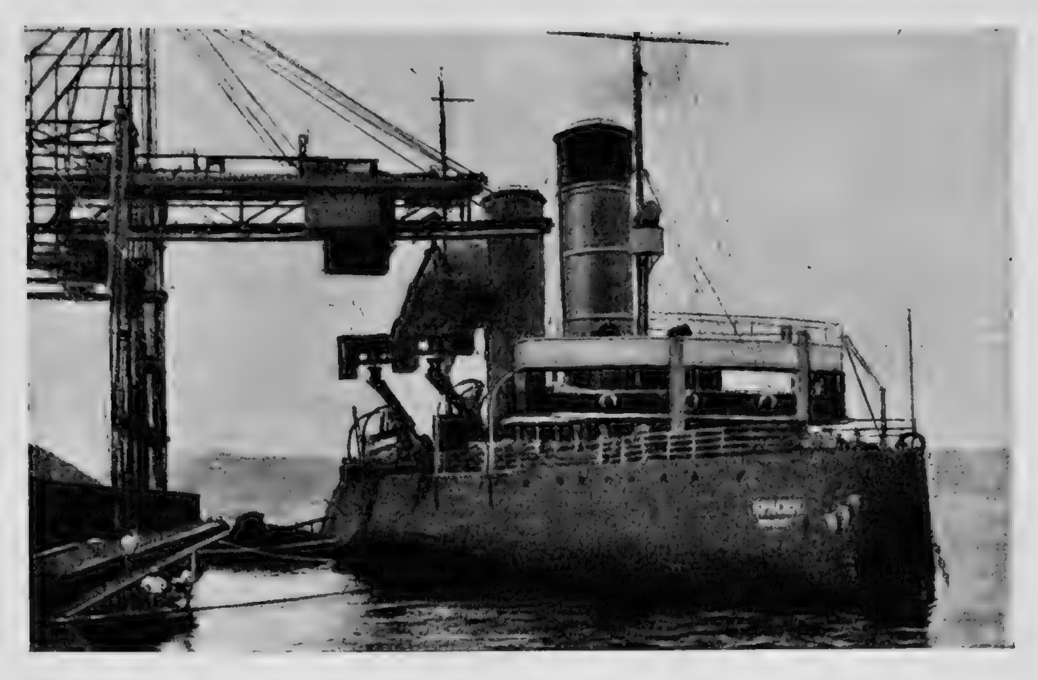
Когда командир ледокола пробежал сводку, он сказал:

— Одним словом, все прелести.

С радиопеленгатором не ладилось. А без него трудно было судну определиться. Вторые сутки шел «Красин» Баренцевым морем. Видимость была слабая, не больше двух-трех миль. И сегодня, в пасмурный день, командир ледокола поднялся на верхний мостик и долго всматривался в бинокль, ища на горизонте невысокие очертания острова Колгуева.

Радиостанции давно говорили о том, что входы в Карское море забиты льдами. Архангельские пароходы не выходили из порта для следования в Карское море, боясь тяжелого льда.

Командир ледокола Сорокин долго всматривался в мутный горизонт, но, кроме молочной пелены тумана, ничего не было видно с верхнего мостика. А еще совсем недавно радио принесло тревожные слухи об айсбергах, которых видели не только южнее Земли Франца-Иосифа, но и в самом Баренцевом море и даже у Мурманского носа, в горле Белого моря.

Ледокол „К р а с и н“ берет уголь в бункерной гавани Бергена.

гор. Б е р г е н.

Фуникулер в Бергене.

Корс - фиорд.

Встретиться ледоколу с айсбергом, да еще в туман, было гибельно. Об этом знал не только капитан, но и все люди на ледоколе.

Солнце не показывалось из-за облаков. Наползал тяжелый туман. С носа ледокола не было видно, что делалось на корме.

Матросы, обычно выходившие на ют покормить чаек хлебом, рассказать что-нибудь из морской жизни или похвастать прошлогодней экспедицией, сегодня сидели все в кубрике. Было холодно, а полярную спецодежду выдали только тем матросам, которые были заняты на верхней палубе.

— Вполне допустимо, что ледокол сбило течением, отнесло миль на пять, на десять,— говорил мне старый моряк.— Но куда, к северу или к югу? Возможно, что и ветром чуть отнесло. Бывает так, что компас стал врать — неправильно определили девиацию.

— Вахтенный начальник, спустите «подводного часового» на тридцать сажен,— приказал вдруг командир.

— Есть,— и вахтенный начальник сбежал вниз на палубу отдать распоряжение об установке лага Джемса — «подводного часового».

Это была деревяжка, выкрашенная в красный цвет, которая на лаге, прикрепленном к особой сигнальной машине, опускалась за кормой в море и туго натягивала лаг. Но стоило только этой деревяжке коснуться грунта, как лаг сразу давал слабину, и заряженный механизм приводил в действие оглушительный звонок. Люди на корабле предупреждались, что грунт близок, и корабль может наскочить на подводную скалу или сесть на мель.

В одиннадцать часов пятнадцать минут дня вахтенный начальник дал распоряжение опустить лот по левому борту корабля для измерения глубины. Лот пока-

зал небольшую глубину. Вдруг прибежал с кормы вахтенный матрос.

— Лаг Джемса дал сигнал! Задели лагом грунт!

— Зарядить на двадцать сажен,— приказал вахтенный начальник.

— Есть,— и матрос скорым шагом пошел на корму. Минут через десять матрос снова прибежал на мостик.

— Опять всплыл лаг!

Ледокол шел на какую-то отмель.

— Стоп!— тревожно прозвенела ручка машинного телефона.

— Ну, заблудился,— сказал старший машинист, застопоривая машину.

Скоро застопорили и две другие машины. Ледокол немного протащился по инерции и стал.

Вахтенный начальник снова измерил глубину лотом и пошел в штурманскую определять по глубине, в какой точке карты находится сейчас ледокол.

Командир часто выходил на мостик и рассматривал в бинокль горизонт, где неподвижно лежали свинцово-серые тучи. Море было тихо и серо. Ни одной чайки. Недавно, когда стал разрежаться туман, по левому борту ледокола видели с кормы норвежского тральщика — очевидно, воровал рыбу в советских водах. Он появился на горизонте и через полчаса скрылся из виду.

Молодой синоптик, вооружившись восьмикратным биноклем, полез на верхний марс — наблюдательную бочку.

— Не видать ли Колгуев?— кричали ему с палубы матросы.

— Нету,— кричал он сверху, сложив в рупор ладони.

— Ледокол миновал остров Колгуев полчаса тому назад,— сказал вахтенный начальник, выходя из штурманской. Мы определились по глубинам.

Назавтра выглянуло солнце. Оно показалось на полчаса. Вахтенный начальник успел проверить местонахождение ледокола по солнцу.

Ледокол был отнесен в сторону на десять миль.

НА ВЫРУЧКУ ЗИМОВЩИКА

У ледокола был календарный план для проводки коммерческих караванов Карской экспедиции в устья Оби и Енисея. На ледоколе был строго рассчитанный запас угля. И все же начальник экспедиции Евгенов решил итти на выручку зимовщика.

— Правильно делает,— говорили матросы.

— В прошлом году фашистов спасали, в этом году своих пойдем спасать.

Зимовщик на Морра-Сале был единственным радистом этой далекой станции, куда с материка не доберешься, а с моря в течение сорока дней в году, и то не всегда, можно пройти на хорошем судне. Столько нагонит льду из сибирских рек, из Байдарацкой губы, из моря, из океана. Годовалый лед нежен и бел. Двухгодовалый — из'еден и грязен, как старуха, умирающая от волчанки. Отжимной ветер торосит его. С разбега, налетая друг на друга, льдины выстраивали пирамиды, обтачиваемые морской водой, они, с'едаемые туманами, дрейфовали по воле течения и ветров. Целый поселок мог поместиться на ослепительно белых полях. И не раз случалось, что на этих льдинах, как на морских кораблях, искали спасения люди с тонущих судов, превращенных в щепы весенним подвижным льдом.

На Морра-Сале иногда заходили самоеды. Редко залетали чайки. Только зимой прибегали волки.

Зимовали здесь трое. Ученый, радист и сторож.

Трудно было на зимовке.

Давно уже вышли все запасы овощей. Свежего мяса не было и в помине. И у начальника радиостанции распухли десны, стали кровоточить.

Зимовщик думал, что со временем все обойдется. Но проходили недели, болезнь усиливалась. Доктор по радио из Архангельска советовал прекратить всякую физическую работу.

Каждое утро нужно было по очереди доставлять за версту от станции пресную воду и дрова. Начальник выбыл из строя. Часто ложился днем в постель. Загрустил. Ни с кем не разговаривал.

Зимовка подходила к концу. Двое здоровых давно мечтали о возвращении, они устали от тяжелой зимовки.

У пятнадцатой линии Васильевского острова стоял первый в мире по своей мощности ледокол «Красин». Закончилась погрузка продовольствия, ледокол дал три прощальных гудка и отвалил от набережной.

По радио передавали: «Красин» вышел в ледовый поход».

«Вот кто спасет меня»,— перехватив радио, подумал зимовщик.

— Но как же пригласить такой ледокол к себе на станцию? Сообщу в Убекосевер. Может, там мне помогут.

Убекосевер откликнулся. Дал радио начальнику ледокола. И «Красин» повернул курс на Мюрра-Сале.

Еще перед тем как огромные желтые трубы ледокола с красными пятиконечными звездами показались на виду у станции Морра-Сале, начальник ее сообщил на ледокол, что ему лучше, и он просит лишь такого продовольствия, чтобы можно было побороться с цынгой до прихода смены.

— Убоялся такой чести,— говорили матросы на корме.— Сам «Красин» собирается подать ему моторный бот. Теперь нарочно, небось, пишет, что здоров.

— Говорят, если его со станции снимут, она работать не будет. Там радистов, кроме него, никого нет.

Ледокол с полного хода налетал на ледяные поля, громоздился на них, давил своей страшной тяжестью. Трещали льды, и в трещины с шумом и брызгами бежала студеная морская вода.

— А я скажу так,— говорил вахтенный кочегар, на минутку выбежавший на верхнюю палубу подышать свежим воздухом,— порядочный человек, и больше ничего. Если станция закроется, кто сообщит, что творится вокруг нее на этом проклятом море? Никто. Пойдут наши караваны, а тут вдруг туман. С кем ты будешь радиопеленговаться? Налетишь на берег, только и всего. Порядочный он человек — безусловно!

— Наши ему всякого добра понавезут. Выживет.

С ледокола приготовились к спуску моторного бота.

Лед развело. Милях в двух-трех от ледокола показалась радиостанция. Простым глазом можно было различить несколько построек на берегу и высокую радиомачту.

С берега сообщили по радио, что ждут мотор и укажут красным флагом место стоянки.

На воду спустили мотор и четверку — лодку, в которой шли продукты для цынготного больного. По штормтрапу в зюдвестках, дождевиках, высоких сапогах, смазанных медвежьим салом, спустились в моторный бот: доктор, помкомандира, метеоролог и три матроса.

В лодку-четверку погрузили картофеля, капусты, свеклы, моркови, отрубей, муки, чеснока, клюквы, сыру, лимонов, апельсинов, консервированного молока и ананасов.

Доктор выслушал больного, осмотрел его и дал такое заключение:

«На основании осмотра считаю, что состояние здоровья т. Шпанова не является угрожающим жизни, и нахожу возможным остаться ему на рации сроком не более одного месяца. Соответствующие указания о лечении и диэте мною т. Шпанову даны.

Судовой врач л/к «Красин» 31 июля 1929 г.
д-р А. Чечулин
Радиостанция Морра-Сале».

Когда по радио с Морра-Сале сообщили, что моторный бот возвращается, все высыпали на палубу и вскоре разыскали две точки на горизонте.

За моторным ботом ныряла пустая четверка.

— Ну как? Что там? А где же больной? — обступили матросы прибывших.

Больной остался ждать судно Убекосевера. Оно будет через месяц и даст смену зимовщикам. Другие люди придут им взамен на тяжелое зимовье.

ПЕРЕД БОЯМИ

Юдихин только что принял радио с промыслово-научной шхуны «Житков»: «Поздравляем прибытием полярные воды. Ждем встречи нетерпением. Привет».

В прошлом году «Житков» сел на банку неподалеку от берега — в десяти-пятнадцати милях от острова Диксон. Судно с банки не снялось и считается погибшим.

Теперь уже недолго ждать команде «Житкова». Скоро придут «Браганца» и суда Убекосевера и доставят команду в Архангельск.

В черно-свинцовом небе сверкают молнии. Идет дождь. Это первая гроза в наше плавание за полярным кругом.

— Дождь, он туман убивает.

Показалась невысокая фиолетовая полоса острова Вайгач.

Наш компас врет на три градуса. С мостика отлично виден знак Дьяконова на Вайгаче. «Красин» ложится на створ и перед самым входом в Югорский Шар бросает якорь в ожидании полной воды.

В Югорском Шаре есть пятифутовые банки, а «Красин» сидит сейчас на двадцати девяти футах.

— Если горизонт не замажет, уйдем на половине прилива,— сказал капитан.

Лавируя между банками, «Красин» идет Югорским Шаром. Льда нет. Лишь на горизонте сверкает белой полосой небо.

— Это айсблик. Отблеск льда,— говорит Евгенов.

Бинокли приближают лед. Словно на часах стоят высокие ледяные торосы, преграждая путь в Карское море. Но старые ледокольщики только и ждут встречи со льдом.

— Как мыло будем резать,— говорят они.— Это для «Красина» ничего не составляет.

Показалась высокая мачта радиостанции «Югорский Шар». Простым глазом можно было различить несколько деревянных построек, в которых жили зимовщики. Кругом ни деревца, ни травки, даже мох не зеленел на этом суровом грунте. Корабли заходят сюда раз в год. Навигация, если только она бывает, продолжается не более полутора месяцев.

— Поприветствуем наших товарищей-зимовщиков,— предложил командир.

Вахтенный начальник потянул за ручку сигнала. Три раза протяжно и гулко пробасил густой сигнал ледокола. Привет, подхваченный ветром, станция приняла как голос живого человека в этом безлюдном крае. Год

не видали зимовщики людей. Лишь белые медведи заходили на станцию, да на лето, пролетая на Новую Землю, садились здесь перелетные птицы. Но сейчас, в начале августа, свистел холодный ветер, и на горизонте ярко светился лед.

Из домика, стоявшего подле радиомачты, вышел человек и в ответ на сигналы ледокола три раза салютовал красным флагом.

Зимовщики, их было трое, вышли из дома, посмотрели на первого гостя у своих холодных берегов, постояли несколько минут и ушли.

— А скучно им здесь одним. Людей нет. Писем нет. Брошенные будто они люди. А ведь — герои.

— Мы тоже герои. Сейчас войдем в лед, начнется настоящее дело.

— Нас много, а их горсточка. Хуже Сахалина эта жизнь.

— А для меня зимовка — любимое дело,— вмешался в разговор старый полярник, не раз зимовавший на Диксоне.— Нету для меня ничего лучше зимовки. Полная свобода. Иди, куда хочешь, и делай, что хочешь. Кто не ленив, так песцов наловит, только успевай пасти проверять. Рыбку ловить можно, дичи пострелять.

— А где сейчас Чухновский?

— Радист говорил, что в Архангельске они.

— Что это так рулевой пашет?

И действительно, корма вдруг завернула в сторону, и след по воде обозначился дугой.

— Дорогу уступаем. Народ мы вежливый. Видишь, вон штука ползет по правому борту.

Гидрологи-ученые, которых на корабле прозвали «водяными», поставили на корме водородную бомбу и надували водородом резиновый шар. На шаре красными буквами значилось: «ЛЕДОВЫЙ, «Красин». 1929 г.».

Небольшой молочно-белый шар постепенно вырастал в гигантскую подводную мину. Стоп! Газ закрыли. Быстрее птицы взмыл шар и пошел прямо к солнцу. На корме все следили за полетом, приложив ладони ко лбу. Скоро шар стал уходить из виду. За ним наблюдали в теодолиты, отсчитывая записи каждые две-три минуты.

— Товарищи, глубоководная станция будет промерять сегодня в шесть часов двадцать минут. Обед будет дан научным сотрудникам раньше обыкновенного. Прошу быть готовыми к шести часам для начала работ,— обратился к собравшимся начальник экспедиции.

— Николай Иванович,— интересуются корреспонденты,— когда будем делать первую проводку?

— Ничего не знаю. Будущее покажет.

Не любят моряки говорить определенно.

— С морем не шутят.

Мы проходили сейчас путь знаменитых полярников. Некогда проходили здесь на своих судах Фритиоф Нансен, Роальд Амундсен, здесь шел в гибельный рейс Брусилов на «Святой Анне» и многие другие, чьи имена вписаны в историю полярного Севера.

Большой отряд дельфинов — десятка два — показался под самым носом ледокола и шел впереди «Красина» несколько часов. Поминутно то один, то другой дельфин выскакивал из воды, показывал свой острый хребет и снова исчезал, оставляя в прозрачной воде ярко-зеленый след. Все свободные люди сбежались на нос, за волнолом, хотя это не разрешалось, и смотрели на резвую игру неожиданных гостей.

— Думаю открывать галантерейную торговлю на Новой Земле. Много захватил белья и всякого хламу,— говорил один моряк, у которого голая грудь посинела от сплошной татуировки.

— Этот товар на Новой Земле не пойдет,— уверял его кочегар.— Вот, если бы бутылку водки, так можно на песца сменять. А белье пригодится еще в нашем плаванье. Нас предупреждали, что плавание во льдах — штука серьезная. Вот зазимуем. Паек сразу уменьшат. Паров не будет. Станет холодно. Зажгут камельки. Потухнет электричество. Будут стеариновые свечи. И все вместе станем жить в одном из кубриков, чтобы потеплее было. Белье и пригодится. Но ты не робей! Не пропадем. На десять месяцев продовольствия запасено. А там пришлют к нам кого-нибудь с угольком. «Ермака» дадут. Он один только сможет нам помочь. Другим ледоколам не под силу будет.

— Гляньте, солнце-то не заходит, а время двенадцать часов ночи.

ДРЕЙФ ВО ЛЬДАХ И ТУМАНЕ

По курсу лежал тяжелый лед — обломки полей. Трудно пришлось «Красину» в эту ночь. Трехметровые льдины расклепали форпик. «Красин» получил течь. И насос уже откачивал морскую воду, просачивавшуюся в утробу ледокола.

Радиопеленг не работал. Радиостанция Югорского Шара была перегружена, радисты-зимовщики не спали несколько ночей. Ледокол завалил их телеграммами. Это были оперативные сообщения и метеосводки, которые нужны были «Красину» как верные путевки. Было немыслимо проводить по такому тяжелому льду коммерческие пароходы. «Красин» делал сейчас всего шесть узлов в час. Командование щадило его. Он был легко ранен в бою со льдами, капитан реже посылал

его в атаку, стараясь лавировать между обломками полей.

Югорский Шар сообщал по радио, что пролив забит льдами. А здесь в этом проливе была назначена встреча с коммерческим караваном. Карские Ворота и Маточкин Шар были также закрыты, и «Красин»,— единственный корабль в Карском море,— не видя впереди себя ничего на четверть мили, шел тихим ходом. Бортовые машины делали тридцать пять оборотов, а кормовая — сорок пять. Это считалось легкой вахтой для кочегаров и машинистов.

Ручка машинного телеграфа прозвенела «стоп». Ледокол прошел несколько метров вперед и, уткнувшись в огромное поле, стал. «Красин» лег в дрейф.

Нельзя было подходить к берегу в таком большом тумане. Наскочить на банку — это значило загубить ледокол и тем закрыть надолго Северный морской путь.

Солнце не показывалось. Определяться было не по чему. Несколько раз радисты корабля пробовали пеленг. Но каждый раз получались разные расстояния от Югорского Шара. Все же общее мнение командования сводилось к тому, что ледокол дрейфует в десяти-пятнадцати милях от радиостанции «Югорский Шар», со скоростью нескольких миль в день.

— Все еще туман,— заглянув в иллюминатор, сказал капитан.

— Ну, как с погодой?

— Да вот еще не составили карту. Кругом все станции перегружены.

— А все-таки нордост дует.

— Если начнутся зюйдовые ветры — картина в один день изменится.

— Получили радио от первого каравана. Они уже идут Баренцевым морем. Там шторм восемь баллов.

— Здорово мы выскочили.

— Нас шторм уже догонял, но мы спрятались от него в Карском море. Новая Земля его не пустила сюда. Зато льду здесь хватает.

— Куда это вы, Иван Иванович, с винтовкой?

— На вахту. Тот раз стоял, смотрю, тюлень высовывается. Нельзя же такому охотнику, как я, терять время.

— Что-то сейчас Чухновский поделывает на Колгуеве?

— В гости к самоедам ходит.

— Там такой же туманище стоит, как и здесь.

— Не веселая штука, но в полярном плавании без этого не обойдешься.

Не было конца сырой пелене густого тумана. Ледокол дрейфовало в неизвестность, на восток. А Ксения-буфетчица, закончив мытье посуды, скатывала половики и готовилась к генеральной уборке кают-компании.

Уткнувшись в ледяное поле, «Красин», словно в раздумье, держа машины в получасовой готовности, выжидал, когда прояснится на море и можно будет войти в Югорский Шар.

Там стоял, ожидая приказаний, первый караван судов Карской экспедиции.

БЕСЕДЫ СТАРЫХ ПОЛЯРНИКОВ

Туман ушел как табачный дым. Машины «Красина», находившиеся в получасовой готовности, сразу в трех местах вспенили воду под ледоколом. «Красин» пошел к Югорию. Здесь в бухте Варнека должна была произойти встреча с Чухновским и первым караваном судов Карской экспедиции. Уже несколько раз сообщали

радиостанции, что Чухновский вылетел из становища Бугрино, с острова Колгуева. Но Чухновский не появлялся еще на Вайгаче. Слишком ответственна была задача, чтобы рисковать дорогим самолетом в туман и непогоду.

Малым ходом равняясь на створы, распознавая знаки, кресты, поваленные штормами, поломанные ураганами, шел «Красин» Югорским Шаром, к бухте Варнека.

— Приготовить правый якорь!

— Готовьсь!

— Отдать правый якорь!

И «Красин» остановился в полутора милях от берега. Каменистые берега поросли травой и цветами. Издали был виден яркий убор на этом суровом острове, где ничто не возвышалось над горизонтом, кроме морских знаков, поставленных гидрографами для мореплавателей.

Выглянуло солнце, засинело небо. Мимо «Красина», салютуя, прошло зверобойное судно «Новая Земля». Командование ледокола решило послать моторный бот к «Новой Земле» и пригласить на ледокол капитана шхуны.

«Новая Земля» — моторная шхуна. Она еще слишком молода: ей исполнилось всего семь лет. Она ходит за зверем зимой, а летом крейсирует по западному берегу Новой Земли, перевозя пассажиров-самоедов из фактории в факторию, из становища в становище.

На этот раз, кроме обычных своих заходов, «Новая Земля» должна была еще войти в карские льды.

Пять человек комсостава и шесть матросов — вот весь экипаж этого бесстрашного судна.

Мотор полным ходом шел к «Новой Земле». Люди спустили штормтрап со шхуны и приняли на борт красинцев.

По палубе шхуны бегали новоземельские собаки, где-то в углу шипели дикие гуси, пойманные моряками на Новой Земле, и валялись окровавленные, ободранные туши морских зайцев и белух.

Два самоеда и одна самоедка, с ног до головы закутанные в меха, рассматривали прибывших с большим любопытством. Впоследствии один из них, побывав на ледоколе, все осмотрел и похвалил, но в машинное отделение наотрез отказался итти, опасаясь наказания своих богов. Этот же самоед рассказывал, что однажды был в Москве, и рад, что очень скоро удалось вернуться на родину.

— Скучно у вас в Москве,— заявил совершенно серьезно самоед.

На борт «Красина» по штормтрапу поднялись трое со шхуны «Новая Земля»:

Синельников Михаил Федорович, уполномоченный архангельского райисполкома на островах Ледовитого океана (Вайгач, Колгуев, Новая Земля, Матвеев и Земля Франца-Иосифа). «Начальник островов»,— так называли его самоеды.

Михеев Андрей Васильевич, капитан шхуны «Новая Земля», опытнейший навигатор и старый полярник, сам — северянин, родом с Онеги.

Плечева-Анучина Анастасия Гурьевна, фельдшерица, она же доктор Новой Земли. Самоотверженная женщина, зимовавшая год на острове. Настоящая общественница, женорганизатор, единственный представитель медицинского мира на полярном острове, самый известный человек у самоедов после Синельникова.

— Позвольте, время-то у вас какое?— глядя на часы, висевшие в кают-компании «Красина», сказал капитан Михеев.

— У нас — четвертый пояс.

— То-то я и смотрю — разница получается.

— Хожу я у вас по кают-компании, и не качает,— так даже странно,— сказал начальник островов.— Меня море не бьет, но от звона машин на судне словно теряешь чувство равновесия.

— Суденышко у вас отличное, но отчего оно в белом цвете?— спросил Михеева капитан ледокола.

— А каким же его выкрасить?

— Ну, черным хотя бы.

— А мы белым цветом пользуемся как защитным. На белом фоне Ледовитого моря к зверю легче подойти с белым кораблем.

— Трудно нам ходить здесь с «Красиным». С нашей-то осадкой то и дело остерегаешься всякой пакости,— заметил капитан Сорокин.— Хорошо, если грунт не костистый, а то заденешь камень, может быть, и не почувствуешь, а вода в трюмах из пресной станет соленой.

— Мы со своей посудиной здесь — и то остерегаемся. Хотя у нас всего двенадцать футов осадка,— рассказывал капитан Михеев.— Самоедский берег, он ни черта не изучен. Тут ползает одна гидрографическая коробочка, исследует берег. Карта Пахтусова не верна. Идешь, а сам остерегаешься. Ни знаков, ни мигалок, а уж чего говорить о маяках. В Савиной сейчас восстанавливают избу. В прошлом году ее не открывали. В избе лед лежал круглый год.

— А в становище Красино, в Черную губу не заходили?— спросил Евгенов.

— Как же, как же!

— Сколько там жителей?

— Восемь ружей.

— А человек сколько?

— Человек, значит, двадцать пять. В Русанове, там

одиннадцать ружей. А в Белушьей у нас база. Там целый городок. Жителей девяносто четыре человека.

— Самое тяжелое дело — здесь собрание проводить,— жаловался Синельников — начальник острова.— Вот на последнем собрании у меня было двенадцать человек самоедов. Собрание продолжалось одиннадцать часов. Иной раз спорят, спорят, потом запросятся поесть — и опять спорить начинают. Раз прибежал на собрание самоед, об'явил, что белуха в бухту пришла. Запросились самоеды на белуху.

Со шхуны «Новая Земля» подошла шлюпка. Несколько человек из экипажа шхуны поднялись на палубу «Красина». В кают-компанию вошел помощник капитана Михеева, сам бывший капитан, разжалованный в штурмана за аварию, от которой здесь, на Севере, не упасешься, каким навигатором ни будь. Течения не изучены. Знаков нет, или они повалены, и постоянные туманы.

— Ну, как там наш поживает этот славный морячина, длинный такой?— спрашивает один из штурманов-красинцев.

— Растрату произвел. Сам во всем признался. Отсидел срок. Теперь выпустили. Опять плавает.

— Хорош знак стоит на мысе Белом, покойный Николай Васильевич Морозов ставил.

— Знатный был гидрограф. Другой раз идет судно, поставит знак и никому не сообщает. Или напишет себе в колдовочку. Сам пользуется, а ни с кем не поделится.

— С такой осадкой, как наша, Югорий еще не видел кораблей,— говорит капитан Сорокин.— Но чорт бы ее побрал, сколько здесь нервов поизведешь! Промеров нет. Идешь все время и лоты с обоих бортов забрасываешь.

— А водичку на соленость исследуете?— спросил Евгенов.

— Как же, как же! Занимаемся иногда, когда время есть. У меня с собой тут на посудине три бутылочки. Могу презентовать.

— Премного обяжете. Мне в прошлом году несколько бутылок с морской водой разных широт прислал по моей просьбе английский капитан Хьюс с парохода «Сингльтон Абби». И на каждой бутылке написал: «Хорошо для желудка», «Лучшее английское виски».

— Вот посмотрите карту. Здесь помечена степень солености воды, и вы видите ясно направление пресных и речных вод и течений.

Николай Иванович Евгенов подарил капитану Михееву несколько карт и просил сделать наметку ледовой обстановки, которую придется им встретить на шхуне в Карском море.

— Вот у нас шхуны покупают, а снабжения никакого нет. Лага — и то хорошего не найдешь,— говорил Михеев.— Архангельский порт в отношении ледоколов больше всех обижен. «Красин», бывший «Святогор», построен был для нас, для Архангельска, он должен был проводить в военное время суда в Архангельск, а теперь мы, архангельские, за редкость считаем побывать на этом корабле. Вот ходишь тут на суденышках. Поднимется штормяга, опустит между волн — клотиков не видать. Волной так воду поднимет, море дно покажет, у петуха — и то ноги хватит. Один раз ко мне в каюту прибежал штурман,— у него в руках несколько мойв. «Вот вам,— говорит,— на уху принес,— от главного компаса, волной намыло».— Михеев отпил чаю и продолжал.— В Архангельске тральщики прибывают с каждым годом, а капитанов нет. Их не скоро сделаешь. То-есть сделать можно, хороших вот трудно сделать.

— А собачек вы нам постарайтесь доставить с устья Енисея,— сказал «начальник островов».— Нужны нам очень собачки. Породу освежить. Больно уж от чумы гибнут.

— Вы тут обо всем заботитесь.

— Приходится и попом, и нотариусом, и судьей, и кем угодно быть. Принес ко мне раз самоед сына своего новорожденного на октябрины. «Ты уз, крестный, подерзи ребенка, раньсе отец Наркиз дерзал, в водицку кунал, теперь ты подерзи». Что вы прикажете делать? Беру ребенка на руки. Мальчонка так разорался, что хоть беги из дому. Самоед и говорит: «Вот когда отец Наркиз дерзал, никогда дети не крицали и в воде купались». Долбаешь, долбаешь людям, что трудно здесь одному работать. И навигатором, и администратором, и канцеляристом быть. А богатства здесь много. Сейчас возьмут сто шестьдесят тонн пробы свинца. Порода чистая, прекрасная.

— Ну, а как, балуют здесь иностранцы-браконьеры?

— Баловали, да теперь перестали. У нас в каждом становище теперь орган власти,— сказал «начальник островов».— В момент протокол составят. А Чичерин с той же Норвегии спросит. Раньше, бывало, бесцеремонно приходили к нам, спаивали самоедов, задарма покупали ценные меха и уходили к себе с нашими богатствами. Сифилис нам поставляли, а богатства забирали. Я скажу так: если бы здесь плавало еще одно такое судно, как наша «Новая Земля», так за два года, ручаюсь, ни один норвежанин в наших водах браконьерствовать не стал бы.

— Что это сегодня на Вайгаче птицы не видать? Наши матросы сошли на берег с ружьями и жалуются, что никакой живности не встретили,— открыл иллюминатор капитан Сорокин.

— Сей год вся птица на Северный остров улетела. Там гусей много. Самоеды предсказывали, что и зверя сей год не будет. И правда, как в ухо взять, мало пришло зверя.

— И оленей не видать совсем!

— Они здесь, куда им деваться, все в тундре пасутся. Остров Вайгач — священный остров у самоедов. Самоед считает так, если олень кормился лето на Вайгаче, так его уж сибирская язва не возьмет, он все болезни перенесет. Это, конечно, тем об'ясняется, что здесь корма сытные, несмотря на крайний Север, благодатное место, трава густая, сочная. Самоеды перегоняют оленей вплавь через пролив. Вожака ведут на буксире, остальные олени за ним плывут. Они здесь здорово раскармливаются. Правда, при переходе через Югорский Шар зверь много силы теряет.

После чаепития гости-полярники распрощались с хозяевами.

Моторный бот ушел к шхуне «Новая Земля» вместе с ее командиром.

«Красин» пошел в ледовую разведку — расталкивать ледяные глыбы и поля. Вдруг из-за торосов показался парус. Кто мог в такое время осмелиться итти между льдин, когда даже «Красину» это было едва под силу? С ледокола все стали следить за парусом. Долго шел ледокол, дымя могучими трубами. Парус то показывался, то скрывался за торосами. Наконец небольшая лодочка, вооруженная парусом, показалась близко по левому борту. На ней было три самоеда. Куда они шли — никому не было известно.

Лодочка пробиралась узкой водной тропой между торосами, которые, точно живые, ползли, двигались, сталкиваясь друг с другом. На «Красине» следили за смельчаками и думали-гадали, какая льдина их раз-

давит. Но смельчаки делали, повидимому, какое-то обычное, будничное дело и спокойно продолжали путь.

ДОКТОР С НОВОЙ ЗЕМЛИ

Небольшого роста женщина. Волосы коротко подстрижены, чуть вздернутый нос, светящиеся глаза. На ней олений самоедский наряд. Скромность отличает Плечеву-Анучину — фельдшерицу, прозимовавшую в этом году на Новой Земле.

— Я снова буду зимовать. Должен же кто-нибудь здесь работать. Кроме меня и моей помощницы-санитарки, нет представителей медицины на Новой Земле. А здесь, как только придет к нам судно, сейчас же обязательно начинаются инфекционные болезни, в особенности грипп. Самоеды очень податливы на инфекцию. Русские меньше подвержены заболеваниям. У нас стационар на две комнаты, небольшая аптечка. Продуктов достаточно. Я с собой из Архангельска привезла козу. Коза попалась удойная, от десяти до двенадцати стаканов молока давала. Бывало, ко мне цынготные приходят. Даешь по стакану молока. Тем и спасала людей от смерти.

Цынга, или скорбут, — болезнь крови и кроветворных органов. Она возникает в армиях, тюрьмах, на кораблях дальнего плавания, в осажденных городах, во время голода или недоедания. Она не заразна, но вспыхивает наподобие эпидемии. Если во-время принимать меры, не давать сонливости одолевать себя, почаще ходить, заниматься гимнастикой, то даже при отсутствии витаминов можно надолго оттянуть заболевание цынгой. Цынга подкрадывается незаметно.

Сначала человек не знает, что он уже в руках этой страшной болезни. Настроение его падает, он быстро худеет, движения становятся вялыми, усиливается сердцебиение, появляются боли в почках и пояснице. Потом начинают кровоточить десны. Кровоточие десен с каждым днем усиливается, и от малейшего удара, даже от прикосновения происходят внутренние кровоизлияния. Цынга оставляет тяжелые следы, уродуя лицо, руки и ноги, сводя их и делая человека инвалидом.

Некоторые врачи справедливо называют цынгу «консервной болезнью».

Немецкий крейсер «Кронпринц Вильгельм» во время мировой войны имел ежедневный паек по полтора килограмма консервов и белых сухарей на каждого участника похода. Задача крейсера состояла в том, чтобы топить все коммерческие суда, которые везли продовольствие в Европу.

Через девять месяцев подобной работы на борту корабля из пятисот человек команды сто десять слегло от цынги.

«Кронпринц Вильгельм» вынужден был войти в один из американских портов и сдать на излечение своих матросов. Через две недели они выздоровели.

В Соловецком монастыре среди монахов никогда не наблюдалось случаев цынги, хотя они не ели мяса. То большое количество овощей, которыми они располагали, предохраняло их от этой тяжелой болезни.

Население Новой Земли немногочисленно — несколько сот русских колонистов и самоедов. Норвежцы, тайно промышляющие у берегов Новой Земли, всячески стараются уничтожить давние следы пребывания русских на Новой Земле. Валят кресты и прочие отметины, которые делались нашими отважными поморами,

заходившими сюда промышлять рыбу и нередко погибавшими здесь в борьбе с ледовой стихией.

— Тут, за полярным кругом, замечательное явление — нет туберкулеза,— рассказывала Анучина.— А вот недавно два молодых самоеда были направлены в Ленинград для учебы и погибли в один год от туберкулеза. Здесь их не брало, а там вмиг скрутило. За год у меня триста семьдесят восемь койко-дней записано. Сорок четыре стационарных больных перебывало, и огромная амбулаторная посещаемость. Частые ранения из-за неумелого и неосторожного обращения с ножом или ружьем. За козьим молоком ко мне из Кармакул даже приезжали. А вот еще не подняли вопроса о разведении коз у нас на севере, хотя это возможно.

Недавно происходил пятый новоземельский с'езд советов в Белушьей губе. Приезжал художник Илья Тыко Вылко, председательствовал. С'езд проходил как в большом городе, с плакатами, речами, прениями,— и не подумаешь, что на Новой Земле.

Здесь самоедов сто тридцать восемь человек и русских восемьдесят шесть, оседло живущих, зимовщиков. На с'езде было около двадцати делегатов. Самоеды в стужу и метель ехали на собаках из своих становищ за сотни верст на с'езд советов. Это по новоземельским-то логовинам!

— Все революционные праздники тут соблюдаются. В женский день, 8 марта, не было красной материи в становище. Я нарезала старого полотна, опустила в ведро с суриком, высушила, сделала маленькие флажки и галстуки для пионеров, организовала небольшой самоедский отряд, и так славно провели мы этот день.

— Вот ко мне самоеды и самоедки охотно идут лечиться,— рассказывает Плечева.— А вообще к докто-

рам они относятся с недоверием. Между прочим, даже ко мне самоедки ходят вдвоем. Мужья иначе не допускают. Флегматичный народ самоеды, медлительный. Пришла белуха в бухту. Самоед только тогда пойдет бить зверя, когда его будет много. Охотится он не спеша. В свои религиозные языческие праздники, когда у них на горе капище, не подходи — убьют. Деревянные колья, жердочки с намалеванными человеческими лицами или вырезанными ножом — боги самоеда. В знак жертвоприношения красит самоед кровью оленя губы божеству. Горе тому русскому, который возьмет какого-нибудь божка с жертвенника. Убьют! Непременно убьют того человека. Недавно один человек шел из становища Хабарово на радиостанцию «Югорский Шар». И пропал. Возможно, что ему отомстили: он бога ихнего украл.

Но в Белушьей губе мы на редкость дружно живем все. Ни одного инцидента не было за целую зимовку. Продуктов хватило. Самоеды рассуждают как дети: на сегодня есть, и хорошо. Они не любят по-хозяйски делать расчеты, запасы. Это не в их характере. Среди них есть искусные мастера, которые из моржовой кости точат исключительные по красоте художественные вещи: белого медведя, поджидающего нерпу возле лунки, оленя, запряженного в нарты, собак-лаек у самоедского чума. И это делается только при помощи шила. До ювелирной тонкости доходит мастерство.

Самое замечательное за время моей зимовки на Новой Земле: я принимала трех рожениц-самоедок. Сами пришли. Сперва одна обратилась за помощью. Когда все обошлось благополучно, самоедка посоветовала двум другим обратиться ко мне. Так что я непосредственно содействовала увеличению населения Новой Земли.

ПЕРВАЯ РАЗВЕДКА

— Уж такая наша вахта удачная. Как мы на вахту выходим, так непременно туман накроет и льды подойдут,— говорил рулевой.

— Проклятое море,— что ни день, то туман.

— Такой уж здесь порядок.

— В Ленинграде, говорят, сейчас тридцать градусов жары.

— Куда это мы идем?

— В разведку, должно быть. Давно не ходили. Соскучились по льдам.

— Хорошо шататься по южным морям. Не захочешь другой раз и полярный паек получать в этом чортовом море.

— Отдерживай! Отдерживай! Не давай вправо ходить!— раздалось вдруг в трубке над ухом рулевого. Это Яков Петрович, старший штурман, следил по верхнему компасу за ходом ледокола.

— Рыскает здорово, его, дьявола, не удержишь,— утирал рулевой пот своей кепкой.

Впереди показался обломок поля.

— Десять градусов лево!— металлически прозвучало в трубке над ухом рулевого.

— Есть десять градусов лево.

— Поле обходим. И чего нам его обходить?

— Не хотят форсировать. Уголек жалеют.

— Вчера к нам приходил капитан с «Ниц Абби». Вежливый парень. Спирт с собой захватил. А карман-то дырявый. У него бутылка до самого голенища проскочила. Люблю запасливых людей. У них на иностранных пароходах пить в море запрещается, но все равно без газу они в путь не пускаются. У каждого есть смол-дроп.

— А лед здорово разредило. Скоро, пожалуй, и на чистую воду выгребем.

— Так вон же чернеется чистая вода.

— В прошлом году, когда в поход уходили, условился с женой, как только она обо мне подумает, чтобы записала, в какой час и в какую минуту, а я тоже, как об ней подумаю, себе в книжечку замечал. Пришли мы в Ленинград из экспедиции, сверили наши записи. Так, понимаешь, настоящий радиотелеграф.

На смену рулевым пришла новая вахта.

— Ну, товарищ, покрути теперь ты, а мы пойдем харчиться.

Солнце не хотело уходить на покой и стояло над горизонтом. Море было спокойно. Вдруг след, который шел за кормой, круто изогнулся.

— Ну, опять запахали!

Но рулевые не пахали. Курс ледокола был взят вправо. Вдруг в машинном телеграфе прозвенело. Машины все застопорили и с левого борта опустили лот. Глубина девяносто футов. Осадка корабля была двадцать восемь. Ледокол пошел вперед. Но его все тянуло куда-то вправо. Кто-то отклонял его от курса. Рулевые обессилели держать штурвал.

— Сколько у нас оборотов на правой машине? Восемьдесят? Уменьшить до семидесяти!

У штурвала стал помощник командира и сам следил за курсом. Приходилось все время держать руль лево на борт.

Ледокол продолжал итти вправо.

— Руля не слушаешься, будешь слушаться машин,— сказал капитан Сорокин.

— Кормовую оставить на прежнем положении, левую пустить на сорок пять, а правую на шестьдесят пять,— предложил капитан старшему механику.

Через несколько минут корабль пошел по истинному курсу.

«Красин» не дошел до Белого. Курс изменили на Маточкин Шар.

В полдень на горизонте показался лед. Вот стукнула в скулу корабля первая льдина, вторая, третья, и началась канонада. «Красин» поднимал свой нос, наседал на ледяное поле, задерживавшее ему путь. Из-под носа корабля с шумом хлестала вода, с брызгами и пеною, и мелкие рыбешки, выброшенные из моря, как черви извивались на льдине.

«Колдунчик», показывавший направление ветра, говорил о норде. Ветер был холодный, и на мостике нельзя было долго выстоять. А лед крепчал. Он становился грознее, торосистей, не давал такой слабины, как прежде, и проталины между полями суживались и показывались реже. Взобравшись на край поля, «Красин» рыскал вдруг в сторону, словно испугавшись, и снова продолжал путь, ища слабину.

На несколько минут застопорилась одна из машин. Винт не мог повернуться. Так одолевали технику стихия.

Ночью, поздней и светлой как день, мы спустились со старшим механиком в машинное отделение. В двадцати футах над нами шумело Карское море, пенилась студеная вода, ледокол брал барьеры.

В дейдвудном отсеке дейдвудные трубы, через которые валы главных машин выходили в море и вращали гребные винты, вертелись со страшной силой, блестя от машинного масла при свете электрических огней. Машинисты спокойно расхаживали около машин и подавали масла в подшипники, словно это было не в Карском море, а в спокойной обстановке ленинградского порта.

Четырехлопастные винты, в шестнадцать тонн весом каждый, вращались с невероятной быстротой и двигали корабль на борьбу с ледяными полями.

Стены корпуса ледокола, около которых работали люди, были покрыты инеем. Так холодно было море.

Чухновский сидел где-то на острове Колгуеве со своим самолетом. Дул нордост пять баллов и гнал лед к берегу, закрывая дорогу Карской экспедиции. А здесь в двадцати футах под водой стыли механизмы, индевели корпуса циркуляционных помп, и все трубоохлаждение было покрыто снегом.

«Красин» не сдался, но изменил курс, жалея уголь — свою кровь, которая двигала его по этому суровому морю. Он пошел по старому пути вдоль западного побережья Ямала, где должна была быть, по расчетам знатоков, чистая вода.

Справа по курсу надвигался туман. Серые тучи закрывали все небо. Люди на корабле не спали от шума и треска льдин и, словно тени, шатались по железным коридорам «Красина».

БОИ СО ЛЬДАМИ

Солнце ярко светило и даже пригревало. Небо было синее. И море темнело синевой. По синему полотну моря художником-нордостом было наляпано столько ослепительно белых мазков, столько пригнало льдин, что глазам смотреть становилось больно. Матросы палубной команды одели полярные очки с дымчатыми или желтыми стеклами. Лед забивал Югорский Шар. Там, где вчера еще легко проходил ледокол, сегодня стопорились его машины. Ручка ма-

шинного телеграфа то и дело звенела «полный задний ход».

«Красин» шел в разведку льдов к Карским Воротам, он ухал по льдинам своей стальной грудью, словно из пушки. Обломки полей, шурша своими краями о борта ледокола, отскакивали в сторону, и «Красин», будто опытный боксер, норовил отойти от их внезапного удара. Он рыскал, как говорили моряки.

К Карским Воротам нельзя было пробиться. Чем дальше на север, тем поля становились обширнее и мощнее. Торосы вырастали с каждой милей. С носа ледокола несколько раз стреляли по тюленям.

«Красин» повернул обратно, держа курс прямо на Югорский Шар.

— Куда это мы идем?— спрашивал на юте моряк моряка.

— Есть уголек, вот и гоняем взад-вперед.

Но командование парохода учитывало каждую тонну угля. Календарный план прихода караванов Карской экспедиции заставлял искать чистую воду для пароходов в Карском море.

В форпике ледокола была такая же течь, как во время спасания экспедиции Нобиле. В вахтенном журнале записано: «Команда проверяла имущественные запассы на спасательных шлюпках». Бросили на лед два буя с записками о местонахождении ледокола. Пустили несколько воздушных шаров — почтальонов, ушедших в сторону материка.

— Чухновский в воздухе! В пятнадцать двадцать его видели над Гуляевскими кошками, у устья реки Печоры. Он летел к Югорскому Шару,— сказал начальник экспедиции Евгенов.

Превозмогая сон и усталость, вахтенный радист Юдихин искал позывные самолета «Комсеверпуть».

Самолет не показывался.

— Он сел, должно быть, в бухте Варнека.

— Неудобно как-то получилось, мы здесь в стороне от него. Никто не встретил самолета. Как они там сели, неизвестно...

— Самолет!

— Чухновский летит! Чухновский!— бежали люди на верхнюю палубу из кубрика.

На горизонте показалась точка. Через миг у нее отросли маленькие крылья. Затем крылья увеличились, и можно было различить отдельные части воздушного корабля.

Вот стали слышны удары мотора.

Море ослепительно блестело льдами. Нигде не было видно чистой воды для посадки. Какая-нибудь неполадка в моторе, и гибель людей и самолета были бы неизбежны. Самолет, снизившись, дал круг, салютуя ледоколу, и взял курс на север. Через несколько минут он превратился в точку и скрылся из поля зрения.

«Приветствуем ледокол с началом совместной работы в Карском море»,— приняли радио Чухновского на «Красине».

Самолет посылал ледоколу радиопривет.

На самолете шли Чухновский, Страубе — пилотами, летчик-наблюдатель и конструктор радист Алексеев, борт-механик Шелагин и сотрудник Комсеверпути — Шевелев.

— Правильно делают. Погода прекрасная. Они решили ее использовать. Безусловно, они ушли в ледовую разведку,— говорили на верхнем мостике.

Самолет шел на север с бешеной скоростью. Горючего оставалось всего на несколько часов.

Внизу под самолетом тянулись ледяные поля, и чернели полоски воды в промоинах между льдами.

Ледокол сообщил Чухновскому место будущей встречи, и вскоре над «Красиным» низко и гулко прошел самолет, возвращаясь из ледовой разведки. Можно было отлично видеть людей на воздушном корабле.

Посадку на острове Вайгач нельзя было сделать — самолет шел на лодках, грунт острова был каменист, море — сплошь в ледяном крошеве.

— Если бухту Варнека забило льдом,— амба Чухновскому,— говорили на корме ледокола.

Да, это был действительно цирковый номер без предохранительной сетки, когда люди говорят шопотом и замолкает даже оркестр.

Пять жизней в воздухе на изящной дюралюминиевой птице находились в смертельной опасности.

Самолет пошел берегом Вайгача и стал кружить над бухтой Варнека.

— Посадку ищет.

— Будешь искать. Самолет — штука вежливая. Чуть долбанет ледком, не поминай лихом,— сказал рулевой.

Яркое синее небо стало вдруг закрываться с востока черной поволокой. Многомильными шагами быстро надвигался туман. Новый противник выходил против отважных людей в воздухе.

— Угробятся, пожалуй!

— Ты только не беспокойся, там ребята выдержанные, в крайнем случае улетят на вест, сядут в море.

Не стало видно самолета.

— Та-та-та!— прогудел сигнал в штурманской комнате. Это вахтенный матрос вызывался в радиорубку за телеграммой к начальнику экспедиции.

«Сел восточной части бухты Варнека. Стою буксире «Пахтусова». Привет»,— рапортовал самолет.

Лед шел из Карского моря в Югорский Шар и закрывал последнюю калитку экспедиции. Туман уничтожил видимость.

— Хотят подойти к нам на шлюпке,— говорил Евгенов про экипаж самолета, всматриваясь в последнее радио.— Пошлем им моторный бот. Они указывают чистую воду.

Уже начали разворачивать шлюпбалки к спуску мотора, но туман подошел на расстояние двух миль к ледоколу, и капитан запретил спускать бот.

«Красин» не мог зайти сам в бухту Варнека, где опустился самолет. Из губы Лямчиной вышли в бухту Варнека пять пароходов первого каравана Карской экспедиции.

«Красин» шел навстречу пароходам за кромку на запад, а вслед за ним торопился туман. На горизонте показалась длинная линия дыма. Она росла медленно, вытягиваясь, словно дракон на новогодних китайских демонстрациях. Вот показались уже мачты пароходов.

Пароходы подходили к ледоколу в кильватерной колонне, стройно, будто военные корабли в этом пустынном море.

На кораблях горели ходовые огни.

Ледокол поднял красный вымпел начальника экспедиции и сигнал «Л. Ш.». По международному своду флажных сигналов это означало: «Станьте на якорь по способности».

Первый корабль, «Сингльтон Абби», подошел с левого борта к ледоколу и пришвартовался к нему.

По палубе английского парохода проходили цветные матросы. Изредка свистел, отдавая приказания, вахтенный начальник. На верхнем мостике английского парохода видна была фигура полярного капитана Черткова.

— Приветствую с благополучным прибытием,— прокричал в рупор Евгенов.

— Спасибо,— ответили с парохода.

С сегодняшнего вечера начиналась Карская экспедиция.

Первый день календарного плана уже был просрочен. Льды преграждали путь экспедиции во всех проливах. Только никто еще не знал, что творится на севере Карского моря, у мыса Желания Новой Земли. Туда не заходил ледокол, туда не залетал самолет.

Ночью в каюте начальника заседал полярный оперативный штаб.

Выступали за и против похода.

Но люди решили победить ледовое Карское море и провести пароходы к устьям великих сибирских рек Оби и Енисея за экспортным товаром. Это нужно было сделать для того, чтобы не выпало одно звено из пятилетнего плана индустриализации страны. И люди делали это.

ЛЕДОВЫЙ ПОХОД НА МОТОРНОЙ ШЛЮПКЕ

Самолет «Комсеверпуть» бросил якорь в бухте Варнека на острове Вайгач. Нордосты гнали в Югорский Шар ледяные полки и забивали проход караванам экспедиции в Карское море. Лётная площадка чистой воды для лодки самолета становилась все меньше и меньше, и вскоре Чухновский сообщил, что возможность взлета исключена. Но утром течением отнесло лед несколько в сторону. Неприятель неожиданно отступил. Исчезла угроза тончайшей оболочке лодки самолета.

На горизонте в кильватерной колонне показался первый караван пароходов Карской экспедиции.

Самолет Б. Г. Чухновского „Комсеверпуть“ среди льдов в бухте Варнека у острова Вайгача.

Штурм тяжелых льдов в Карском море.

Первая ледовая разведка. „Красин“ форсирует крупно-мелко битый лед.

Вот уже две недели, как экипаж самолета не видал горячей пищи, не спал по-человечески и умывался соленой морской водой, которая не пениг мыла. С ледокола «Красин» был спущен морской бот, чтобы взять экипаж самолета на борт парохода. От ледокола до бухты Варнека все пространство было забито пловучими льдами, которые подвигались на восток по Югорскому Шару.

— Карту обязательно с собой возьмите и компас,— сказал капитан вахтенному начальнику Кайвунену.— Вас может накрыть туман на обратном пути.

— Топор есть? — спросил Кайвунен палубного матроса, шедшего на моторе.

— Есть топор.

— Хлеба, сухарей захватили?

— Есть хлеб, сухари.

— Пресная вода?

— Есть пресная вода.

— Идешь на два часа,— об'яснял мне в пути Кайвунен, лавируя между обломками полей,— а бери запас на неделю, потому что море не шутит.

Иван Иванович Кайвунен, командир ледокола «Силач», пошел в Карскую экспедицию потому, что ему наскучил Финский залив. Он захотел посмотреть Северное Полярное море. Кайвунен шел в Карское море так, как идут в институт усовершенствования люди с высшим образованием. Карское море для Кайвунена должно было заменить полярный университет моряка-ледокольщика.

Кайвунен начал плавать с тринадцати лет на парусниках. Отец его сорок пять лет ходил в море. И сейчас, когда мощная фигура Кайвунена склонилась над штурвалом и моторный бот, послушный его руке, пробирался между льдин, в мысль не приходило, что вот

при первом неловком повороте штурвала маленькая льдинка стукнет в борт шлюпки и пустит ее ко дну со всеми пассажирами.

— Полный ход!

— Средний ход!

— Дай малый ход.

— Есть малый ход.

— Охотники! Снять чехлы, приготовить орудия,— шутливо скомандовал Кайвунен охотникам-морякам, занявшим носовую часть мотора.

— С левого борта показались утки! Не торопись! Огонь не открывать до моей команды!

Стая уток шла по воде, чуть касаясь ее поверхности. Заметив мотор, они ушли под воду и вынырнули из нее под самым носом мотора.

Грохнули выстрелы, и две утки окрасили воду кровью.

— Принять на борт,— командовал Кайвунен.

Багром притянули уток и бросили в шлюпку.

— Ну, теперь с охотой кончено,— заявил Кайвунен охотникам.— Мне дано указание взять Чухновского на борт «Красина», и я не могу уклоняться от выполнения этого прямого задания.

Впереди ясно обрисовывались мачты пароходов «Ломоносов» и «Пахтусов». Мотор вышел на чистую воду и полным ходом мчал к самолету, распластавшему над водою свои серые крылья с красными звездами.

Нас заметили с самолета. Двое людей осторожно вылезли из кабин самолета на его жабру и кричали нам, что Чухновский на «Пахтусове».

Кайвунен попросил людей на самолете приготовиться к посадке на мотор и повернул к «Пахтусову».

Чухновский и Алексеев, в кожаных пальто и шлемах, стояли у поручней «Пахтусова».

— Стоп! — скомандовал Кайвунен.

Быстро опустились по штормтрапу летчики на мотор.

— Товарищ Чухновский, начальник экспедиции поручил мне приветствовать вас с благополучным прилетом на остров Вайгач и просил пожаловать к нему на ледокол с товарищами по вашему усмотрению,— сказал Кайвунен.

На ледокол отправился весь экипаж самолета. Но перед обратным походом все сошли на берег Вайгача.

Здесь в 1925 году была основана фактория Госторга, свезено свыше ста тонн муки. Мука без призора пролежала несколько лет и загнила. Теперь ее, под наблюдением «начальника островов», разбирали и взвешивали самоеды. Закончив работы, заперли на замок сарай, доверху набитый мешками с погибшей мукой.

— Куда же эта мука пойдет? — спросили красинцы.

— Собакам на корм.

За сараем небольшая, почти пересохшая речушка. Неподалеку изба. Несколько дверей внутри на замках. Здесь жили некогда смелые мореплаватели экспедиции Варнека. Позднее сюда заходили «Таймыр» и «Вайгач», проделав знаменитый ледовый поход. На горке, всего в нескольких милях от бухты, стоит самоедский жертвенник с богами, губы которых помазаны кровью оленя и тюленьим салом.

Все поле усеяно ярко-голубыми пахучими незабудками.

Матросы принесли молодого орла, взятого из гнезда на Вайгаче. Его назвали Фомкой. Он охотно брал кусочки сырого мяса.

Под вечер начался обратный поход среди льдов.

— Когда подлетали к Юшару из ледовой разведки,— рассказывал Чухновский на моторе,— «Красин» обещал

притти к нам, в бухту Варнека. Перешли мы на «Пахтусова», получаем вдруг радио Евгенова: «Идем встречу судам». А мы-то мечтали: сейчас попадем на «Красина», вымоемся, поужинаем и уснем. На следующее утро разожгли новый примус, натаяли из снега пресной воды, и, после того как не стало видно мути в воде, с большим аппетитом опорожнили стаканы. Поджарили две банки консервов. Шелагин стал надраивать самолет в ожидании гостей с «Красина». Шевелев с Джонни Страубе помогали. Джонни выметал кабинку, Шевелев чистил свечки. Около шестнадцати часов заметили вас.

Чухновский глубже ушел в свой белый самоедский сакуй. На море было ветрено. Катер возвращался полным ходом к ледоколу. Доктор «Красина» — заядлый охотник — неудачно пытался пристрелить тюленя, назойливо выставлявшего из воды свою круглую голову.

Фотографы на ледоколе взяли наизготовку свои аппараты. Свободные от вахты моряки высыпали на палубу посмотреть Чухновского и его людей.

Вечером в каюте, за круглым столом, начальник экспедиции, полярные моряки и летчики разрабатывали план совместных оперативных действий.

Нужно было скорее выяснить количество неприятеля — льда, его расположение и плотность.

Клочья тумана уже накрывали ледокол. Караван судов, стоявших на якорях у западного входа в Югорский Шар, затянулся пеленой.

Назавтра должен притти зюйд-зюйд-вест,— так предсказывали наши «погодчики»,— и разогнать весь лед, открыть проход экспедиции в Карское море.

ПРОВОДКА ПЕРВОГО КАРАВАНА

Пять иностранных пароходов — первый караван Карской экспедиции — подошли к входу в Югорский Шар с западной стороны и стали на якорь. Они шли из Гамбурга. Хозяева пароходов знали, что они посылают в Карское море.

Головной корабль «Синглтон Абби» во время перехода Гамбург — Харстад дал трещину в соединении трюмного днища с запасной цистерной, и вода из форпика хлестала в трюм. Набралось около пяти футов воды в трюме. Начали откачивать, засорились помпы. Еле дотащились до Бергена. Норвежцы кое-как исправили. У парохода «Хилл Крафт» вода просачивалась в носовой трюм. В трюме было полно угля, и никак нельзя было определить, в каком месте протекает.

Пароходы каравана шли с приподнятыми носами. Кормы были осажены. В таком невероятном положении корабль плохо управлялся, плохо слушался руля.

Капитан «Красина» Сорокин в шутку сказал Черткову:

— У вас «Синглтон Абби» идет как аэроплан: нос поднят, хвост спрятан.

Югорский Шар очистился ото льда.

— Вот чудеса! — удивлялись моряки.

— Обычная картина,— поясняли полярники.— Южные ветры хорошо гонят лед.

«Красин» шел впереди, а в кильватерную колонну за ним следовали пять судов каравана. Это была величественная картина. В Карском море за целый год проходили первые корабли. Море было пустынно, поднялась волна, и стала прикладывать пароходы. С кормы «Красина» видно было, как они ныряли при свежем ветре.

На иностранных кораблях работали рабы английских колоний: негры, арабы, малайцы, индусы, сингалезцы.

Некоторые из моряков-иностранцев по нескольку раз бывали в Карском море с экспедициями.

Хозяева кораблей ежедневно служили в иностранных портах молебствия о ниспослании погибели на их корабли — так хорошо они были застрахованы.

Пелена тумана спускалась все ниже и ниже. Уже не стало видно с ледокола пятого парохода каравана. Вот накрыло серой пеленой и четвертый пароход, и вскоре за «Красиным» виднелся один лишь головной «Синглльтон Абби». «Красин» дал сигнал «остановиться». И вперемежку ледокол и головной корабль каравана стали гудеть — созывать корабли.

Сирена «Красина», басовито начиная сигнал, переходила в душераздирающий вопль. Как только прекращалась сирена на ледоколе,— «Синглльтон Абби» протяжно и нудно тянул: у-у-у-у.

— Пропали все корабли!

— Не все, а четыре только!

— «Синглльтон» молодец,— он держался все время за корму «Красина» и сохранил себя. Остальные, небось, теперь держат курс на северный полюс.

— Должно быть, потекла какая-нибудь коробочка, другие пошли на выручку. В это время их и накрыло.

— Не слыхать гудков.

— А может, ветром отгоняет.

— Вот уже полчаса, как мы их потеряли, они миль пять, небось, отмахали.

— У них теперь аврал. Водяная тревога, полундра!

А-и-и-и-и,— ревела сирена ледокола.

У-у-у-у-у,— басил «Синглльтон Абби».

Никто не отвечал на призывы.

— Очередное морское развлечение,— говорил Евгенов, шагая по верхнему мостику и вглядываясь в даль. Ничего не видно было за поволокой.

Через несколько минут небо засинело пятнами, и прямо над кораблем пронеслись хлопья разорванного тумана. На горизонте, в нескольких милях севернее ледокола, в кильватерной колонне показались четыре пропавших парохода Карской экспедиции.

Экспедиция выходила на открытую воду. Несколько часов ледокол еще сопровождал караван на север и затем повернул курс на вест.

Ледокол трижды салютовал головному пароходу.

«Синглытон Абби» ответил троекратным салютом.

Поровнявшись со вторым пароходом, «Красин» обменялся с ним также салютом. И каждый пароход отвечал на прощальные приветствия ледокола.

После салюта «Красин» давал еще один короткий сигнал, который обозначал: «Гудбай!»

«Красин» уходил на вест до кромки. Нужно было выяснить, далеко ли от каравана расположился лед, не подкарауливает ли он себе добычу. Сильным ветром могло его надвинуть на пароходы и сжать им ребра.

Кромка показалась милях в тридцати от кораблей. Даже при штормовых ветрах льды за сутки не могли настигнуть уходивших в устье Оби пароходов. Ледокол изменил курс на зюйд.

Снова потянулись тяжелые поля. Ледокол давил их своей грудью, прокладывая путь к Югорскому Шару, куда подходил уже второй караван.

Весь путь, который вчера проходили открытой водой, был сегодня забит тяжелыми обломками полей.

— Удачно мы проскочили,— говорили в кают-компании.

— Вот так метаморфоза!

— Идешь в полярную экспедицию, ожидай всего и запасись терпением,

— Раньше, когда не было радио, воздушной разведки и мощных ледоколов, тоже снаряжались карские экспедиции,— говорил Евгенов.— Подходили к проливам Новой Земли, и если проливы были закрыты, экспедиции поворачивали обратно. Теперь, когда мы вооружены техникой, отличной службой погоды, которая сообщает нам о ветрах, двигающих льды, мы знаем его приблизительные маршруты и можем смело проводить операции.

— Да, но у нас радиостанции никуда не годятся,— перебил Евгенова один из радистов ледокола.— Они сооружены еще в довоенные или военные годы. Плохо оборудованы или просто устарели. Построили бы на мысе Желания и на острове Белом по станции, и метеосводки были бы полнее, и связь была бы лучше. А то ведь наши телеграммы валяются по суткам на береговых радиостанциях. Радисты-зимовщики с ног валятся.

— Карское море — это центр зарождения всех воздушных движений, здесь делается погода,— говорил метеоролог Пуйше.— А ведь Карское море еще недостаточно исследовано. Сколько раз карту погоды приходится составлять ощупью, втемную, приблизительно. Потому что мы не имеем самых главных сведений. Мы не знаем, что же творится на Севере.

— Ходить не безопасно с такими паршивыми коробочками, которые мы фрахтуем в иностранных портах для Карской экспедиции. Это равносильно тому, что если вам дадут рваные сапоги и скажут: «Пройдитесь по болоту и не замочите ног»,— возмущался капитан ледокола Сорокин.— Необходимо построить хотя бы десяток пароходов, которые строят немцы, типа «РУС», с усиленными шпангоутами, стальными винтами, не боящимися ударов о льдины, и усиленным форштевнем. Пусть дадут пароходы, хоть несколько приспособлен-

ные для полярного плавания. А то ведь получается так: самый лучший в мире ледокол и самые худшие в мире пароходы. На лето новые суда пойдут в Карское море, а зимой они будут работать во время ледокольных кампаний в ленинградском или архангельском портах.

— На северные моря вообще обращается мало внимания,— заметил один из присутствовавших.

Перед самым Югорским Шаром ледокол стал чаще входить в полыньи. Чухновский все еще сидел в бухте Варнека, ветры и туманы не давали ему возможности уйти в разведку.

Трудно было ледоколу работать в суровом Карском море. Но еще труднее была задача самолета. Нужно было обладать полярным терпением Чухновского, чтобы не разбить самолета, выжидая неделями хорошей видимости.

«КРАСИН» НЕ ВИДИТ КОРАБЛЕЙ

— Кто сейчас вахтенный начальник?

— Старший помощник.

— Плохо везет, все норовит по кочкам.

И действительно, «Красин» шел словно по кочкам. Где-то вспыхнувшие северные ветры пригнали этот могучий торосистый лед и закрывали путь каравану.

Разведка показала невозможность проводки каравана, и ледокол возвращался обратно, а позади него, делая в час на три узла меньше, шел сплошной массой лед. Лаглинь давно убрали, чтобы не потерять его во льдах. Путь корабля отсчитывали по оборотам машины. «Красин» шел в разведку, держась ближе к материку.

— Антон Васильевич,— говорил старшему помощнику командира один из матросов,— невозможно спать, когда идем в разведку. Словно пороховые склады рвутся или идет артиллерийская подготовка.

— Ничего, ничего, дружок! Пройдет несколько дней, и ты запросто будешь спать под этот грохот. В тюрьме только первые три года плохо, а потом человек привыкает.

Ледокол подходил к Югорскому Шару со стороны Карского моря. Начальник экспедиции Евгенов вызвал суда навстречу ледоколу еще третьего дня. Тогда дули ве́стовые ветры. Они обещали изменить картину к лучшему.

Слева от курса неожиданно показалось облачко. Облачко ширилось, и вскоре все кругом ледокола закрылось пеленою тумана.

Корабли сообщали, что они держат путь на сближение с ледоколом.

Югорский Шар — самое опасное место для ледокола. Он тесен и неглубок. Дно костисто. В ясную погоду опытные моряки идут здесь, все время посматривая на створы и знаки, сверяясь с картами, забрасывая для проверки лоты. Но солнце не показывалось уже несколько дней. Морякам не по чему стало определяться. Единственная надежда осталась на компас, да и тот лениво работал.

Метеорологи не получали полных сводок с радиостанций о погоде и не могли составлять подробных карт погоды. Они чертили изломанные кривые, подчас согласуясь со своим метеочутьем. Правда, это были лучшие в республике метеорологи, но чутье могло обмануть каждого.

Юшар был опоясан мощным ледовым поясом. Выходить в Карское море вместе с судами было невоз-

можно. Разламывая поля и торосы, «Красин» прошел бы и сейчас по южной части Карского моря. Но с хрупким хвостом кораблей даже он не решался отправляться в море.

Суда шли ему навстречу. «Красин» не видел кораблей. Корабли не видели ледокола. Но каждый знал, что они идут навстречу друг другу. Об этом сообщало радио. Возвращаться судам обратно в удобную для стоянки бухту Варнека было поздно. В такой туман легко можно было вылезти на банку.

«Красин» дал протяжный свист сирены. Вопль сирены повторился, сирена вопила, отсчитывая минуты, словно стараясь разорвать туман своим безумным воплем.

— Влезем на берег при таких потемках.

— Должно быть, станут на якорь.

— А другие суда как?

— А что же ты думаешь, «Красину» вылезать на банки из-за них? Станем на якорь, а им дадим сигнал: «Спасайся по возможности»,— мастерски сплюнув за борт, сказал матрос на корме.

— Станут с нами после этого иностранцы ходить в экспедицию.

— Они того и ожидают, чтобы мы их корабли потопили. Хозяева страховочку получат. Ведь все эти корабли музейные, давно поизносились и годны только на слом. Они по Балтике не пройдут, а где им в Кара си ходить.

В караване было два англичанина, один норвежец и два советских корабля.

— Где вы находитесь? — запрашивал «Красин» головное судно.

— Если возможно, идите в бухту Варнека,— сообщал «Красин» судам.

Тяжелый лед сплошной лавиной шел на Юшар, навстречу хрупким судам. Суда не видели опасности. Они не знали о наступлении неприятеля.

Сирена на «Красине» разрывалась от крика. На палубе никого не было. Все были на своих местах.

— Ходи, чего задумался! Не задерживай игры!— кричали в красном уголке.

— У него мать-старуха дома осталась, вот он и думает сейчас.

Матросы с остервенением стучали в азики. И даже шумовой оркестр, организованный кочегарами, не мог заглушить музыки.

— Вежливо играют,— заметил один из рулевых, дослушав «яблочко» до конца.

Ветер усиливался. С полбалла он поднялся до трех. И колдунчик, показывавший направление ветра, предвещал недоброе.

По левому борту ледокола в ответ на протяжный кричащий голос сирены вдруг где-то вдалеке послышался гудок парохода. Через минуту гудок повторился. Потом послышались гудки на разные голоса. Идя на гудки, пароходы находили друг друга. Это были опасные подходы. Никто не мог поручиться, где был берег. Но он был близко,— все это знали. Лучшие моряки Балтики, стоявшие на мостике, определили местонахождение корабля и отдали якорь.

Около ледокола собрались все суда каравана и загромыхали якорными цепями. Подул южный слабый ветерок и стал понемногу отгонять наступавшие на караван льды.

В это время первый караван шел на Обскую губу, не встречая льда. Он был уже на траверсе пролива Малыгина. Второй караван из-за границы прошел уже остров Колгуев, держа курс на Югорский Шар.

Туман стал редеть. И в полчаса открылся весь берег. Пять кораблей, окружив «Красина», стояли в таком построении, будто бы их направили сюда при полной видимости. Линейный ледокол, управляемый опытным капитаном и штурманами, не имея на борту ни работающего радиопеленгатора, ни хорошего компаса, отдал якорь в таком месте, где оно было отмечено на карте.

— Балтийские моряки — это не самые плохие моряки на свете! — не без гордости заявлял мне Кайвунен.

Машины, приведенные в получасовую готовность, все еще бездействовали. У штурвала стоял молодой матрос, исходивший все моря. Сейчас, на вынужденной стоянке, не нужно было, обливаясь потом, вертеть непослушный штурвал ледокола. Корабль стоял на яшке.

— Матросу палубному все нужно знать. Матрос должен быть и хорошим уборщиком, и такелажником, уметь управлять шлюпкой в любую погоду и быть цирковым акробатом. Матрос должен в любую минуту полезть на такую высоту и с такою ловкостью, с которой ходят только в цирках канатоходцы. Вот прозвони сейчас аврал на ледоколе, народ повыскочит из кубриков, и я вам поручусь, что половина не знает, как вяжутся морские узлы, как вести шлюпку на волне, как по воде можно определить направление ветра, не имея под руками никаких приборов. А по-настоящему — лишь тот моряк, который все морское дело знает. Другой плавает кочегаром второго класса на коробочке и думает: «Я моряк». А какой он моряк? Беспомощный он человек, больше ничего! Ведь на ледокол моряков набирают со всех кораблей. Иной раз сюда приходят люди, они и моря-то не видели. Что же от них спросишь? А морское дело — штука вежливая, — говорил рулевой.

«Красин» послал шлюпку-четверку на «Рабочего» и норвежский пароход — взять капитанов для совещания.

В полночь в походной каюте «Красина» снова заседал штаб полярников.

Решено было сделать еще одну разведку и выступать в поход к берегам Сибири.

В ЛЕДЯНОЙ ЛОВУШКЕ

Вторая группа второго каравана Карской экспедиции в составе пяти судов прибыла в Югорский Шар под командой капитана Рекстина. Капитан Рекстин не раз плавал в Карском море, он знал цену этому зверю. Рекстин был в знаменитом полугодовом дрейфе на «Соловье Будимировиче» — теперешнем «Малыгине» — в 1920 году.

Ветры южных румбов неожиданно стихли. Снова поднялся норд. Никто не знал, свободен ли еще проход берегом Ямала к острову Белому. Первый караван благополучно достигал цели — Обской губы, где его поджидала речная экспедиция с экспортным товаром. Там, на Оби, в Новом порту, почти в открытом море, должна была произойти встреча речных и морских судов и начаться лихорадочно спешная перегрузка. Иностранные пароходы должны были нагрузиться нашими товарами по самую ватерлинию и следовать под конвоем ледокола обратно в Баренцево море.

— Эх, придем в Ленинград, выйду на берег, наймусь в дворники! Надоело плавать! Весь свет уже три раза исколесил,— говорил один из рулевых. Он обливался потом, накручивая и раскручивая штурвал.

С верхнего мостика все время поправляли рулевого:

— Два градуса лево!

— Еще два градуса лево!

— Пять градусов лево!

— На румбе!

— Есть на румбе,— отвечал рулевой, повторяя приказания, а сам тихо приговаривал про ледокол:— Удержишь его на курсе, такого дурака! Попробуй!

Матросы с «Рабочего» рассказывали:

— Капитан Лукашевич был очень недоволен, когда набирали моряков в Карскую экспедицию. Зачем это так пышно называют? Вот моряки и неохотно идут. Обыкновенное плавание, такое же, как и в Финском заливе. А то — экс-пе-ди-ци-я! Ишь, как важно! Никого и калачом не заманишь.

И в красном уголке народ начинал уставать от тяжелого похода.

— Ух ты, чорт возьми, еще сто двадцать одну вахту отстоять придется!

— Ребята, а правда, говорят, что у нас один жене телеграмму дал: «Снился плохой сон, срочно сообщи, что с тобой».

Орленок Фомка подрастал у всех на глазах.

— Придем в Ленинград, сдадим его в зоологический сад,— мечтали матросы. И каждый подходил к клетке и называл орленка по имени.

Голуби привыкли к своей будке, и Леман без опаски выпускал их на волю. Полетав вдосталь, они возвращались всегда на свое место.

Попрежнему извивались на льдинах, раздавливаемых ледоколом, маленькие рыбки, выброшенные волной, и показывались головы любопытствующих тюленей перед самым носом корабля.

Перед тем как взять с собой десять пароходов, стоявших у входа в Югорский Шар с Карской стороны,

«Красин» ушел еще раз в разведку. У входа в Югорский Шар стояло небывалое количество пароходов. Рисковать здесь сразу столькими пароходами не отваживался ни один мореплаватель.

Полным ходом, делая восемьдесят оборотов, «Красин» шел в разведку на северо-восток. Вскоре показались обломки полей, но ледокол нашел полосу чистой воды, которой можно было провести караван.

Ледокол пошел обратно к каравану. Нужно было торопиться. Каждая минута была дорога.

В виду изменчивости погоды решили не брать сразу весь караван, а только часть его — пять пароходов.

На головном «Ниц Абби» пошел за ледоколом капитан Рекстин.

Разреженные льды сменились обломками полей, и вдруг накрыло туманом. Нельзя было узнать, где находилась эта полоса чистой воды для прохода каравана.

Чухновский запрашивал погоду на Диксоне, Морра-Сале,— он собирался лететь в ледовую разведку.

Если сейчас в бухте Варнека была хорошая видимость и разведка казалась еще возможной, то нам, красинцам, было ясно, что о полетах на самолете нельзя было и думать. Если пролетишь и сядешь удачно, то в закрытом туманом месте не определить, есть ли там лед, или нет.

Вечерело. Солнце перестало быть незаходящим. И ночи становились темнее. На ледоколе электрики готовили прожектора.

Слышно было, как перекликались между собою корабли условными сигналами.

Один протяжный гудок значил: «ИДУ ВПЕРЕД, ИДИ ЗА МНОЙ!»

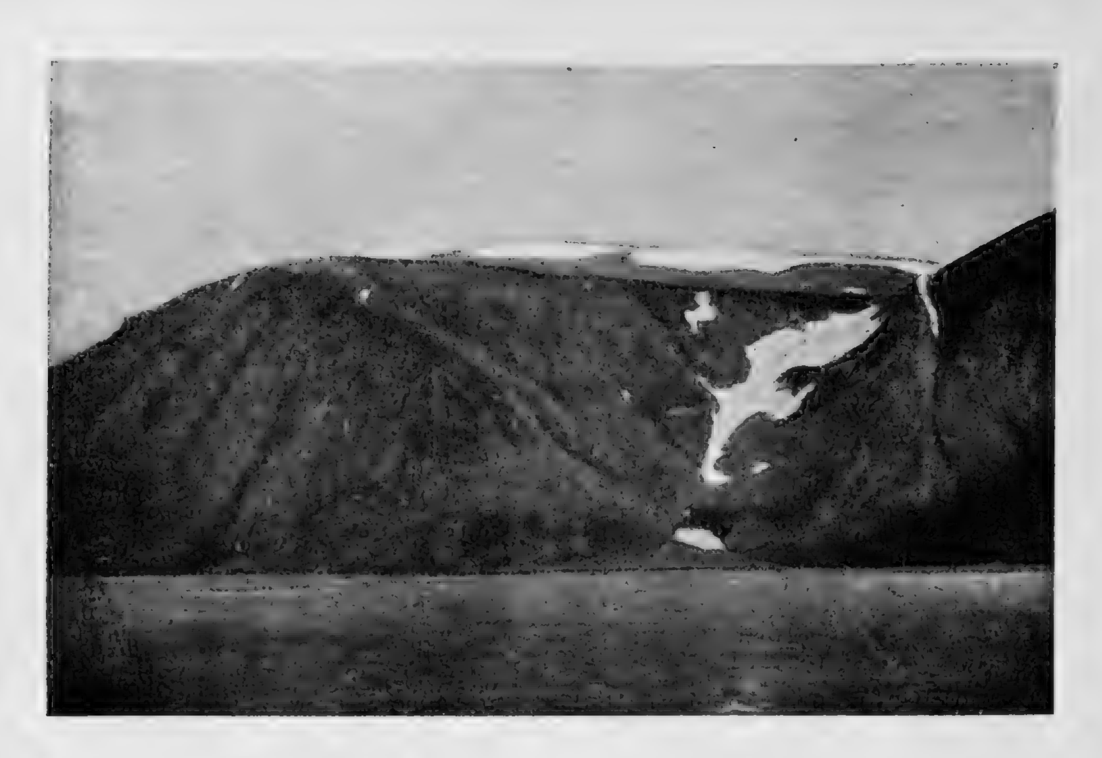
И пароходы отвечали таким же гудком, что означало: «ДЕЛАЮ».

Радиостанция Югорский шар.

Голубиная почта на ледоколе „Красин". Зав. голуб. станцией т. Леман следит за полетом голубей в Карском море.

Лето на Маточкином шаре.

Подготовка к пуску воздушных шаров с почтой в Карском море с ледокола „Красин" (шары-почтальоны).
Слева направо: Вангенгейм, доктор Чечулин и Э. Пуйше.

Один протяжный, один короткий: «УМЕНЬШИТЕ ВАШ ХОД!»

Семь коротких: «ЗАСТРЯЛ ВО ЛЬДУ!»

Три коротких: «ДАЙ ПОЛНЫЙ ХОД НАЗАД!»

Два протяжных: «НЕ СЛЕДУЙ ЗА МНОЙ!»

Протяжный, короткий и протяжный: «ГОТОВЬСЯ ПРИНЯТЬ БУКСИР!»

Головной корабль часто давал ледоколу один протяжный и один короткий гудок. Караван не поспевал за ходом ледокола.

Сигналы кораблей стали раздаваться учащенно. Гудели сразу по нескольку пароходов, и нельзя было разобрать, кому что нужно. Наконец выяснилось: пропал «Сиксти Фор». Отбился от кораблей. Нужно было его спешно разыскивать. В этом ледяном мешке корабль могло увлечь течением неизвестно в каком направлении.

Все корабли стали звать «Сиксти Фор» гудками.

Самый басовитый сигнал был у советского корабля.

— Вежливо гудит наш «Рабочий»,— не без гордости говорил вахтенный рулевой «Красина».

И действительно, «Рабочий» покрывал своим сигналом все корабли.

Нашелся «Сиксти Фор». Он пришел на сигналы.

«Красин» почти вплотную подошел к «Ниц Абби». Начальник экспедиции Евгенов взял рупор и прокричал:

— Иван Эрнестович!

Ветер отнес призыв в сторону. На английском корабле его не услышали. Несколько раз поднимал начальник рупор.

— Элло,— услышали наконец на ледоколе.

— Иван Эрнестович, я думаю, что дальше бессмысленно итти. Нужно остановиться, переждать до ясной погоды.

— Нужно итти дальше на восток. Там, может быть, чистая вода,— кричал в рупор Иван Эрнестович Рекстин.

— Хорошо. Мы пойдем одни на восток. Вы будете ждать нас!

— Я поставлю «Сиксти Фор» вторым за моей кормой. Я сам поведу его,— сказал Рекстин.

— Хорошо, идите к «Сиксти Фор»,— вы с ним скорее договоритесь.

— До берега еще восемь-десять миль. Не лучше ли обождать?— еще раз спросил Евгенов.

— Я думаю, нужно итти на восток.

— Идем на восток. Посмотрим, не загибает ли кромка к берегу. Постойте часа полтора. Когда будем подходить, давайте по два длинных сигнала.

Через час ледокол повернул обратно и нашел оставленный караван.

— Встретили обломки тяжелых полей. Разреженный лед отводил нас к самому берегу. Считаю необходимым стоять в дрейфе и ожидать лучшей видимости. Ничего не видно! — кричал в рупор Евгенов.

— Ол райт,— звенел металлический голос Рекстина.

— Если станет отжимать к берегу, мы будем входить в лед, а вы за нами. Итти сейчас — это тыкаться вслепую.

— Ол райт,— подтвердил и Рекстин.

Морской джигит Рекстин успокоился. Даже он не хотел более рисковать. Это было бы безумием.

— Вот это капитан на большой палец!

— На зекс капитан,— соглашались на рулевой рубке матросы.

На минуту прояснило, показался берег.

— Это матерой берег,— сказали матросы, указывая на материковый берег. С верхнего мостика все сошли в кают-компанию, только остались вахтенные матросы и вахтенный начальник.

Даже Якова Петровича Легздина не было на верхнем мостике. А он обычно проводил там круглые сутки.

Согнувшись над главным компасом, он вел корабль. Это Легздин отдавал указания рулевым, какой держать курс, чтобы вести этот неуклюжий корабль, не задевая каменных часовых моря.

— Лево на борт!

— Отдерживай!

— Два градуса влево! — говорил в рупор Легздин.

Он не любил много рассказывать о себе. В кают-компании, где каждый вечер был вечер воспоминаний, только он один сидел молчаливо.

Крепко зажав мундштук зубами, стоя на капитанском мостике, держа в одной руке секундомер и закинув назад голову, широко, по-морскому, расставив ноги, Яков Петрович ловил секстантом солнце. По солнцу определяли местонахождение судна. Сейчас этого не нужно было делать. Вот уже двое суток не показывалось солнце.

Яков Петрович за многие сутки отдыхал сегодня впервые, но каждую минуту вахтенный матрос мог подойти к его каюте, постучать и сказать обычное:

— Яков Петрович, вас капитан просит на верхний мостик.

И Яков Петрович влезал в свои гамбургские шлепанцы, торопливо одевался и шел на мостик. Там нужна была его консультация.

Это был такой моряк, которому доверяешь с первого взгляда.

Вторые сутки стоял туман. Вторые сутки стояли пароходы во льду. Каждые сутки их дрейфовало на десять-пятнадцать миль. Угрюмо, пригнув свою шею, караулил суда скалистый берег. Ледокол поставил себя между берегом и пароходами для того, чтобы не позволить льду в случае нажима смять и выбросить их на берег.

ПРОХОД НАЙДЕН

— Вижу чистую воду в семи-восьми милях по курсу ледокола!— свернув ладони трубочкой, прокричал вахтенный начальник с наблюдательной бочки.

«Красин» дал полный ход и зашуршал своими бортами о льдины.

В озерки, голубевшие на тяжелом двухлетнем льду, с носа ледокола матросы забрасывали брезентовое ведро и черпали совершенно пресную воду. «Красин» осаживал назад перед непокорной льдиной, делал разбег и снова ударял своей грудью.

Чистую воду можно было видеть уже с верхнего мостика. Канал, образуемый ледоколом, закрывался дрейфующими полями. Обломки полей с шумом и треском наскакивали друг на друга.

— Слышите, это стучит винтом о льдину,— прислушиваясь к шуму, говорил на корме старший механик.

Начальник экспедиции Евгенов несколько раз поднимался на марс с биноклем и всматривался в черневшую даль. Не было сомнений — впереди была чистая вода.

Второй караван в составе пяти судов дрейфовал у входа в Байдарацкую губу, возле залива Шпиндлера. Лед теснил, отжимал их к берегу. Глубина под судами становилась с каждым часом меньше.

— На плавание в тумане пришлось пойти в виду угрозы закрытия Юшара тяжелым льдом. Неупокоев, мой друг,— говорил Евгенов,— был противником вхождения в лед с судами во время туманов. Но положение вынуждало нас. Пошли вдоль берега прогалиной, которую мы видели при первой разведке. Загребли в тяжелый лед.

В раздумье возвращались руководители экспедиции

к дрейфовавшим пароходам. В бинокль можно было различить мшистый покров берегов и уходящие хребты Пай-Хоя — уральских отрогов.

«Красин» шел полным ходом к каравану. На верхнем мостике с головного парохода «Ниц Абби», держа наготове черный рупор, стоял полярный капитан Рекстин — командор каравана. Когда суда поровнялись, Евгенов поднял с утра надраенный вахтенным матросом медный рупор. Начался рупорный разговор. Люди на кораблях затихли и стали прислушиваться к разговору.

— Иван Эрнестович,— начал Евгенов,— прошли курсом нордост четыре мили сплоченным льдом и одну милю разреженным. След за нами закрывается. Судам за нами не пройти. Нужно ожидать южных отжимных ветров.

— Пойдемте параллельно берегу,— предложил Рекстин.— Или обсудите вопрос о выводе каждого парохода на буксире.

— Мы сами застреваем. Опасно для скул ваших пароходов. Передаю рупор капитану Михаилу Яковлевичу Сорокину,— он, как старый ледокольщик, лучше сам об'яснит.

Рупор взял капитан Сорокин. Он был в зюдвестке, плаще и высоких гамбургских сапогах. Его лицо покраснело от ветра, и голос устал отдавать приказания рулевым, как держать ледокол.

— Мы сами не можем иметь равномерного хода в таком тяжелом льду,— сказал капитан Сорокин.— По курсу лежат торосистые обломки полей в три метра толщиной.— Если мы вас возьмем на буксир, это поведет к тому, что вы врежетесь нам в корму, как только мы задержимся около первого тяжелого поля.

— Буксируйте нас вплотную к корме!— кричал Рекстин.

— Ледокол не станет слушаться руля!

— А вдруг ветер повернется и выжмет нас на берег.

— Если выхода иного не будет, придется буксировать. Но я больше всего опасаюсь, что при буксировке вы врежетесь нам в корму и нанесете себе непоправимый вред.

Рупорные разговоры прекратились. Руководители экспедиции ушли в походную каюту, но уже через несколько минут Евгенов снова появился на верхнем мостике.

— «Ниц Абби», готовы ли вы следовать за нами?— раздалось с мостика.

— Идите вперед, могу следовать за вами,— отвечал Рекстин.

Ледокол начал разворачиваться, чтобы стать впереди парохода.

— Не давите нас! Вы сломаете нам руль! Назад! У нас под кормою огромная льдина!— закричал в рупор Рекстин.

«Красин» дал протяжный сигнал и полным ходом рванулся вперед, положив руль право на борт.

— Вот когда началась настоящая ледкампания,— говорили старые ледокольщики.

— Полный вперед!

— Полный назад!— звенела ручка машинного телеграфа.

У ледокола с кораблями был сигнальный сговор. Солнце не заходило в эту ночь. Два полярных дня — сорок восемь часов — Евгенов и Сорокин стояли на верхнем мостике.

«Ниц Абби» поминутно застревал во льдах, и то и дело сигналил — семь коротких. «Красин» давал задний ход, возвращался к нему, окалывая лед.

Старший машинист Ольховский стоял на вахте в

это жаркое время, у левой средней машины, Куприянчик нес вахту у правой средней, у кормовой дежурил Веске, и старый ледокольщик Сорокин был на мостике у машинного телеграфа. По десять, по двадцать раз в минуту звенел, отдавая приказания в машинное отделение ледокола, машинный телеграф. Стрелка телеграфа со звоном бежала перед старшим машинистом. С полного заднего она бросалась вдруг на полный передний. Надо было сразу принять команду, отзвонить капитану исполнение и повернуть нужные рычаги.

Если машинист, задумавшись вдруг или сгоряча, исполнив под ряд за вахту полтысячи приказаний, вместо полного вперед дал бы полный назад,— а такие случаи бывали в морской практике,— корма ледокола, ударив с полной силой в нос парохода, пустила бы его ко дну. Один неправильный поворот рычага, и «Ниц Абби», смятый ледоколом, пошел бы ко дну, а ледокол лишился бы руля. Машинист мог провалить всю экспедицию.

Вот почему глаза машинистов были прикованы к стрелке машинного телеграфа.

— Все равно нам транспортов не вывести из этой ловушки,— говорили в машинном отделении.

— Проведем, не бойся! И не такие по Финскому заливу проводили.

— В Финском одно, а в Кара си — другое.

Глаза машинистов бежали за стрелкой. Руки машинистов хватались за рычаги, поднимали или опускали их, и мощные коленчатые валы, в десять раз выше человеческого роста, будто подумав с полминуты, вдруг начинали вращаться то вправо, то влево, послушные человеческой воле.

В машинном отделении было шестьдесят градусов

жары, а на верхней палубе люди ходили в полярной робе, прятали руки от холода в карманы.

— Вот вперли, действительно! Сегодня да если бы по чистой воде, так с песнями можно было бы итти,— ворчал рулевой, обливаясь потом от нечеловеческой работы. Тяжелый штурвал нужно было беспрерывно проворачивать, не отдохнув и минуты за вахту.

— Чухновский летит!— закричали вдруг на палубе.

Отчетливо послышался шум самолета. Чухновский возвращался из разведки.

Раздвинулась, словно по чьему-то указанию, туманная завеса, на несколько минут показалось солнце, и самолет, протяжно гудя, прошел над ледоколом. Чухновский уходил в разведку южной части Карского моря.

Вечером снова послышался шум самолета. Он шел низко, едва видимый в густом тумане. Под самолетом не было места для посадки, и если бы она случилась, воздушный корабль с четырьмя смельчаками погиб бы в крошеве льдов.

— Видать сразу, что морской летчик. В такой туман только держись линии берега,— говорили на «Красине».

Вечером поздно, уже к самой ночи, получили от Чухновского радио с парохода «Леонид Красин»: «Благополучно опустился у селения Хабарова в Юшаре. Стою на бакштове у «Леонида Красина». Подробности разведки сообщу немного позже».

Чухновский дал полную разведку льдов от Байдарацкой губы до параллели южной оконечности Новой Земли. Путь каравану судов Карской экспедиции был открыт. «Красин» вытаскивал пароходы по одному из ледяной ловушки. Командиры-полярники на капитанском мостике, рулевые у штурвала, машинисты у машин, синоптики в походной каюте, радисты в радиорубке, не смыкая глаз, делали тяжелое общее дело.

Выстроившись в кильватерную колонну, караван судов уходил на север и далее, в полярные сибирские порты.

Морская задача была выполнена блестяще.

НАЧАЛЬНИК КАРСКОЙ

Только в походной обстановке, в тяжелых ледовых условиях, когда Николай Иванович Евгенов не спал сутками, простаивая на капитанском мостике, сложился предо мною образ этого полярника. Как раньше, в восьмидесятые годы, русские интеллигенты ходили в народ, так сейчас с таким же неугасимым пламенем и верою в свое дело тринадцатый раз уходил Евгенов во льды, в тринадцатое полярное плавание.

Часто в свободное время, когда не было льдов и туманов в Карском море и все шло «ол райт», Николай Иванович почитывал беллетристику или рассказывал в кают-компании о своем знаменитом плавании с ледоколами «Вайгач» и «Таймыр» — о великом северо-восточном проходе, о полярной зимовке, охоте на белых медведей и научных изысканиях в тяжелых условиях Севера.

— Самое важное для полярника — выбрать время в течение суток для сна,— не раз говорил Евгенов.— Целые сутки светит незаходящее солнце. До темноты, до полярных сияний еще далеко. Они будут в сентябре. А сейчас необходимо строго соблюдать себя.

Но именно Евгенов меньше других соблюдал себя в экспедиции.

Как всякий старый моряк, Н. И. никогда не загадывал вперед.

Ему было навязано расписание проводки караванов по Карскому морю.

— Потому-то и не приходится спать,— об'яснял мне Н. И.,— что вся ответственность за проводку лежит в конце концов на мне одном. Если взять суммарно все вопросы, которые я должен разрешить здесь, в Карском море,— научное дело, заполнение пробелов на картах, уточнение их, служба погоды, глубоководные станции и оперативные задачи, то будет понятно, почему не хватает времени для сна и для всяких мелочей.

Несмотря на всю свою занятость, Н. И. делал не раз команде в красном уголке доклады об условиях плавания во льдах, о возможности зимовки, о пройденном пути и предстоящих задачах экспедиции.

Любопытна биография этого полярника.

Родился Н. И. в 1888 году. Первый раз пошел на Север двадцать лет тому назад. Плавал на посыльном судне «Бакан», где исполнял штурманские обязанности и помогал в гидрологических наблюдениях. «Бакан» достиг северной оконечности Новой Земли, был в Карском море, доходил до Шараповских кошек у полуострова Ямала.

Евгенов участвовал в знаменитой гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана на судах «Таймыр» и «Вайгач», будучи одним из помощников начальников экспедиции и старшим штурманом «Таймыра». Экспедиция занималась гидрографическими работами в Северном Полярном море Восточной Сибири и море Лаптевых, открыла Таймырский архипелаг, Северную Землю, Малый Таймыр, два новых острова к северо-востоку от Новосибирских островов, дала первую удовлетворительную для мореплавания карту северо-восточного полярного побережья Азии. Смелые путешественники достигли и наиболее северной точки

в азиатском секторе Арктики на корабле (не в дрейфе)— восемьдесят первого градуса северной широты. Начальником экспедиции был В. А. Вилькицкий. Только шум империалистической войны заглушил успех отважной экспедиции, проделавшей второй в истории северо-восточный проход (первый — «Вега» Норденшельда).

Позднее Евгенов принял участие в экспедиции, работавшей в дельте реки Лены. Экспедиция впервые на небольшом речном пароходе вышла из Лены в море и вошла в реку Оленек.

С 1926 года Евгенов — бессменный начальник карских морских экспедиций, начальник ледразведки и руководитель научных работ экспедиции.

— Это все не то, что мне хотелось бы,— не раз говорил Евгенов, плавая на «Красине».— Вот пройти бы еще раз к Северной Земле и обследовать то, что мы не успели сделать на «Таймыре» и «Вайгаче». Зазимовать! Это было бы чудесно!

Евгенов чувствовал себя на «Красине» как начальник крепости, не боящийся штурма.

Не раз, протирая запотевшие очки, Евгенов говорил:

— Да, знаете ли, плавать на «Малыгине» — это одно, а на «Красине» — другое. Иной раз позволяешь себе такое, чего на «Малыгине» и не подумал бы делать. Молодчинище ледокол! Молодчинище!

И Николай Иванович принимался шагать по капитанскому мостику, всматриваясь в льды, которые крушил ледокол.

— Ледок становится все тяжелей и тяжелей. А как вы думаете, Михаил Яковлевич, пройдем несколько миль и повернем к Югорию? Здесь нам с судами, пожалуй, не пробиться,— обращался Евгенов к капитану Сорокину.

Старый ледокольщик Сорокин, монументальный моряк, всегда одинаково спокойный, соглашался с Евгеновым и, пройдя еще одну-две мили, командовал:

— Руль право на борт! На большое поле не ходите!

И ледокол уходит искать чистую воду в южную часть Карского моря.

ГЕРОИ ВОЗДУХА И ЛЬДОВ

ВЫНУЖДЕННАЯ ПОСАДКА ЧУХНОВСКОГО

«20 часов 19-го самолет произвел вынужденную посадку вследствие порчи мотора. Широта примерно 70° 10′ долгота 64° 30″. Следуем ему на помощь. Вероятно, оставлю вас около него, сам пойду навстречу «Микояну». Имейте полный ход.— Евгенов. 20 часов 40 минут (по Гриничу), 19 августа 1929 года».

Эту радиограмму принял на «Леониде Красине» радист Борисенко и, не вызывая вахтенного матроса, сам побежал с ней к капитану.

Через десять минут весь корабль знал, что Чухновский опустился на воду и что его разыскивают. Все свободные от вахты люди стояли у поручней и настороженно смотрели вдаль, но даже в цейсовские бинокли с капитанского мостика ничего не было видно. Дали полный ход и вечером пришли к месту аварии. Ледокол «Красин» стал обследовать северную часть, а пароход «Леонид Красин» — южную.

Получены отрывки радио.

«Подходим к кромке льда... легли на кромку... Спускаемся к югу...»

В полдень 20 августа Борисенко перехватил такие отрывки:

«Проходим к кромке. Необходимо... заливает носовую кабинку волной... сорок миль... видим... милях... зюйду еще кромку, повидимому... сейчас буду осушать приемник».

Волнение нарастало. Никто не знал точно, где теперь находится самолет. Очевидно, его наносило на лед. Носовой люк самолета, где находилась радиоустановка, захлестывало волной. Люди на самолете откачивали воду. Начинало разводить сильную волну, и самолету нельзя было держаться на плаву с одним мотором. Нужно было торопиться с розысками.

Еще совсем недавно, несколько дней назад, когда вторая группа второго каравана Карской экспедиции отстаивалась в Хабарове от льдов, напиравших на Юшар, Чухновский, поднявшись по штормтрапу на борт «Леонида Красина», в шутку сказал:

— В случае чего у вас на палубе свободно можно поместить наш самолет.

— Собачья у них жизнь на самолете,— говорил Гордиков, третий штурман «Леонида Красина».— Ни поесть как следует, ни поспать. И как только люди живут и хорошего настроения не теряют!

«Вижу пароход, кажется, «Леонид Красин». Наш пеленг — норд. Чухновский»,— снова перехватил радио Борисенко.

Итак, Чухновский видел «Леонида Красина», но самолет, распластанный на воде, выкрашенный в защитный серый цвет, был незаметен на сером фоне моря.

Впереди по курсу парохода сверкал айсблик, и скоро показалась кромка.

«Леонид Красин» запросил Чухновского, каким курсом итти на самолет. Чухновский ответил: «Держите взятый курс». Впереди по курсу лежали непроходимые льды. Нигде не было видно самолета. Больше половины команды высыпало на палубу. Все смотрели на море.

Волна становилась сильней. Это было необычно. Всегда у льдов было тихо. «Леонид Красин» изменил курс и пошел параллельно кромке.

«...Ледяной кромки... на зюйд... он уходит норд и не видит нас. Чухновский»,— снова застучали в радиорубке «Леонида Красина».

Это Чухновский сообщал на ледокол.

В 18 часов 40 минут 20 августа с «Леонида Красина» заметили самолет. Он рулил к кораблю, работая одним мотором. Его приняли на буксир. Экипаж самолета поднялся на палубу по штормтрапу.

Вскоре подошел и ледокол «Красин».

Один из моторов самолета сдал во время полета, сделал несколько выхлопок и заглох. Над открытым морем лопнул вертикальный валик мотора. Лодка-самолет «Дорнье-Валь», в свое время едва не погубившая Амундсена у 88° северной широты, теперь изменила Чухновскому в тяжелую минуту, в штормовую погоду у самой кромки льдов.

Летчик-наблюдатель Алексеев, взойдя на борт «Леонида Красина», сказал:

— Теперь нам остается еще посадка на лед, и все будет ол райт.

На «Леониде Красине» уже готовили стрелы к поднятию самолета на борт. Стрелы имели сертификат на три с половиной тонны. Это значило, что больше трех с половиной тонн они не могли поднять. Самолет Чухновского весил шесть с половиной тонн. Поднимать его было невозможно. На море штормовые ветры развели большую волну. Самолет не мог больше держаться на волне, бросавшей его как щепку. Море грозило дюралюминиевой птице могучими валами. Евгенов и Чухновский взяли на себя ответственность за последствия. Самолет был поднят. Стрелы выдержали.

«Леонид Красин» снялся по назначению на остров Диксон, где нужно было сдать самолет. На острове Диксон была база Чухновского, и сюда через несколько дней должен был притти полярный капитан Бурке с запасным мотором для Чухновского на шхуне «Зверобой».

В полночь 23 августа «Леонид Красин» подошел к Диксону и выгрузил самолет в воду. Когда вахтенный начальник осмотрел стрелу, оказалось, что скоба, которой была закреплена стрела, треснула. Еще бы минута, самолет сорвался на палубу, разбился сам и искалечил бы людей.

«Леонид Красин» ушел в устье Енисея. Остров Диксон опустел. Остались лишь несколько зимовщиков да экипаж Чухновского.

Не прошло и недели, как Чухновский, сменив аварийный мотор, ушел на лодке-самолете в неизведанный северо-восток от Диксона и открыл свыше ста островов, до сего времени неизвестных человечеству.

К БЕРЕГАМ СИБИРИ

— Этот год аномалийный,— говорил на мостике Евгенов.— Все проливы закрыты. Возможно, что есть сообщение с устьями рек Сибири через мыс Желания. Но об этом нам должен сообщить Чухновский. А пока на Югорский Шар снова надвигаются льды. Возможно, что мы сумеем пройти здесь с Лукашевичем, который стоит сейчас в Хабарове с пятью судами. Но «Красин» достаточно показал себя в Карской экспедиции. Попади мы в этот переплет с «Малыгиным», мы не сумели бы форсировать лед и вынуждены были

бы ожидать южных ветров. Не день, не два, а может быть, неделю-другую. Наша страна обращена своим фасадом в Ледовитый океан, как сказал покойный Макаров. И если мы сейчас делаем маленькое дело, все же мы оживляем наш мертвый Север. Мы оправдываем себя. Мы привлекаем сюда рабочую силу. Мы делаем полезное дело.

Головной пароход «Ниц Абби» первым дал три прощальных гудка. «Красин» трижды пробасил в ответ. Иностранцы приветствовали ледокол криками и рукоплесканиями. Пять пароходов в кильватерной колонне пошли на север, к безлюдным берегам Сибири.

Во льдах не было качки, но уже за кромкой стояла мертвая зыбь. Словно на дне безвестный богатырь колыхал море.

— Это хороший признак,— указывая на зыбь, сказал на прощанье Евгенов.— Вокруг нас лежат большие запасы чистой воды. Вы больше не встретите льдов.

Шлюпка, на которой мы переходили с ледокола, ныряла в морской зыби, и матросы с большим трудом и не меньшим искусством вели ее к английскому пароходу «Ниц Абби». Мы поднялись по штормтрапу на пароход и крикнули последнее «прости» ледоколу. На темном фоне неба и моря рядом с небольшими пароходами «Красин» казался гигантом.

На следующий день караван судов миновал семьдесят вторую параллель.

Солнце ярко светит и даже пригревает. На море тихо.

Пресную воду здесь выдают порционно, не то, что на «Красине» — лей, сколько хочешь. И чифинженеру, старшему механику «Ниц Абби», не приходится, подобно Михаилу Ивановичу Денисову, ходить за каждым и прикручивать кран.

Наблюдают за летящим шаром-пилотом в секстант и теодолит. Слева — начальник экспедиции Н. И. Евгенов.

След ледокола „Красин" во льдах Карского моря. По этому следу идут морские пароходы.

Тяжелый лед забил Югорский шар — один из проходов в Карское море.

Второй караван Карской экспедиции дрейфует в тяжелых льдах у Байдарацкой губы.

На пароходе всего двадцать пять человек экипажа. Комсостав получает лучшую пищу, чем команда, что вызывает недовольство в кубриках. Матросы не имеют ни библиотеки, ни радиосводок. В помещении грязно. Отопление камельком, угли дымят. Кубрик подметают метлой.

Но зато комсоставу подают в постель утренний э кеп оф ти с поджаренным хлебцем.

Капитан Рекстин рассказывал на «Ниц Абби» о капитане «Сиксти Фор». Это — старый, опытный капитан, но чисто парусный капитан. Голос у него монотонный, он все слова произносит на один лад, без ударений: тя-тя-тя-тя-тя-тя. Рекстин предложил ему во время плавания по Карскому морю убрать в бункера (угольные ямы) весь уголь, лежавший на палубе. Капитан «Сиксти Фор»«, не задумываясь, ответил, что как только он придет в Новый порт на Оби, то немедленно наймет лихтера или баржи, и они перегрузят уголь. Капитану неудобно делать это в пути. Старый чудак не знал о том, что в Новом порту нет никаких лихтеров и свободных людей, которые могли бы ему помочь в перегрузке.

Еще в Баренцевом море капитан Рекстин, ведший колонну судов, получает вдруг радио от капитана «Сиксти Фор», что он считает рискованным итти в кильватерную колонну и держит истинный курс сто десять градусов. В то время как истинный курс — девяносто три, и он лезет прямо в Печорский берег.

— Спрашиваю его: «Почему держите старый курс?» Семь часов не мог добиться ответа. Наконец получаю радио: «Держу истинный пятьдесят, иду Карские Ворота».— «Почему держите пятьдесят?»— «Мне дано предписание итти в Новый порт на Оби, и я иду по кратчайшему пути».

Рекстин послал ему категорическое распоряжение итти немедленно на Юшар вслед за остальными пароходами. Карские Ворота были забиты тяжелым льдом. Старик и об этом не знал.

Лед подействовал на капитана отрезвительно, и он пошел по истинному направлению. В Юшаре его поджидали целых четыре часа.

— Хорошо, что туман рассеялся, а то бы он нас вовек не нашел,— сказал Рекстин.

ПОТОМСТВЕННЫЙ ЛОЦМАН ГРИГОРЬЕВ

Головной пароход енисейской группы Карской экспедиции «Ниц Абби» получил ночью «СОС» — сигнал о бедствии. Буксир «Полярный», тянувший две баржи на остров Диксон для постройки зимовщикам-радистам дома, бани и провизионки, был застигнут штормом у Шараповских кошек. Его выбросило на берег. Осадка буксира была девять футов, он сидел на четырех футах. Капитан Рекстин дал сигнал судам Карской экспедиции остановиться, не следовать за ним, и сам отправился на «Ниц Абби» к месту аварии.

На берегу, у которого произошла катастрофа, лежало много плавнику. Лаяли собаки, спущенные с парохода, потерпевшего аварию. Люди сушили белье. Узкой полосой тянулся зеленый берег над иссиня-серой рябью моря.

«Ниц Абби», подойдя к двадцатифутовой глубине, отдал якорь.

Оу-у-у-у-у,— засигналил головной корабль, вызывая к себе шлюпку.

Скоро на берегу поняли сигнал и выслали шлюпку.

и моторный бот. С правого борта «Ниц Абби» выкинули штормтрап для принятия людей с лодок.

— В чем дело?— закричали с моторной шлюпки.

— В чем дело, позвольте вас спросить?— закричал в рупор капитан Рекстин.— Мы получили ваш «СОС» и идем на помощь. Вы давали «СОС»?

— Давали. Но лихтера мы уже выбрали на воду. У нас теперь буксир только на мели. К нам скоро придет на помощь «Компас». Вам все равно из-за вашей осадки к нам не подойти.

— Пускайте на полный ход машины вашего буксира! Размоете песок и сойдете сами с банки!

— Да вот боимся, подует запад.

— Что же, по-вашему, он век будет? Значит, вам «Компас» окажет помощь? Итак, мы с вами спелись, гудбай.

«Ниц Абби» дал протяжный гудок. Енисейская группа судов продолжала свой путь.

За Шараповскими кошками встретили «Компас». Он ставил на берегах знаки и вехи — веховал фарватер. Приняли на борт лоцмана.

Незаметно для глаза закончилось море. Кильватерной колонной морские пароходы Карской экспедиции вступили в устье Енисея. Ширина Енисея была необхватна. Лоцман Григорьев говорил, что самая большая ширина Енисея равна пятидесяти километрам. Устье все унизано островами и островками.

Левый берег по мере нашего под'ема вверх по реке становился круче и напоминал лунный ландшафт, но не мертвенно-бледный, а сочно-зеленый.

— Здесь пропасть дичи, куропаток, уток,— сказал лоцман.

Низко над рекой тянули, выгнув шеи, стаи уток.

Вот Толстый нос. Названия на Севере даются в

совершенно необычной обстановке, по какому-нибудь случаю. Остров Котельный на севере Сибири был назван потому, что на нем нашли котел. Медвежий — убили медведя. Нужно же как-нибудь отличить остров от острова. И гидрографам приходится изощряться. В больших экспедициях нередко названия даются в кают-компании, прямо по очереди сидящих за столом: Иванов, Петров, Сидоров.

Любопытна история названия Коровьего острова на Енисее. Две партии, около трехсот человек, работали в двадцатом году по с'емке островов и промеру глубин фарватера Енисея. Люди питались консервами, стреляли дичь, и в виде продуктовой молочной базы береговые партии держали десяток коров. Ничто так не помогало человеку противостоять цынге, как коровье молоко.

Некому было за коровами ухаживать. Каждый человек был на учете. Заливные неохватные берега Енисея зеленели густой травой. Решили пустить коров на один из небольших островов, где подножного корма было с излишком. Животные дичали с каждым днем и скоро стали бояться человека.

Вода в Енисее сильно спала. Однажды коровы в брод перешли с малого острова на большой соседний, густо поросший высоким тальником, сквозь который с трудом пробирался человек. Коровы разбрелись по всему острову — не найти их.

Наступала осень. По утрам иногда выпадал снежок. Вверх по Енисею отходили последние пароходы, забирая с собою рабочих.

Жалко было бросать коров. Разделившись на группы, береговые партии военным порядком — цепью пошли в облаву. Густой тальник разрознил скоро всех охотников. Люди потеряли друг друга из виду.

Рулевой погибшего на камнях «Вайгача», промерщик и лоцман Григорьев брел один по тальнику, согнувшись от тяжести винтовки. Его томила жажда. Воды нигде не было. В кармане оставалось несколько папирос, но спички все вышли, и в сумке не было ни куска хлеба.

Григорьев стал звать товарищей,— никто не откликался. Лоцман видел, как один пароход ушел вверх с рабочими.

«Пропадать мне в этом краю?»— подумал Григорьев. И дал выстрел.

И вдруг на большом острове Григорьев случайно увидел своих товарищей. Те отчаялись уже найти его. Весь остров обыскали.

Коров зимой нашли самоеды. Это были уже совсем одичавшие животные. Самоеды их изловили, прирезали, а потом рассчитались с промерщиками шкурами оленей и песцов.

Так и прозвали этот остров Коровьим.

На Толстом носу — фактория — интеграл-союз, торговое об'единение. Вместо денег — товарообмен. Местным жителям за пушнину дают товар. Здесь много песцов и зайцев.

Около мыса Караульного жили в ссылке декабристы, сохранился камень с высеченными ими надписями. Давным-давно здесь стоял кордон — заградительный отряд, не впускавший никого вверх по реке с товарами без пошлины.

Жители исстари занимались здесь рыболовством и пушниной. В селении Караульном несколько домов и фактория. На берегу лежат остроносые лодки — тоболки. Ветром доносит с берега неистовый собачий концерт.

— На Диксоне,— говорил лоцман,— тридцать ездо-

вых собак-медвежатников, с которыми на медведя ходят. Жутко становится слушать, как они часами воют. С непривычки такая тоска возьмет, не знаешь, куда деваться. На медведя специальных собак выращивают — помесь дикого волка с тунгуской и лайкой. Замечательные получаются собаки.

Лоцман устья Енисея — Владимир Дмитриевич Григорьев перешел на «Ниц Абби» с «Компаса». Он стал сибиряком поневоле. В 1918 году ледокольный пароход «Вайгач» наскочил неподалеку от устья Енисея на банку. На нем рулевым шел Григорьев. С «Вайгача» он ушел на Енисей, попал в Красноярск и стал лоцманом Енисея. Делал промеры этой реки, составлял ее карты, ставил вешки. Моряки проходили два раза в год туда и обратно устьем Енисея, определялись по этим вешкам и благополучно миновали банки.

Оказывается, не только Норвегия может гордиться потомственными лоцманами. Отец Григорьева лоцманил в петербургском порту тридцать лет. Владимир Дмитриевич Григорьев после окончания мореходного училища пошел на «Вайгач» рулевым. «Вайгач» и «Таймыр» были отправлены в 1918 году советским правительством срочно из Архангельска в Енисейскую губу за сибирским хлебом для голодной, истощенной войной Республики Советов. Пока на эти суда прибыла из Петрограда команда, в Архангельске, где стояли корабли, произошел переворот. Власть советов была свергнута, экспедиция за хлебом отменена. «Таймыр» и «Вайгач» под командой Вилькицкого пошли в Енисей с гидрографическими целями. «Вайгач» открыл здесь новую банку, с которой не мог слезть. Девять лет стоял «Вайгач» на банке. Еще в этом году он высился над водой, но вот совсем недавно в один из сильных штормов он скрылся, унеся в пучину живую легенду о своем

знаменитом северо-восточном проходе. Трое суток жил экипаж «Вайгача» на обреченном судне. Подошел «Таймыр» и снял потерпевших кораблекрушение. Вот откуда у многих началась их биография. Банка, на которую сел «Вайгач», сделала Григорьева сибиряком.

Работал Григорьев в обь-енисейском отряде — лоцманил, подобно отцу своему. Три года на Оби и шестой год на Енисее — стаж для северного лоцмана изрядный. Ходил Григорьев от Усть-порта в ледразведку на «Инее» в Карское море, следя за подвижкой льда от Диксона до шестьдесят пятого меридиана. Это нужно было для того, чтобы уберечь суда Карской экспедиции от всяких неожиданностей.

Григорьев всматривается в даль, находит поставленные им самим вешки и по-английски командует рулевому. Собственно, не совсем по-английски. Но рулевой его отлично понимает. А рулевой — высокий старик-англичанин с запорожскими усами, прожелтевшими от табачного дыма, и чуть согбенной годами фигурой. Пятьдесят один год он ходит по морю. Нет той страны и нет того порта на свете, куда не заходил бы этот старик. В русско-турецкую кампанию он был на дозорном военном судне около Константинополя, на страже британского империализма. Но теперь — поговорите вы с этим стариком! На своем чистом английском языке, но с темпераментом айришмена, расскажет он вам с негодованием о том, какой тухлятиной кормят на пароходах: «Сингльтон Абби», «Ниц Абби». Хозяин скопидом и выжимала, норовит украсть с каждого матроса копейку, но на церковь отпускает сразу целую тысячу фунтов.

— Подождите,— говорит старик,— скоро и у нас и везде будут одни большевики.

Григорьев рассказал чудеса об Игарке, куда шла экс-

педиция. Там, где в прошлом году было пустое место, ныне около тысячи рабочих, лавки ЦРК, сделаны пристани, строятся бараки, лесопильный завод. Лес будет направляться в Игарку сплавом вниз по реке и здесь на месте распиливаться для экспорта. Мертвый край становится неузнаваем.

Ночью «Ниц Абби» отдал якорь перед входом в широкую часть Енисея, где от берега до берега пятьдесят километров, где миллионы тонн пресной воды, по которой так страдали сейчас на «Красине» наши друзья.

Енисей живет. Это — не Югорский Шар или Морра-Сале, куда «Красин» первым приходил за этот год и где люди не видят себе подобных по целому году. По Енисею то тут, то там пройдет лодочка с веслами в роде лопаточек. Вдруг за мысом покажется несколько домиков — это станок. Люди приезжают сюда на короткое лето, а живут в центральной Сибири или на Енисее повыше, но есть и зимовщики, местные уроженцы. Их предки были самоеды или тунгусы, об этом сейчас напоминают скуластые лица и неясный, шепелявый говорок.

Каждое лето карские экспедиции проводят сюда речные пароходы из-за границы.

Замечательный, нигде не отмеченный случай, как маленький пароходишко «Разведка» из Архангельска сам, без ледокола, пришел в устье Оби через ледовитое Карское море. Его не сопровождал ледокол, самолет не указывал ему чистую воду. Знатоки службы погоды не предсказывали ему ни плохих, ни хороших ветров. Люди набили пароход сверху донизу углем. Вся кают-компания была им засыпана. И вместо коек спали на угле. Пароход «Разведка» пришел сам в устье Оби и ныне плавает по реке.

ТУДА, ГДЕ БУДЕТ ПОЛЯРНЫЙ ПОРТ

До порта Игарки недалеко. Еще один лоцман перейдет к нам в Усть-порту, и на следующий день, если не будет тумана и будут видны все вешки и знаки, караван судов Карской экспедиции войдет в Игарскую протоку.

— «Невольно к этим грустным берегам меня влечет неведомая сила»,— напевает капитан Рекстин, рассматривая в бинокль знаки и вешки.— Который год хожу сюда. Прямо будто кто-то гонит меня в эти края.

В Усть-порту совсем недавно жизнь била ключом. Летом приходили пароходы, баржи с грузом для экспорта. Из Карского моря прибывали иностранные суда, забирали груз. Построили радиостанцию. В 1919 году сюда на кораблях Карской экспедиции какие-то чудаки привезли для Сибири тысячу бочек смолы. А потом, когда выяснилось, что своей смолы в Сибири девать некуда, бросили ее на произвол судьбы.

Так она и валяется до сих пор на берегу, никому не нужная. Место свалки бочек со смолой зовут кладбищем.

На берегу Енисея живут юраки, долгане, тунгусы, остяки и самоеды. У селения Караульного на лугу пасутся коровы. Это за полярным кругом. Дома все срублены на верху Енисея и по воде доставлены сюда. Здесь леса нет. Немного прибивает сюда течением плавнику, но его едва хватает на топливо. Главные массы плавнику уходят в самое устье реки и в океан. Это наш сибирский лес прибивает к берегам Новой Земли и Шпицбергена. Не раз наш плавник спасал отважных путешественников от смерти.

На месте здесь не успевают срубить и поставить дом за короткое лето, которое длится всего лишь два месяца: июль — август.

С Насоновского острова пошел низкий кустарник. Почва глинистая, мерзлота. За лето оттаивает на полметра, и в особенно холодные годы — на четверть. На склонах много морошки, голубики. Встречаются и черника и княженика. Княженика — род малины с исключительно ароматичным запахом, напоминающим землянику. Ягода эта здесь ценится дорого.

Головной корабль «Ниц Абби» троекратно салютовал Усть-порту. На гудки вышли люди из домов посмотреть на первый за год морской корабль. Здесь должна была произойти смена лоцманов. Навстречу «Ниц Абби» шел небольшой пароход «Тобол», и на нем смена Григорьеву — лоцман Петр Филиппович Очередько, замечательный человек, записная книга истории местного края. Двадцать один год плавает Очередько по Енисею.

В Усть-порте жизнь замерла. До Игарки от Красноярска на сутки ближе судам, чем до Усть-порта. Пароходы могут меньше брать с собой угля и больше экспортного товара и оборачиваются гораздо скорее. Усть-порт захирел. Но порт Игарка вознесся как в сказке.

Петр Филиппович Очередько открыл порт Игарку. Об этом никто и нигде не пишет. Память у Очередько сверхчеловеческая. Он помнит все даты прохождения судов по Енисею за последние двадцать лет. Кто на каком судне и когда ходил. Какая баржа где утонула. Какой человек куда был сослан и чем занимался, и что про него народ говорит. Но больше всего интересуется Петр Филиппович развитием навигации.

— Иван Эрнестович, а, знаете, дома-то опаздывают с прибытием в Игарку. Как бы чего худого не вышло. Больно сроку мало остается для сборки. Сгорела баржа одна здесь с экспортным лесом. Может, слыхали уже? Триста пятьдесят стандартов пиленого леса погибло

в огне, да баржа сама. Так бы она два раза обернулась и еще триста пятьдесят стандартов привезла. Значит, теперь целых семьсот стандартов не вывезем. Вот какая штука! Вообще насчет речного флота — слабовато. Вот я слыхал, на будущий год хотят сюда сорок пароходов через Карское море пригнать. А ведь нужно перво-наперво речной флот подготовить. На чем же мы товары будем доставлять для морских судов?

— А как тут насчет уголечка? — спрашивает Рекстин.

— Тут геологи ищут уголек, хотим на своем ходить, чтобы у вас, в Англии, не брать.

— Откуда же лес гоните? — спрашиваю я Очередько.

— А с разных мест. Откуда удобнее. Да вот сплавщики у нас в этом году с Волги взяты. А режим реки у нас другой. Енисей — река каменистая и быстрая, тут только успевай заворачиваться. Это не то, что на Волге, — спать на плотах.

Из-за мыска показалась остроносая лодка. На ней несколько человек.

— Это самоеды, — говорит Очередько. — Они по-русски чисто говорят, немножко только присюсюкивают. Так это, скажу вам, здесь все так, потому что примесь уже имеется. Хотя и русский, а все-таки кровь смешанная. Вот остяки мне уж надоели, все спрашивают: «А когда большие пароходы пойдут?»

— Интересуются, значит.

— Они только насчет спирту интересуются. «Пирта дай, пирта дай!» Они за спирт не только жену, дочь, — душу свою отдадут. Здесь — сухие штаты, запрещено водкой торговать. Ведь, надо сказать, местные жители, они в роде как паразиты, жили на счет инородцев. Те работают, охотятся на зверя; их спаивают и за гроши весь товар скупают. Теперь насчет этого строго. И песца не смей купить у самоеда. Отнимут. Потому что —

это все равно, что наша валюта, и ты ее не имеешь права зря брать. Только вот хлипкие они очень до болезней. Недавно в Туруханске был с'езд советов. Так четверо их заболело гриппом и померло. Они за последнее время стали от гриппа страдать.

— Нет ли здесь старых памятников каких-нибудь? — интересуюсь я.

— Да вот в Туруханске валялся какой-то старый колокол,— говорят, еще великими новгородцами был привезен, а куда его девали — не знаю. А так места здесь известные. В Туруханске будете проезжать, там Свердлов в ссылке был, а в деревне Курейке ниже Туруханска Сталин в ссылке находился. Теперь в том доме школа. Еще в Туруханске — один архиерей в ссылке. Ему скоро свобода выходит. Он сам по образованию доктор медицины. Даже некоторые говорят, что профессор. И вот не знаю, зачем такому человеку было в архиереи итти. Только вот пошел и попал в конце концов в наши края. К нему самоеды идут лечиться издалека. «Куда едете?»— спрашиваю знакомых самоедов.

— «А в Туруханск, к большому доктору». Они, самоеды, по зверю хорошо охотятся. Песец в тундре до самой деревни Плахино водится. Полярный песец. Тут вообще зверья хватает. Выше немного белка пойдет, росомаха, колонок, горностай. Колонок теперь дороже горностая ценится. От восьми до пятнадцати рублей шкурка. Из хвоста колонка дорогие кисти выделывают, а еще, говорят, за границей его потому ценят, что он на подделку дорогих мехов идет. В этом году плохо с песцом. Нет его. Год на год не приходится.

— Петр Филиппович,— сказал капитан Рекстин,— я вижу вашу красную вешку, вот она, справа. Посмотрите в бинокль.

— А вон, Иван Эрнестович, посмотрите, моя мигалочка горит. Недавно ставили. Даленовский фонарь. Три месяца без зарядки горит, ацетиленом.

— А ископаемых здесь много. Вообще здесь много всякого добра, но без толку. Вот только сейчас один Комсеверпуть стал шевелиться. И дело ставит широко, не скредничает, как другие. Деньги — и дело. Теперь Игарку не узнать. А несколько лет пройдет, так поднимется, рукой не достанешь.

— Вы спрашиваете,— обращается ко мне Очередько,— как я попал из Полтавской губернии в Сибирь? Пошел счастья искать. А что касается разбойников, то у вас в Москве всякого жулья куда больше, чем у нас. Не даром вы их к нам всех высылаете. А у нас уголовники на крестьян работают. Из других даже толк выходит. Потому что здесь, в Сибири, не больно украдешь. Куда денешься с барахлом-то? Это не то, что в Москве,— украл, да на вокзал. Здесь всегда свое разыщешь. Вы нам везете полное оборудование лесопильного завода? Четыре рамы, котлы,— спросил вдруг Очередько и, не дожидаясь ответа, продолжал:— А в Игарке строится сейчас завод, инженеры даже зимовать здесь будут.

Помощник лоцмана, сибирский крестьянин, стоял возле старика-англичанина, рулевого, и пальцем об'яснял ему, куда направлять пароход.

— Опять растянулись по всему Енисею,— показал капитан Рекстин на суда каравана.

У-у-у-у,— дал капитан протяжный сигнал. Это значило, что суда должны подтянуться к головному пароходу.

Здесь, в узком месте фарватера, нужно было итти, строго соблюдая кильватерную колонну, чтобы не вылезти на банку.

По берегам стала показываться уже низкорослая лиственница.

Караван Карской экспедиции продвигался Енисеем в преддверие тайги, которая отдавала горсточки своего необ'ятного леса за границу в обмен на машины.

Сенокосилки, конные грабли, двадцатичетырехтонные котлы, охотничье оружие, оборудования для кожевенной и лесопильной промышленности, авто-моточасти,— вот что несли в своих глубоких трюмах морские пароходы из-за границы сквозь льды Карского моря в далекую северную Сибирь.

Красавец Енисей и безбрежная Обь принимали морские суда с товарами из-за границы. А на Енисее в порту Игарке и в Новом порту на Оби лежали обменные товары для заграницы. В советских баржах и лихтерах дожидались разгрузки экспортные товары: лен, кудель, пенька, пакля, кожсырье, шерсть, рыбные консервы и тысячи стандартов пиленого леса.

— Нам до темноты пройти две вехи вéстовых да шесть остовых, мы бы тогда до Игарки без остановки пришли,— говорил Очередько.— А холодно стоять-то! Другой раз меня не обманешь. Надену шубу и пимы. Август кончается. А у нас уже в августе месяце — утренние заморозки. Да, забыл вам рассказать, в Усть-порте из местной рыбы теперь консервы будут делать для экспорта. Консервный завод открывают.

ЕНИСЕЙСКИЙ КАРАВАН В ИГАРКЕ

Ночью прибыли в порт Игарку. Морские суда шли вверх по Енисею до порта, около пятисот миль. На всем пути расставлены знаки, вешки. Лоцманская служ-

ба поставлена отлично. Удивлялись даже английские моряки.

— Вот это и есть Самоедский остров. Еще в прошлом году здесь до лешего медведей было. Мне тутошний рыбак говорил, когда не было пароходчиков, он медведей каждый день давилкой уничтожал,— рассказывал лоцман Очередько.— Они у меня недавно на острове чуть даленовский фонарь не повалили. А ведь ему цена восемьсот рублей.

Четыре морских корабля бросили якоря у берега, где штабелями высился пиленый лес.

В Игарке строился лесопильный завод. В глубоких трюмах иностранных пароходов пришло сюда на остров полное оборудование для этого завода. С Ангары, Верхней Тунгуски на будущий год сюда погонят плоты, и в порту Игарке лесопильный завод напилит экспортный лес.

В полую воду, когда быстрый Енисей несет огромные ледяные поля в океан, он сам пилит тайгу своими пилами. Тайга каждый год отдает богатую дань ледоходу. Сибирский лес, подрезаемый ледоходами, уносится в океан и там дрейфует вместе со льдом. Отдельные бревна задерживаются в устье Енисея, но весь плавник идет бесплатным экспортом за границу.

В прошлом году пригоняли с Ангары несколько плотов. В этом году вышла незадача. Только один плот пришел сверху в Игарку. Остальные девять к приходу морских пароходов задержались в пути.

Дело это новое. Опытных людей еще мало.

— На два парохода только сейчас товару есть, лесу пиленого,— рассказывают лодочники с берега.

— А что же с плотами?

— Кто их знает? Радио в Игарке только налаживается. От себя мы сообщить пока ничего не можем. Иногда

наш радист ловит, рассказывает. Вот мы знали, что вы застряли возле Югорского Шара во льдах.

— Что же плоты могут и не притти?

— Все возможно. Говорят, их снова сплачивали. Где-то уже разбило.

— Этак парохода два могут уйти отсюда негруженными, и мы с ними зря сквозь льды ходили?

— Все возможно.

Енисей — могучая и быстрая река. Трудно здесь работать по расписанию.

На Игарке горят электрические лампочки. У строящегося лесозавода, где сделаны бревнотаски,— электрическое освещение. За полярным кругом, где вчера бродили медведи, теперь закладывается порт. Уже поставлены три дома. Люди пока живут неустроенно. Газеты приходят на четвертую неделю. В Игарке не больше знают, чем на морских судах, оторванных от берегов больше месяца.

Ночью через несколько часов после прихода пароходов их подвели к пристаням. Затарахтели лебедки. Из трюмов рабочие-грузчики понесли на берег свинцовые чушки.

Нужно было скорее выгрузить пароход и подготовить его к погрузке пиленого лесоматериала. Один только «Ниц Абби» должен был грузиться лесом не меньше десяти дней.

— И все-таки что же будет с плотами? Ведь если не дойдут плоты, какой вы большой козырь дадите противникам Карской экспедиции?

— Это будет не только козырь, но просто провал экспедиции,— говорил десятник Комсеверпути.— Плоты идут не самосплавом, исключая одного,— их тянут пароходы. Как только сюда подойдут сверху буксирные пароходы с экспортным грузом, их сейчас же направят вверх помогать другим плотам.

Капитан И. Э. Рекстин.
Нач. первого Енисейского каравана и зам. нач. Карской экспедиции.

Рис. аквар. М. Зингера,

Ледокол „Красин“ выводит из тяжелого дрейфа во льдах второй караван Карской экспедиции.

Илимка и чум на Енисее.

Остров Диксон. Вдали видна радиостанция.

Английские моряки с интересом разглядывали местность, стоя у поручней. Спрашивали, есть ли здесь фоксы (песцы). Этот вопрос их интересовал сильно. Один старик-моряк все расспрашивал, как по-русски сказать — чэндж — менять. У старика было пальто, и старик еще в Англии мечтал сменять его на песцов.

Англичане спрашивали, есть ли кино в Игарке и девушки. На несколько часов они забыли о тухлом запахе, который шел из камбуза, где смердило давно испортившейся рыбой и мясом.

Лето в Игарке было на исходе.

Рабочие изыскательских партий по с'емке местности боятся уходить в глубь леса: отойдешь пять-шесть километров — уже свежие следы медведей. Вешки, поставленные накануне, поломаны медведями. Здесь им раздолье. По всему берегу — черника, морошка, голубика. В конце июня цвела черемуха. В логах лежал снег. Землю нельзя было местами прорыть на полметра. Сплошная мерзлота. А солнце грело будто в Красноярске летом.

— Моему сыну в комар-месяц будет пять лет,— говорит тунгус.

Комар, мошка, мокрец, слепень-паут — египетские казни местного края. Не даром тунгусы ведут летосчисление с момента появления этих врагов человека. Мошка наносила тяжелые повреждения рабочим. Людей не раз приходилось снимать с работы: так сильно распухали шейные железы от укусов.

Мы пошли с группой красноярцев и английских моряков на берег по чернику и морошку. Она здесь осыпная. Нас одолевала мошкара. Развели костер.

— Тунгусы — маленький народец,— рассказывал у костра сибиряк.— Низкорослые. Но на лыжах бегают не хуже норвежцев. Ружьецо, посмотришь, у него дрян-

ненькое, старенькое, а стреляет он без промаха. У нас в Игарке тунгусы так до сих пор из лука стреляют. Стрелу делают из оленьих жил, наконечник железный или костяной. Бьют уток, белок. Но силы в нем нет, в тунгусе. На ноги он хорош, а силы нету.

Тунгусы — хорошие путешественники. Тунгус всегда найдет расставленные им на десятимильном расстоянии капканы. Затравливая сохатого (лося), тунгус бегает за ним по целым неделям на лыжах. Сам изведется, но сохатого не выпустит. От родного чума — своего жилища, своего достояния, он уйдет далеко за много километров, но вернется, найдет дорогу к себе домой.

— Надо тушить костер, а то заметят,— за это не поблагодарят. Кругом ведь нас — валюта, экспортный лес,— сказал старый сибиряк.

Мы закидали костер сырой травой и влажным мхом. Костер задымил и вскоре погас. Кругом нас вся земля была накрыта мшистыми подушками, в которых утопали наши сапоги. Кричали кедровки. Нещадно жалила мошка, одна так ужалила чифинженера — старшего механика «Ниц Абби», что у него под глазом образовался кровоподтек. Английские матросы собирали блайкберри — чернику. Они видели чернику в первый раз и отважились отведать ее после долгих уговоров.

У каждого была в руках ветка березы, которой он отмахивался от незримых врагов.

— Это что, разве это мошкара? Вот бывают теплые лета, так мошку полными пригоршнями снимаешь. Совершенно облепляют человека. А другой раз слепни совсем замучают,— рассказывал старый сибиряк, наезжающий каждое лето в устье Енисея.

К нам подошел тунгусский мальчик — Петя. Ему было всего пять лет, но он отменно ругался и курил, как взрослый.

Все время, пока я писал с него портрет акварелью, он не уставал спрашивать меня, действительно ли я ему дам конфет. И после моих обещаний попросил еще немного серебряных денег.

Тунгус Петя был сирота. Грипп, который завезли сюда морские пароходы, убил мать тунгуса Пети. Мальчика взяла на воспитание артель грузчиков, которые жили в одном бараке. Они сшили ему нечто, напоминающее костюм. Нахлобучили на его светловолосую голову чью-то кепку, и мальчик принял полуевропейский облик, только узкие, раскосые глаза да широкие скулы обличали его происхождение.

Он был приучен грузчиками к мытью лица и рук. Говорил после еды «спасибо» кормившим его...

Мы возвращались из тайги в поселок.

Мелкий дождь моросил. не переставая. Погрузка приостановилась. По деревянным настилам стало скользко ходить, и опасно было катать с биржи на медведках пиленый материал к пароходам.

В ОСТЯЦКОМ ЧУМЕ

Трюмы пароходов, опустевшие в Игарке от заграничных товаров — машин и цветного металла, наполнялись сейчас пиленым строевым лесом, которому не было равного ни в одной стране мира.

Русские грузчики кричали английскому моряку, стоявшему у лебедки:

— Помалу, помалу! Вирай, вирай!

И в такт помахивали рукой, кивали головой.

Англичанин понимал их указания. С каждым часом трюмы заполнялись все выше и выше. Внизу, в трюмах,

стивадоры, словно паркетчики, устилали досками помещение. Нужно было пригнать доску к доске, чтобы в море, во время шторма, не разболтало груз, не разбило корабль. И эта пригонка производилась мастерски.

Русский десятник стоял с записной книжкой и отмечал подачу досок в трюмы. То же делал свободный от вахты англичанин-радист. Через несколько часов его сменил один из помощников капитана английского парохода.

Нередко сам английский капитан окалывал ржавчину на пароходе и, засучив рукава, прокрашивал ржавые пятна суриком.

В Игарку пришли два остяка посмотреть не виданный ими ни разу в жизни пароход. Они прибыли из своих чумов, которые были раскинуты в десяти милях от порта, на другой стороне Енисея.

На старом остяке была лисья пушистая шапка с длинными наушниками. Молодой остяк был в русской рваной одежде.

— Сей год мало рыбы в Енисее. Заработки плохи. Зверя тоже почти что не было,— жаловались остяки.

С начальником изыскательных партий Л. И. Смирновым мы отправились на моторном боте за десять миль от порта, в поход к остяцким чумам.

— Вон, видите, за мыском показались чумы. Слышен уже собачий лай.

Из чумов выбежали какие-то люди, потом скрылись и больше не показывались. Только собаки-тунгуски с визгом носились около сетей.

Мотор пристал вплотную к берегу, где валялись крупные камни, принесенные сюда за тысячи километров, с верховьев Енисея. Эти камни вмерзали в лед на верховьях реки и во время ледохода дрейфовали сюда. На протяжении великой реки от Красноярска до океана

льды не встречали ни одного моста, который бы разрушал их своими ледорезами.

Сто лет назад, по преданию, здесь жил какой-то Егорка. Егоркин мыс, на котором было расположено зимовье, и дал будто бы повод зашедшим сюда английским мореплавателям обозначить это место как Игаркино зимовье. Отсюда и пошло название Игарка. Люди, жившие в этом месте, настолько свыклись со своим житьем-бытьем, что о лучшем и не мечтали. Туруханск, расположенный немного выше, по Енисею, казался для них недосягаемым югом.

— Нас если в доброе место посадить, так мы скоро одичаем,— говорил один из станка Игарки, отец которого был сослан сюда за уголовное дело.

В Игарке некогда жили сосланные царским правительством скопцы. Они научили местных жителей коптить сельдь и всякую рыбу. При скопцах количество строений достигало десяти. Теперь в станке всего несколько домов и отделение туруханского кооператива,— своего рода маленькая фактория с разными товарами. Люди промышляют рыбу и зверя.

Остяцкие чумы были расположены на Кармакульском камне. На берегу паслось много коров.

— Богато здесь живут. Скота много,— заметил я.

— Этот скот оставлен здесь пароходами, которые пошли вниз. Они сдают коров на выпас местным крестьянам-рыбакам. На обратном пути пароход забирает скот, который служит пассажирам свежей пищей,— сказал Смирнов.

С берега тянут несколько стай уток.

— Это еще не перелет. Утки просто табунятся,— замечает один из местных людей.

Берестовое полотнище двери вдруг распахнулось. Из чума выглянула девушка-остячка и мгновенно скрылась.

За ней выбежала пожилая женщина и тоже вскоре исчезла. Только собаки продолжали приветствовать незваных гостей визгливым лаем.

— Обратите внимание: настоящей тунгусской породы! Таких бы собак в Москве на выставку бы взяли!

Откинув берестовое полотнище, нагнувшись, мы вошли в чум. Дым, стлавшийся от костра, в'едался в глаза. Мы сели на корточки. В чуме была только одна женщина. Она хорошо говорила по-русски. Остяк в русской рваной одежде, приходивший к нам на пароход, был ее мужем.

— Где же вторая женщина?

— Она дичится. Людей боится. Дунька первая вас увидала. Кричит: «Люди к нам идут, люди!»

В чуме, крытом берестой, развешаны сети, лески, и лежат две берданки.

— Как у вас тут во время дождя? Не заливает?

— А как же не заливает? Видите, весь чум светится.

На полу, на голой земле, расстелена оленья шкура — одеяло,— как об'ясняет хозяйка.

— Вот сейчас летом живем в чуме,— рассказывает остячка.— А скоро лето кончится, пойдем далеко в тайгу, выроем землянку и будем жить. Наш брат куда полезет? Вот и приходится землянку рыть. Вы говорите, почему мы на гусей не охотимся? Это правда, что их много. А чем вы будете в них стрелять? Не песком же и не камнями? Порох нужно, дробь нужно. Мы приходим в кооперацию, нам говорят: «Сейчас закрыто, приходи завтра». А у нас часов нет. Рыба пришла к берегу, нам некогда ходить в лавку. Другой раз придешь, скажут: «Вы не члены, вам нельзя давать». Вот нам пороха не дали и дроби не дали. С весны рыбу запретили ловить. Тогда рыбы было сколько угодно. А теперь можно ловить, да рыбы нет ничего. Поймали

сегодня два осетра, с них сыт долго не будешь. Хорошо, что вот в порту на постройке люди у нас покупают. А то бы нам пропадать. Кто нам даст лопать? Самим все нужно доставать.

— Лопать — по-остяцки значит одежда,— сказал мне Л. И. Смирнов.

— Пойдем зимой промышлять зверя. Колонок, песец, горностай, соболек. А потом будем сдавать в фактории.

— И никто вас в тайге не обижает, ни зверь, ни человек?

— Медведь зимой спит в тайге. А людей в тайге никогда не встречаем.

— Что у вас варится в котелке?

— Осетровые кишки. Мы их выварим, вымоем и потом с солью — очень вкусно.

В чуме — три лисички. Они живьем попали в капканы к старому остяку. Две сиводушки и одна чернобурая. Их кормят рыбой.

Вся утварь в чуме — несколько сковородок и котелков. Мебели никакой, даже скамейки нет. Запасов остяки на зиму не делают.

Женщина, беседовавшая с нами, выносит на своих плечах вся тяготы кочевой жизни, когда муж уходит на целые недели в погоню за ценным и хитрым зверем.

Дикарка Дуня, все время прятавшаяся за пологом, вышла нас провожать и долго смотрела вслед мерно стучащему мотору.

На Енисее развело сильную волну. Водой захлестывало мотор и пассажиров. Нужно было пересечь многоводную ширь реки до Самоедского острова, у которого стояли морские пароходы, где гремели лебедки и с криком и гиканьем работали сибиряки-грузчики.

НА АНГЛИЙСКОМ ПАРОХОДЕ

«Ниц Абби», на котором мы прошли Карским морем в устье Енисея, принадлежал хозяину, водившемуся с англиканским поповством. Оттого все названия его кораблей имели слово «Абби»— аббатство. Команда его пароходов состояла главным образом из колониальных рабов — негров, индусов и арабов, которых кормили тухлой рыбой и смердившим мясом. Но и рабы не раз выбрасывали из мисок свои зловонные обеды за борт. Совсем по-другому обстояло дело с комсоставом корабля. Здесь обеды были и разнообразней и свежее.

Часть комсостава были шотландцы, немилосердно употреблявшие за обедом соль и всякие специи. Когда им подавали первое блюдо, они, не пробуя вкуса, насыпали сразу содержимое из десятка разных пузырьков, которые стояли на столе. Два кувшина с холодной водой и тяжелые бокалы стояли тут же, и англичане запивали водой каждое блюдо. Хлеб нарезался тончайшими ломтями, что сильно огорчало нас, русских, обедавших с англичанами за одним столом. У каждого прибора лежало по две вилки и по два ножа, одна столовая и одна десертная ложки.

Стюард, который подавал нам в постели утром чашки английского вареного чая с молоком, в первое же наше знакомство вручил свою визитную карточку.

Английские моряки знали отлично, что на советских кораблях была единая кухня для комсостава и для команды, что на советских кораблях для матросов и кочегаров есть библиотеки, ежедневные радиосводки о том, что делается по всему свету, и громкоговоритель, и граммофон, и всякие игры. Здесь же для команды, кроме годами не крашенного кубрика, ничего не было. В кубрике взамен парового отопления дымил камелек.

Было жарко и невыносимо дымно. И как только потухал камелек, холод проникал во все уголки кубрика.

Английские матросы знали, что на соседнем с ними, новейшей конструкции, советском пароходе «Рабочем» матросы и кочегары жили в блестящих от чистоты двухместных каютах, спали на английских кроватях, о которых мог мечтать сам капитан «Ниц Абби».

Английские моряки не раз говорили нам, что они — большевики и ненавидят своих хозяев, и жаловались на предательство своих профсоюзных вождей.

— Мы работаем здесь один день — четырнадцать часов, другой — десять. Итого двенадцать часов ежедневно. А кук работает по шестнадцати часов. О сверхурочных не заикаемся. А вы сами видите, как вот сейчас нам приходится работать при погрузке. Мы только и знаем, что работать да спать. Так наша жизнь и проходит на море. Как только мы придем обратно в Лондон, нас немедленно рассчитают, чтобы не платить ни одного пенса за стоянку. А потом, когда таковому «Ниц Абби» нужно будет снова уходить в море, он в течение двух дней наберет новую команду из людей, которым, как и нам, нечего терять на свете.

Сибиряки-грузчики, которые заглядывали в камбуз парохода и в иллюминаторы, поражались, как это английские моряки соглашались в такой тяжелой экспедиции питаться дрянью и жить в каторжных условиях.

Когда в течение нескольких дней игарским грузчикам не дали к завтраку масла и в обед стало меньше овощей, был проведен ряд собраний, протестующих против такой непредусмотрительности администрации.

— Мы едим мяса столько, сколько может с'есть грузчик. И хлеба то же самое. Если работа очень тяжела, то по два фунта вполне с'едаем. Вот только

жить холодновато. Это действительно. Ну да к зиме постройка будет покрепче,— говорили грузчики.

На берегу, на высоких флагштоках висели флаги. Один флаг с красным крестом, выкинутый над медпунктом, по небрежности не был поднят до самого конца флагштока метра на два.

— Что это сегодня, кто-нибудь умер в порту?— спросил нас один из помощников капитана «Ниц Абби».

У англичан — морской нации — свои взгляды на вещи. И немного приспущенный флаг означал для них траур.

ТРАГЕДИЯ У ОСТРОВА ДИКСОН

«Леонид Красин» пришел в Игарскую протоку накануне того дня, когда мы впервые увидели северное сияние. Оно поднялось световыми столбами по небу, осветило светложелтым пламенем горизонт, продержалось несколько минут и исчезло. Потом зажглось снова, а горизонт не переставал отсвечивать так же, как айсблинк на Карском море во время ледовых разведок.

Небо было ясное, звездное, и, как никогда, можно было наблюдать пепельный свет луны и ее тонкий серп. В самый канун сентября зажглись таинственные огни Севера. Северное сияние показалось 31 августа. И на следующее утро сразу похолодало. Осень вступала в свои права. Чахлые березы пожелтели. Желтые пятна листвы на густо-зеленом фоне тайги, отлеты гусей и уток в теплые края, утренние заморозки говорили о том, что лето кончилось и быстро бежит полярная зима. Через четыре недели лед скует протоку. Нужно было торопиться с разгрузкой и нагрузкой судов. Дни уходили. Ежедневно хозяин парохода, какой-нибудь тол-

стобрюхий английский купец, отсчитывал мысленно прибыль в пятьдесят фунтов за каждый пароход, простаивавший сейчас в Игарской протоке. Но погрузка шла невероятно медленно. Думали за неделю закончить погрузку «Ниц Абби», а вот уже вторая была на исходе, и конца работам не было видно. Медведки, на которых спускали вниз к пароходу с лесной биржи пиленый лес, то и дело соскакивали с поклажей в Енисей. Нужно было доставать медведки из воды при помощи кошек, ловить со шлюпки плывущие по протоке доски и затем просушивать их.

«Леонид Красин» доставил в Игарский порт небольшой, но мощный речной буксирный пароход, бывший «Майер», переименованный в «Партизан Щетинкин».

На Енисее мало пароходов. Они считаны. И все же, как ни странно, на Енисее оказалось два парохода с одним наименованием «Щетинкин». Когда «Леонид Красин» подходил к Игарке, у правежа на барже № 4 столпилось много народа. Баржа получила накануне пробоину, и день и ночь непрестанно работал насос буксирного парохода «Амур», выкачивая воду из баржи.

— Видишь, вон пароход «Леонид Красин». Это знаменитый парход! Он в прошлом году ходил на северный полюс спасать экспедицию,— говорила одна пожилая женщина, поправляя платок, сбившийся ей на нос.

— Ишь ты! Сюда пришел, на Игарку!

Итак, пароход «Леонид Красин» пользовался популярностью ледокола «Красина».

Какая бедность мысли — называть одними и теми же именами несколько пароходов и тем сводить на-нет самый принцип наименования!

«Леонид Красин», коммерческий пароход, первый обнаружил самолет Чухновского на волне у кромки

льда. «Леонид Красин» доставил самолет на остров Диксон.

Близ острова Диксон на камне сидела шхуна «Житков», считавшаяся погибшей. «Житков» сел на банку 13 октября 1928 года в двадцати милях восточнее Диксон, у мыса Полынья. На шхуне было 23 человека. Ученые занимались гидрографическими работами, зверопромышленники шли на белуший промысел, бить в океане белух. «Житков» 16 сентября пришел на Диксон промышлять из Архангельска. Шхуна развозила на соседние безлюдные острова, Медвежий и Долгий, промысловые избушки в готовом виде и ставила их для зверопромышленников. Тринадцатого октября «Житков» вышел с Диксона, держа курс на восток. Утром дул вест пять баллов. Вдруг поднялась снежная пурга. Не стало никакой видимости. Около мыса Полынья решили отдать якорь и отстаиваться. Пурга неожиданно стихла. И люди с «Житкова» увидели берег.

Но ветер усилился и доходил до десяти баллов. На океане поднялся шторм. Океанская волна била деревянную шхуну. Канаты якоря были вытравлены полностью. «Житков» отстаивался от шторма, держась против волны, работая всеми машинами. До шести часов вечера шла борьба за жизнь с разошедшимся морем. Но не выдержали ни машины, ни якорь штормового напора. «Житкова» стало дрейфовать, и не прошло мгновения — шхуну потряс первый удар о камни. Сперва «Житков» ударился кормой. Затем удары послышались у фок и гротмачт. Вода проникла в трюм, затопила машины. Спасаться на шлюпках было невозможно. Штормом разбило бы шлюпку в щепы. Нужно было терпеливо ждать конца. В восемь часов вечера ветер переменил направление от веста на нордвест. Мысом закрыло разбитую шхуну от ветра. Волна сразу

уменьшилась, и стало спокойно на воде. А всего час тому назад валы заливали верхнюю палубу «Житкова». Машины не работали. Насосы были в бездействии, погас электрический свет.

Командование шхуны после совещания решило прежде всего спасти провизию. Чтобы осушить трюмы, необходимо было выброситься на берег: только тогда вода ушла бы из трюмов. Противоположный от шхуны берег был песчаный. Решили выбрасываться на него. Ветер дрейфовал по направлению к нему, и при небольшом управлении якорьком «Житков» 14 октября, в четыре часа утра, выбросился в двадцати двух метрах от берега.

На море появилось сало. Люди положили на сало доски и сошли на берег. Вода из трюмов ушла. На следующий день все сковало льдом. Бухта стала. Провизию, муку, консервы выбрали из трюмов. Этой провизии хватило на зимовку для всего экипажа.

«Житков» дал SOS.

Диксон ответил, что слышит сигнал о помощи. Но «Житков» был предоставлен самому себе. Никто в мире не мог ему сейчас оказать помощи. Предстояла тяжелая полярная зимовка. Впереди грозила цынга и смерть в ледяной пустыне. На шхуне зажгли лампы в полярную ночь. Паровое отопление перестало лить свое тепло по трубам. Зажглись камельки. Уголь доставали из просыревших трюмов вручную, лебедками. Патроны и порох не отсырели случайно. И зимовщики могли охотиться. За зиму убили шестнадцать белых медведей и восемьдесят песцов. Медведи близко к шхуне не подходили. Их приходилось искать на льду или в тундре.

На «Житкове» зимовал молодой радист. И вот в нескончаемую полярную ночь он добился того, что люди, оторванные от культурного мира на тысячи миль,

могли слушать музыку, бой курантов на Красной площади, речи и говор людей на собраниях, с'ездах и волноваться отдаленным волнением культурного материка.

Артисты Москвы не знали, что их слушало, затаив дыхание, далеко-далеко, за полярным кругом, разбитое и заброшенное судно.

Каждый день поступали сводки прессы, ночью слушали концерты Берлина, Парижа. При помощи радио переписывались с родными.

Чтобы не заболеть цынгой, зимовщики занимались физической работой. Совершали большие прогулки, охотились. Только во время пурги, когда не видно было ни неба, ни земли, прогулки прекращались.

В ноябре от разрыва сердца скоропостижно скончался помощник механика А. А. Морозков. Похоронили его на мысу, в гробу, завалив могилу береговыми камнями. Оставили медную доску: «Здесь похоронен А. А. Морозков».

Командир шхуны Каминский едва не погиб однажды во время охоты, провалившись под лед. Три четверти часа он был в ледяной ванне. Командир нашел в себе мужество и силы разрезать ножом одежду и выползти на льдину. Он шел по льду на шхуну, падая от усталости и несколько раз теряя сознание. Его заметили и подобрали с отмороженными конечностями. Стали оттирать, но пальцы рук так и не отошли. Гангрена угрожала его крепкому организму. В полярную ночь с материка была снаряжена экспедиция на собаках к месту аварии, чтобы спасти от смерти командира шхуны. Врач Павлов, зимовавший в Гольчихе, в феврале 1929 года добрался до места аварии судна и сделал операцию командиру шхуны. У старого полярного волка отрезали все пальцы, оставив только большие. В банке от пику-

лей Каминский хранил пальцы своих рук, водивших корабли в бесстрашные плавания.

Только летом добрался Каминский до центральной Сибири.

А на шхуне, когда поднялось наконец солнце, люди продолжали все еще раскрывать опостылевшие консервы.

После Каминского ушел со шхуны на шлюпке по океану с тремя матросами второй помощник капитана Я. М. Пышнов, тяжело заболевший поражением седалищного нерва. Шлюпка шла океаном двадцать миль под парусами и веслами.

Пышнов перешел на «Леонида Красина». Пышнова назначили в Комсеверпути командиром «Партизана Щетинкина». Но сейчас он был не в силах работать. Зимовка истощила его нервы и силы. На «Партизане Щетинкине» он сидел в каюте как пассажир и рассказывал эту тяжелую историю гибели корабля в Ледовитом океане.

НЕПОЛАДКИ В ИГАРКЕ

Этот год вышел тяжелым для Карской экспедиции. Ледокол «Красин» провожал по расписанию караваны в устья великих сибирских рек, пробивая неимоверную толщу льдов. Чухновский вынужден был летать в туманные дни, потому что других не было в Карском море. Морские транспорты при первом ударе могли пойти ко дну,— так стары были зафрахтованные пароходы, и так ненадежны были их крепления.

В этот год Енисей стихийно обмелел. Осиновские пороги задержали плоты, которые шли вниз, в Игарку,

где стояли морские пароходы экспедиции с раскрытыми трюмами, ожидая экспортный груз. Баржа с лесными материалами села на мель в Енисее, ее пришлось перегружать. Люди не спали ночами. Каждый час был дорог, а стихия шла наперекор людям. Льды, туманы, нордовые ветры, внезапное обмеление реки — это далеко еще не полный реестр напастей Карской экспедиции.

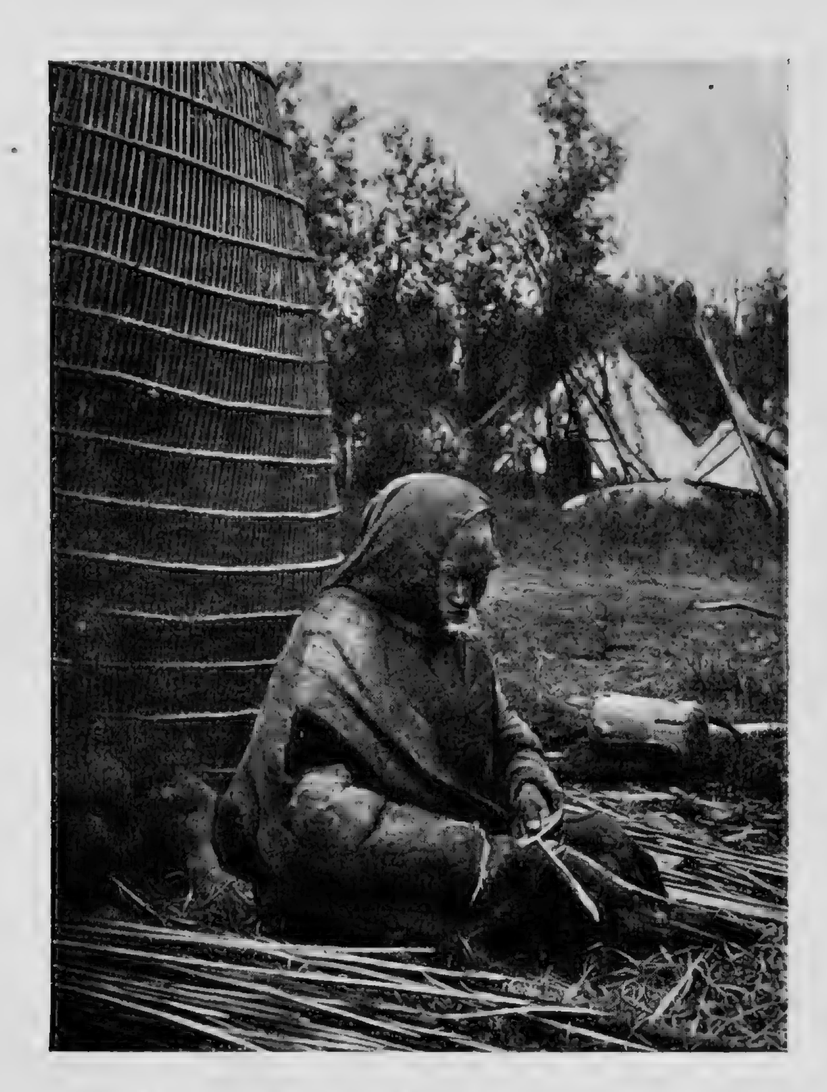
Первая партия рабочих высадилась в Игарской протоке в июне. Весь берег, покрытый тайгой, был занесен снегом. Комлистые лиственницы и кустарники предстояло вырубить и пни выкорчевать из вечной мерзлоты.

Летом, когда сошли снега ручьями в многоводный Енисей, земля оттаяла всего лишь на полметра. С первым теплом пришли в Игарку слепни, пауты и мошка, от которых люди страдали словно под пыткой. Не было спасения от этих новых врагов Карской экспедиции. Полтора месяца Игарка была в тумане дождей. Дожди прогнали мошку. Рабочие избавились от микроскопических палачей, но каждый вечер они ложились на нары в своих бараках с прозябшими от сырости ногами.

Енисейская речная экспедиция с баржами и пароходами еще не прибыла в Игарку. Но уже второй морской караван был на пути в Енисей. Уже навстречу ему были высланы лоцманы в устье Енисея. Через два дня в порту должны были стоять девять морских пароходов.

— Я не могу больше грузить,— сказал один из руководителей погрузки.— Рабочие говорят: «Что же вы грузите такой дорогой лес в сырую погоду? Пока он до Лондона дойдет, весь посинеет. Ведь это наша валюта пропадает».

— Ну, а если вы сейчас прекратите погрузку, кто

Туземец - рыбак за работой.

Игарка строится. Вид нового поселка.

Возвращение с изыскательских работ в Игарской протоке (от мошки люди укрылись платками).

Игарская протока. Вид с самолета Чухновского.

может поручиться, что завтра, послезавтра или даже через неделю будет ясная погода. Уверяю вас, что нам придется этот же лес грузить в более сильный дождь и даже снег. Здесь дожди иной раз стоят полтора месяца. А каждый день простоя парохода стоит пятьдесят фунтов стерлингов,— уговаривал Рекстин.

Погрузка продолжалась. Деревянный помост пристани, по которому рабочие-грузчики со страшной быстротой носились с тесом на медведках к борту парохода, стал скользким от дождя. Его посыпали золой. Зола чернила доски, но грузчики не скользили по настилу и могли задерживать разбег медведки.

Чугунные колеса медведки были неимоверно тяжелы. Они сами без груза развивали чудовищную скорость, катясь по настилу с горы, где была лесная биржа, к раскрытым трюмам парохода. Здесь дежурил вахтенный матрос, забирая стрелами лебедки свежие, благоухающие смолой доски.

— Пошел, пошел!— кричали грузчики.

Медведка брала небольшой разбег и шла вниз. На концах досок садилось несколько грузчиков,— они тормозили ход медведки своей тяжестью. Впереди, держа медведку, словно за поводья бешеного коня, бежали двое грузчиков, потягивая ее то вправо, то влево.

— Отдерживай, отдерживай!— кричали с парохода стоявшие у поручней люди.

Медведка замедляла ход и поворачивала к трюму, где ждали работы стивадоры — раскладчики досок.

На биржу пришла новая смена. Грузчики, окончившие работу, надевали холщевые пиджаки и закуривали махорку. Немного прояснило. Дождь перестал моросить.

— Пошел, пошел!— закричали рабочие.

Медведка с новой сменой пошла вниз. Рабочие на

тормозе не удержались, сорвались и покатились по настилу, и сидевший для груза сверху на досках пошел вниз полным ходом.

— Прыгай с медведки! Расшибешься! — кричали рабочие, стоявшие у парохода.

Но прыгать было уже поздно. Подскочив на уступе, медведка дернула вправо и со всего разгона прыгнула сама с десятиметровой высоты вниз, где раскинуты были бревна.

Доски врезались в болотистую почву на два метра, и края колес медведки вонзились в илистый зеленый грунт. Рабочий упал между бревен. Встал, отряхнулся и пошел в гору к лесной бирже. Не дойдя до штабелей, он вдруг лег на землю и распластал руки. Так он пролежал несколько минут, снова встал и пошел на работу, утирая холодный пот рваной и грязной кепкой.

Об охране труда некому было думать в этих условиях. Чтобы охранять труд, нужно было прекратить все работы по погрузке и разгрузке и строить защитительные ограждения на скатах пристаней, заменить архаическую медведку механической самотаской, осветить ночью место работы так, чтобы видно было, где и что делаешь. На все это уж не было времени. Каждый день простоя пароходов пока обходился в четыре, помноженные на пятьдесят фунтов, а через день, с приходом следующего каравана, — в девять, помноженные на те же пятьдесят фунтов стерлингов.

На будущий год здесь, в Игарском порту, должны уже работать самотаски, конвейеры, и рабочие лишь будут вспоминать пройденные трудности строительства.

В палатке жило полтора десятка человек. На козлах спали люди, только что поужинавшие после работы. Другие сидели за столом при свете фонарей и свечек, говорили о дождливой погоде, о том, как тяжело от

мошки и как тошно при туманах, вспоминали оставленные в Красноярске и Барнауле семьи. В углу телеленькала балалайка. Она была разбита, ее с'ел местный климат за один сезон. Но ее хозяин, моторист Виктор Селиверстович, не поддавался ни туманам, ни дождям, ни плохому настроению, связанному с ними. Пожалуй, только концертант-балалаечник Трояновский мог конкурировать в игре с этим виртуозом. Ему тихонько подыгрывал на гитаре сосед по козлам.

— Ну, что это за работа! Товарищи, что же делать?— вбежал в палатку и так и присел на скамью один из распорядителей погрузочных работ.

Ему пришлось взять на себя административные работы поневоле. Осиновские пороги обмелели, задержали главных распорядителей. Кто-то должен был давать указания — не стоять же с пароходами здесь, в Игарской протоке, и платить валюту за простой. И этот человек не спал ночами, не ел во-время, а бегал с пристани на пристань, сам помогал грузчикам укладывать на медведку тес и сам показывал, как нужно было вести медведку вниз, чтобы не разбить леса и не разбиться самим.

Его морская фуражка белела повсюду. То он появлялся у штабелей и следил за укладкой на медведке, то свешивался над трюмом и следил за работой стивадоров, то проверял десятников, подсчитывающих приемку груза пароходами.

— Я спрашиваю одного десятника, сколько ты погрузил в этот трюм, а он мне отвечает: «Не знаю».— «Как же не знаешь? Подлец ты, а не человек! Для чего же ты сюда поставлен? Что ж мы, задаром будем англичанам лес отдавать?» — «Я,— говорит,— отошел, а в это время без меня сгрузили. Вот кончим погрузку, пойду и подсчитаю, сколько в штабели осталось,— остальное, значит, в трюме».— «Как же,— я

говорю,— ты ночью подсчитаешь, когда ни черта не видно в штабели? Что же ты со мной, подлец, делаешь?» А он зевает все время. Его на английском пароходе угостят рюмочкой, он и пишет столько, сколько у англичан записано. Скорее бы сверху приезжали. Силы больше нет работать!

Сказал и выбежал из палатки.

— А ведь в самом деле жалко парня. Поневоле зашьешься. Ведь он один работает. С него все сейчас и спрашивается. А ведь вышло как: никто не уполномачивал, а работать одному пришлось,— говорили в палатке.

На следующее утро работа продолжалась. Еще две медведки были спущены под откос. Несчастий с людьми не было. Теперь страшней становилось работать в трюмах по укладке. Того и гляди — придавит тесиной.

НА ВЕЧНОЙ МЕРЗЛОТЕ

Поодаль от лесной биржи шла постройка лесопильных заводов и электрической станции. Льды, которые мешали Карской экспедиции в Карском море, здесь ушли под землю и снова вставали преградой перед человеком, дерзнувшим освоить полярный Север.

Только в летние месяцы земля здесь оттаивала на полметра, а глубже шла гнездовьями вечная мерзлота. На глубине нескольких метров вдруг появлялся пластом чистый лед в метр толщины. Копачи находили на этой глубине рога оленей. Человек не заходил сюда. Его следов здесь не было, но плавник, занесенный с верховьев Енисея, остатки животных — бивни мамонта

и рога оленей — говорили о том, что здесь некогда была жизнь.

Игарские рабочие тяжелыми кувалдами загоняли в вечную мерзлоту железные клинья, так рыли котлован фундамента.

Для постройки силовой станции на восемьсот лошадиных сил в конце августа было вырыто две с половиной тысячи кубометров мерзлой земли. Полтора месяца стояли сплошные туманы. Ушла мошкара, пришла сырость. Стало проясниваться, показались зловещие первые признаки цынги. У некоторых людей начали кровоточить десны, появилась сонливость, слабость. Больных нужно было спешно эвакуировать с первым пароходом. А пароход должен был притти в Игарку с верховьев еще один раз.

— Вот мы стоим сейчас с вами на перекрестке двух улиц,— показывал мне на просеки в тайге начальник игарского строительства Щукин, который оставался здесь зимовать с тремястами зимовщиками.— Вот наша будущая пекарня. Здесь выстроим школу-семилетку. Между улицами мы оставляем сады, не вырубая местный лес. Вот видите, на этой просеке будет детская площадка.

На такой же болотистой и зыбкой почве вырос Ленинград, Архангельск. За Архангельском и сейчас невозможно пройти по лугам без болотных сапог. Так и здесь все ходили в сапогах, и даже машинистки в канцеляриях строительства сидели за пишущими машинками также в сапогах, на которых были следы липкой грязи.

— Товарищ Щукин, мы к вам насчет того, нельзя ли остаться в Игарке на зимовку,— подошли к начальнику строительства рабочие.

— Я сам плотник буду, товарищ мой — кузнец, а

это — чернорабочий, нельзя ли нас оставить здесь?— просились рабочие.

— Мы рассмотрим в комиссии ваши заявления и вызовем вас для переговоров,— сказал им Щукин.

— Подобрать людей для зимовки — дело очень сложное. Нужно, чтобы человек отвечал известным медицинским требованиям и чтобы не был лишним балластом при тяжелой зимовке.

— Остаются ли с вами женщины на зимовку?

— Тридцать женщин с нами зимуют. Все замужние.

— Почитаешь о полярных зимовках, так приходишь к тому заключению, что и одну-то женщину опасно оставлять на зимовку. Раздерутся мужики все к чорту, а у вас тридцать остается на триста мужиков. Как бы худого не вышло,— сказал Щукину мой спутник.

Рабочие по колено в грязи помогали лошадям возить от самотаски бревна. Эти бревна прибыли в Игарскую протоку издалека, с верховьев Ангары, плотами. И теперь самотаска механически поднимала их на высокий берег, где дожидались люди и лошади. Люди подвязывали бревна к постромкам запотевших лошадей и помогали в тяжелой работе.

— Как тут зимой наш брат-мужик будет жить, и не пойму. Вот сейчас взять у нас: один грузчик,— пятьдесят лет, жена дома осталась, дети,— а он говорит: «Как мимо женского барака пройду, увижу какую-нибудь грузчицу, так весь и разволнуюсь. Это сейчас — после двух месяцев голодухи, а что с ним будет, когда он здесь зиму прозимует?

— А сами-то вы остаетесь зимовать?— спросил я рабочего.

— Нет уж, я не останусь. Я жизнь прожил и без того горькую. А чтобы еще целую зиму прогоревать—

это мне не под силу. И года-то мои уже вышли. Я на поселение еще царским правительством за политику был в пятом году выслан. В свое время зимовал — и будет.

Исполинского роста, в потрепанной кожанке, в болотных сапогах, энтузиаст и начальник игарского строительства Щукин, показывая на черневшую тайгу, говорил мне:

— Здесь, на вечной мерзлоте, мы строим крупный порт и первый в СССР полярный лесозавод. Мы докажем всем маловерам, что не только лес будет экспортировать Игарка. Вы видите эти тучные травы? Мы накосим и соберем огромные запасы сена с этих заливных берегов, и я уверен, что, как и норвежцы на дальнем Севере, мы разовьем здесь большое молочное хозяйство. Цынга, мошка и прочие напасти отойдут в историю с постройкой порта, и люди будут приезжать к нам, на Север, чтоб отдохнуть и зарядиться неслыханной энергией. На вечной мерзлоте мы покажем огромное и горячее дело, которое растопит вечные льды.

Огни Севера в форме столбов горели с невиданной силой. Игарская протока играла, искрилась этими огнями.

За вечерним чаем я спросил англичанина-радиста на «Ниц Абби»:

— Согласны ли вы остаться на зимовку здесь, в Игарке?

В ответ он решительно замотал головой.

— Ну, а если вам предложат сто фунтов в месяц?

Англичанин подумал с минуту и сказал:

— Пэрхепс.— И потом прибавил:— Но только с условием: на одну зимовку — не больше!

МЕДВЕЖИЙ ЛОГ, МЕДВЕДИ И МЕДВЕДКА

Два года тому назад сюда, в Игарку, не заходил человек. По ту сторону порта, где целыми днями напролет гремели лебедки, набивая прожорливые трюмы заморских пароходов пиленым лесом, лежит остров Самоедский. Вряд ли кто-нибудь может сказать, почему его так назвали. Изредка показывались в здешних краях тунгус, остяк, юрак, но остров назвали Самоедским.

На этом острове водились медведи. Тунгусы приходили сюда раз в год промышлять зверя. Фактория Госторга платила по восемнадцать рублей за его мохнатую шкуру. Но пришел человек в Игарку, повалил гурьбой. Застучали топоры, завизжали пилы, гудки пароходов разбудили суровый покой берегов; испугались медведи человека, ушли подальше в тайгу и редко показывались в Игарке. Кое-где по утрам рабочие изыскательских партий замечали следы его ночных прогулок. Но медведи гуляли с опаской и днем никогда не показывались на стройке Нового порта.

От медведей сохранилось название логовины, где бежит по камням маленькая быстрая речушка из тайги в Енисей. Место это зовут Медвежьим логом, отсюда много медведей брали совсем недавно тунгусы-охотники.

Один страшный зверь оставался еще в Игарском порту. Звали его медведка. Это были два чугунных колеса с перекладиной — осью. На этих медведках перевозили невероятные тяжести. Каждое колесо медведки весило восемь пудов. На медведку нагружали по двадцать пять предлинных тесин. С крутой горки, где находилась лесная биржа, по деревянному настилу пристани на этих медведках люди неслись вниз с тяжелой кладью к пароходу.

Каждый день с настила срывались то одна, то другая медведка в воду вместе с поклажей. Медведка врезалась в грунт, доски всплывали наверх. За досками шла тоболка-лодка. Грузчики ловили сырые доски, сгружали на тоболку и везли на берег для просушки.

— Есть! Зацепил!— кричали с лодки.

С корабля заводили конец троса лебедки, крепили концом от кошки и поднимали утопленника-медведку на пристанские настилы. Работа по погрузке продолжалась.

Поздно вечером, перед приходом второго морского каравана Карской экспедиции, в кают-компанию «Ниц Абби» пришел взволнованный морагент:

— У нас человека медведкой переехало. Разбили один фонарь. Свету нужно прибавить. А то как бы еще чего не случилось.

— А что с рабочим?

— Поясницу повредило. Отправили в медпункт. Доктор говорит, что не опасно. Скоро поправится.

— Сколько раз говорили грузчикам: полегче нужно, полегче с медведками! Берут сумасшедший разгон — ясно, что не удержат перед самым бортом парохода. Вот и получается такая история: люди калечатся, медведки летят в Енисей, а погрузка стоит.

— Это неопытные грузчики — чернорабочие с лесозавода. Которые привыкшие к этому делу, у них все идет гладко,— говорил десятник.

Медведка не даром называлась таким страшным именем. Чугунные колеса медведки были так же опасны грузчикам, как и цепкие могучие лапы мохнатого зверя, ушедшего подальше в тайгу и оставившего после себя своего чугунного заместителя.

— На будущий год медведок уже не будет. Будет конвейер и самотаска. Охрана труда будет поставлена как следует,— говорили на стройке порта.

— Давно бы пора!— говорили грузчики.

— Когда сделаем из Игарки мировой полярный порт, непременно одну медведку выставим в игарском музее, с такою надписью: «Орудие, с помощью которого рабочие Игарского порта грузили лес в 1929 году»,— обещал начальник строительства.

ТАЙГА ОТСТУПАЕТ

Тысяча ног протоптала тропинку к деревянному зданию, где сегодня, в день отдыха, первый раз за время существования Игарки собирались люди послушать речи, музыку, повидать иностранных моряков и себя показать.

Иностранные моряки и советские, побывавшие в заграничных рейсах, пришли в праздничных костюмах, и впервые по Игарке ощущались незнакомые за полярным кругом тонкие запахи духов, дымили трубки ароматичным кэпстеном, слышались непонятные игарским людям чужеземные говоры.

Девушки, работавшие на игарском строительстве, обрядились во все лучшее, что было в их незатейливом гардеробе при общежитии. Оделись почище и рабочие Игарки.

Немецкие зеелеутен пришли с гармониками и при первых же звуках советского гимна подтянули музыкантам.

В президиуме среди других был старый партизан северной Сибири, товарищ Курносенко. Нервный тик лица говорил о тяжелой борьбе, с которой прошел этот отважный человек по глухой таежной Сибири для того, чтобы выше поднять знамя революции.

— Может быть, кто-нибудь еще выскажется, товарищи?— спросил Курносенко после речей докладчиков.

В зале стало тихо. Потом где-то в углу завозились, кто-то поднялся на скамью и сказал:

— Товарищи, разрешите мне сделать маленькое сообщение товарищам морякам, которые пришли к нам из-за границы.

Так вот, товарищи иностранные моряки! Вы пришли к нам сюда со своими морскими пароходами. Вы берете у нас сибирский лес, а мы у вас — машины. Нам нужны машины, чтобы выполнить план. А вот пройдет пятилетка, так мы сами эти машины будем делать. Ваша экспедиция пришла к нам. Ну, хотя у нас еще нет кино или хорошего клуба, но порт хоть какой-никакой, а есть. Я должен вам сказать, что мы пришли сюда в июне этого года, здесь ничего не было построено. Кругом стояла глухая тайга, занесенная глубоким снегом. А теперь, видите, тайга отступает. И вот мы, игарские рабочие, своими руками подняли все это дело.

В центр в Советскую Россию много приезжает иностранных экспедиций. Иностранцы видят, как живут рабочие в Советской России. Вот и вы посмотрите, что сделали мы в Игарке при вечной мерзлоте. Пока немного, а на будущий год больше сделаем, потому что нам нужно выполнить пятилетку. Но нам, товарищи, мешают работать и строить мирное строительство. Международный империализм подстрекает заграничных рабочих на войну с СССР. Так я скажу вам: незачем нам с вами воевать, товарищи иностранные моряки. И прошу вас, когда придете к себе домой, так и скажите, что мы с вами не хотим воевать. Мы все — рабочие и заняты сейчас строительством. Да здравствуют иностранные рабочие и красные профессиональные союзы всего мира!

Когда речь перевели, немецкие матросы встали со своих мест и прокричали, подняв вверх кулаки:

— Рот фронт! Рот фронт! Рот фронт!

И снова немецкая гармонь исполнила «Интернационал».

После митинга иностранные моряки закурили «руссише сигарет» — самые простые русские папиросы — и хохотали до упаду, глядя на русскую присядку, в которую пустились молодые рабочие Игарки.

Поздно ночью при свете лучистых столбов северного сияния народ валил из помещения на свои пароходы.

Черная вода Игарской протоки серебрилась и играла бликами огней морских пароходов. Стучал мотор самотаски, и бревна из воды поднимались на высокий берег. Бревна шли на постройку нового, первого в тайге, первого в Сибири полярного порта. На лесной бирже гремела погрузка. Слышны были шумы работы. Грузились иностранные корабли.

Английские моряки говорили между собой о том, что интересно попасть сюда через год-другой, посмотреть, как вырастет этот город.

Немецкие матросы возвращались на свои пароходы.

— Так вы, товарищи, не подкачайте, — говорил игарский рабочий, провожавший группу немецких моряков по сухой тропинке, которая была в этом крае редкостью.— Не подкачайте! Воевать мы готовы, только это нам с вами ни к чему! Не нужно! Так и передайте своим товарищам.

Когда перевели речь провожатого, один из немецких моряков крепко хлопнул по плечу игарского рабочего и сказал:

— Карашо!

ПОХОД В ТАЙГУ

Было последнее число августа. Осень в Игарской протоке вызолотила тайгу. Из густо-зеленой вчера, она стояла сегодня вся в изжелта-красных пятнах. Над Енисеем табунились гуси — им предстояло уходить отсюда в теплые края. Сегодня ночью снова вспыхнули столбы северного полярного сияния. Долго стояли они в небе, поджигая горизонт изжелта-голубым сиянием, потом исчезли вдруг, чтобы вспыхнуть снова с еще большей силой.

Остяки и юраки снимались с чумами и уходили в глубь тайги.

— Сей года беда — худо с рыбой,— говорили люди в оленьих шкурах.

Енисей обманул рыболовов. Пустые сети поднимали они в этот год на свои илимки и на свои тоболки из Енисея. В чумах было дымно, холодно и голодно. Люди торопились с ездовыми и промысловыми собаками в тайгу, в землянки.

Скоро, зимой, можно будет промышлять колонка, белку, горностая.

Рабочие-грузчики Игарского порта подсчитывали свою выручку за летнюю работу. Карская экспедиция заканчивалась. Через несколько дней в последний рейс приходил «Спартак», на котором полмесяца нужно было подниматься рабочим из Игарки до Красноярска.

Штабели на лесной бирже редели с каждым днем, и членам изыскательской партии, жившим в палатке, приходилось туго. Начинались утренние заморозки.

Через несколько недель строительная работа на открытом воздухе прекращалась. Морозы, отчаянные сибирские полярные морозы, должны были сковать Игарскую протоку, а с нею и игарское строительство.

В Игарке оставалось двести пятьдесят зимовщиков и пятьдесят членов их семейств.

В этом году нужно было пустить в ход первый двухрамный лесопильный завод и начать распиловку экспортного леса в самом Игарском порту.

На зимовку оставался и метеоролог Теплоухов, у которого хранились кости мамонта, найденные при рытье котлована в Игарке. Брат Теплоухова, Константин, жил вместе с метеорологом в деревянной будке на брандвахте. Когда-то эта брандвахта была неплохим пароходом «Рудзутак», но жилищная нужда приспособила его под пловучую «гостиницу». Здесь несколько сот рабочих спали вповалку после работы.

В этом году Константин закончил зимовку на острове Диксон, где был метнаблюдателем. С острова Диксон, с лютой зимовки он вез домой трофей — пушистую шкуру убитой им белой медведицы и ружье, из которого он убил медведицу с медвежонком. Шкуру медвежонка, согласно правилам общежития, он оставил на Диксоне.

В Челябинск — родной город зимовщика — вместе с ним шла его промысловая собака Диксон, отец которого атаковал медведицу с медвежонком. Диксон была славная собака, с ушами, поднятыми постоянно вверх, и ухватки ее были волчьи. Волки были ее предками. Поэтому она никогда не гоняла волков и заигрывала с песцами; единственный враг ее, и злейший враг, был медведь. При виде его поднималась шерсть медвежатника Диксона; собака преображалась, становилась воинственно-неспокойной.

Пароход Карской экспедиции «Леонид Красин» пришел в Игарскую протоку через льды Карского моря с заходом на Диксон, куда им был доставлен самолет Чухновского после вынужденной посадки.

Третий штурман «Леонида Красина» Гордиков, зимовщик Диксона Теплоухов и я сегодня с раннего утра отправлялись в однодневный поход в тайгу.

Лоцман Очередько не раз говорил, что медведи лазают к его даленовским мигалкам, которые он расставил по берегу. Мигающие огни не дают покоя медведям. В изыскательских партиях говорили, что медведь испугался дыма и гудков пароходов и уходит теперь поглубже в тайгу — подальше от шумов порта и стройки, подальше от человека.

Тайга в Игарском порту была повалена улицами. Повсюду торчали пни, и поваленные деревья преграждали дорогу. Но вот кончились порубки. Началась тайга. Береза, кедр, пихта и лиственница толпились словно люди на митинге. Приземисто, красными пятнами росла полярная карликовая береза. Где-то прокричала кедровка и шумно поднялась с дерева. Вдруг Диксон подбежал к пихте и стал царапать ствол лапами.

— Кто-то есть на дереве,— сказал Теплоухов.—Должно быть, белочка. Да нет же, это бурундук.

Маленький зверенок приплюснулся к стволу, и защитный цвет пушистого хвоста и шубки бурундука почти скрывал его от глаз охотников.

Выстрел попал бурундуку в правый глаз, и бурундук, считая ветки, упал на землю.

Ураганы ежегодно прокладывали свои улицы в дремучей тайге, и бурелом затруднял дорогу. Приходилось прыгать через стволы поваленных деревьев, которые от времени покрылись мхом и рассыпались при первом ударе палкой. Чем дальше от берега, тем тайга становилась угрюмей. Неожиданно показались кочковатые болота, и нужно было, балансируя по дрожавшим кочкам, проходить до сухого места.

Запахи леса, болот были необычайно пряны. Под

ногами все было красно от брусники и превкусной морошки, несколько напоминавшей нашу малину. Местами чернела голубика.

Мы выходили в лесную гарь. Сотни гектаров были выжжены от безвестной причины. До этого года сюда не заходил человек, огонь мог проникнуть сюда только с молнией.

Солнце склонялось к закату. Становилось прохладно. В тайге было настороженно тихо. Мы ушли на десять километров в самую чащу тайги, куда от человека уходил медведь.

— Нам следует возвращаться в Игарку с таким расчетом, чтобы солнце било нам в правое ухо,— сказал Теплоухов.

— Недавно здесь один рабочий ушел в тайгу и заблудился, не нашел обратно дороги в Игарку,— рассказывал штурман Гордиков.— К нам с завода на пароход прибежали рабочие: «Выручайте, братцы!» Мы завели сирену. Такую полундру подняли, всю Игарку разбудили. Рабочий услышал сирену и пришел на голос.

К самой ночи добрались мы до Игарки. При свете полярного сияния белел красавец Енисей. Горели огни на морских кораблях Карской экспедиции.

В ОКЕАНЕ ЛЕСОВ

— Как вы тут работаете?— спросил я десятника Комсеверпути Шиманицу.

— Да вот целое лето в этих краях провели. Леса енисейские осматривали. Но все больше беломошник встречается. А на белом мху лес плохой. Водослою

Гора Рудная в Норильске.

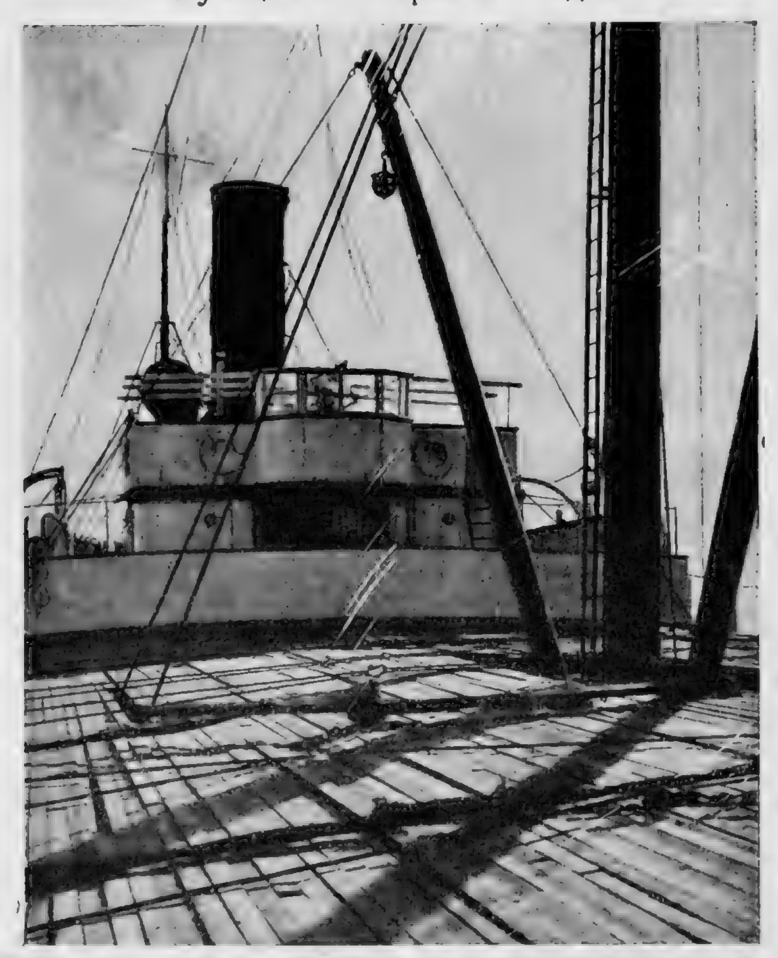
Погрузка капбалки в Игарском порту.

Жилые дома Норильской экспедиции. Вдали видно „Угольное ущелье“. Справа — гора Шмитиха, слева — гора Рудная.

„Н и ц А б б и“ с полным грузом сибирского леса уходит из Игарки в Лондон.

много, трещины и гниль. По реке Сымь смотрели — там лес с краснотой, тоже не годится для экспорта. По Касу — там немного лучше будет. Раньше мы по рекам Чуне и Оне делали заготовки, да на Тасеевой и Усолке. Там лес превосходный. Богатейшие массивы! Но нас, комсеверпутьцев, оттуда Лестрест выжил, а леса хватило бы обоим на полвека. Леса — еще не тронутые человеком. Никогда ни одной лесной организации здесь не было. Да вот с рабочими руками здесь худо. Пользуемся завозной силой. Рабочий старается себя оправдать. Ему в день нужно обтесать пять слиперсов. На вид лесина ничего, а свалишь ее — она с пороками. Приходится валить десять дерев и из них выбирать. Вот работа и дорожает.

— А как у вас в этом году на Ангаре дела? — спросил я десятника.

— На Ангаре лес лучший. Но там шивера, каменистые проходы, пороги да мелкие места. То там плот на мель сядет, то его разобьет; вот и получается так, что убыточно сплавлять. Ангара шире Енисея раза в два-три. Километров до шести ширина доходит. Разобьет плот; где их, слиперсов, по одному-то поймаешь? Мелководье да камни.

— Вот если по Ангаре взорвать пороги, это бы дело было. Там главные пороги Стрелковские. Два камня всего — Боец и Подбойчик. А между ними — каменная плита. Еще бы на Енисее Осиновские пороги взорвать — тогда лес плоти спокойно, не разобьет. По реке Тасеевой, выше порога Дурака — чистые сосновые боры, им никто края не знает. Лестрест нас выжил, а сам только берега очищает. До пяти километров от берега не обрублено. А дальше считают дорогой для себя заготовкой.

— Говорят, на Подкаменной Тунгуске хорошие леса? — сказал я Шиманице.

— Там преимущественно листвяк, лиственничный лес. Чем дальше на север, сосны становится меньше, а все лиственница да лиственница. На крайнем Севере сосна растет медленней, в ней больше смолистых веществ, мелкослоя. Посмотришь здесь, сосне двести пятьдесят лет, а она семивершковая. Ближе к заболони колец простым глазом не сосчитаешь. На севере по Енисею сосна растет куртинами, гнездами. Встретишь рядом с нею и осину и березу. Вот и приходится торить по снегу дороги в поисках сосны. Это чего стоит? По правому берегу кедрачу много. Но пожаром много уничтожено. Палы — это бич лесов. Крестьянин снял рожь. Ржище густое, пахать тяжело; он его палит и не затушит, когда выпалит. Охотники жгут костры, уйдут, вокруг костра не соскребут сухой травы и мха. А летом здесь — пороховой погреб: трава сухая, густая и пышная, как подушка. Достаточно бросить спичку. Вот тысячи гектаров выгорают ежегодно по Сибири.

— А как в этом году у вас с плотами было? — спросил я.

— По реке Оне плавили большую матку. Две — Лестрест, одну — мы. Лестрест попал под большую воду. потрепало их, но все-таки прошли кое-как, а нас разбило вдребезги. Собирать разбитые плоты дело никудышное. Целыми челеньями на мелях сидят.

— Надо сплавлять однорядки, — сказал капитан «Спартака» Братухин, подошедший во время беседы. — Как в два ряда положат, так непременно камни будет цеплять.

— По-вашему выходит, что лес в Сибири негодный, а весь мир кричит о сибирском лесе, — сказал я десятнику.

— Лес-то хороший, но не тот, что вы сейчас на берегу видите. Его надо поискать, хороший лес, он сам в руки не идет. А у нас пошлют смотряков обследо-

вать большие площади. Смотряки и работают с местными вожаками, обследуют всего, скажем, три тысячи гектаров,— разве это работа? Тут нужна целая лесная экспедиция! Экспедиция!— повторил Шиманица.— Надо лес проверить, отметить на карте, что произрастает и где. А ведь это что получается? Смотряки выберут то, что нужно для данного года, и — вали лес! Это хищничество, а не лесоразработка! «Обозначьте, — говорят,— знаками, мы потом проверим». А где уж потом проверять — понавалят словно бурелом. И много дерев остается поваленных, но не разработанных. Я скажу — треть леса зря пропадает после порубки. Хороши леса выше Красноярска,— сказал десятник.— На Кежму податься, там боры хороши. Южнее Киренска пройти, там и лесные массивы и ископаемые. Кругом океан лесов, но людей, понимающих дело, маловато. Нужны опытные смотряки, толковые распорядители. Тогда дело пойдет далеко.

КЛАДЫ ЗА ПОЛЯРНЫМ КРУГОМ

С полсотни лет назад тундровый купец Сотников разыскал в Норильске уголь и медную руду. Из местных материалов соорудил печь. Заложил штольню на медь и уголь. Огнеупорность кирпича оказалась слаба,— печь расплавилась. Купец никаких записей не вел, все держал в голове, и труды его пропали даром.

Туземец Матвей Алексеевич Петишкин — крещеный тунгус — один живой свидетель сотниковского предприятия. Тунгуса прозывают Болдушка. Он ничего толком не может об'яснить. Бегает, машет руками, и что ему ни сказать — со всем соглашается. Любит, когда его по

имени-отчеству величают. Двадцать лет не мылся в бане. А когда у Сотникова парился, Болдушка надевал рукавицы — жгло с непривычки руки,— так объяснял Петишкин.

Узнали все-таки от него, что печь кладена была из местного материала, не городского, и что она расплавилась. Больше ничего не сказал тунгус.

В Игарке на пароходе «Спартак», пришедшем сверху за игарскими рабочими, мы встретились с участниками Норильской экспедиции. Они также уходили, закончив работы, вверх по Енисею к Красноярску.

— В районе Норильска имеется десять пластов угля, запасы его превосходят Кузбасс и Черембасс, вместе взятые. Уголь вполне коксующийся. На том же плато находится рудный массив, содержащий в себе платину, палладий, иридий, никель и кобальт, — сказал мне начальник экспедиции Ведерников.— Его хватит на тысячи карских экспедиций.

Инженер Урванцев похитил у полярного Севера его тайну, найдя его клады, и с будущего года в Норильске приступают к подготовительным работам по вскрытию рудных месторождений и к установке завода.

От Дудинки, станка на Енисее, до Норильска — сто километров. Зимой туда можно пройти на оленях, а летом только пешком, сквозь жалящий строй мошки, паута и комаров.

Норильск расположен на семьдесят первом градусе северной широты. На таком полярном Севере нигде в мире еще не было предприятия. Зимой здесь целыми неделями свистит пурга и заметает дома снегом по самую крышу.

От Норильска к Игарке должна пройти одноколейная дорога, по которой потекут богатства, поднимая край, создавая новые селения, города и пристани. Но

весной сильно выпучивает землю. Вот почему здесь хотят делать подвесную дорогу на столбах. Она станет дешевле, и меньше придется поднимать вечную мерзлоту.

Экспедиция выбрала в Норильске место для рабочего поселка, обследовала грунт, выяснила все местные строительные материалы, нашла большие выходы на поверхность земли тунгусского плитняка, отличного по своим строительным качествам, и обследовала под'ездные пути к этим, подаренным природой, материалам.

— В Норильске пробы угля взяты из поверхностных слоев. Глубоких проб не брали. А глубже уголь наилучший залегает,— говорил участник Норильской экспедиции инженер Степанченко.— Подсчеты запасов угля сделаны по его выходам. Геологи сейчас их оконтуривают, подсчитывают дополнительно. Действительные запасы угля — триста пятьдесят миллионов тонн, а вероятные — все семьсот. Одноколейку проведут, рудник откроют, и загремит Енисей.

Инженеру Степанченко за время экспедиции некогда было бриться, и сейчас его молодое лицо окаймлено русой бородой.

— Если протянуть колею Норильск — Игарка, великое это будет дело. Игарка, как порт, к тому времени окрепнет. Карские экспедиции развернутся шире. Появятся в Игарке склады, помещения, механизация, а материалы все под руками.

— Говорят, Енисейск с Томском хотят соединить и по Туркестано-Сибирской дороге погонят к узбекам лес, а к нам — хлопок,— сказал капитан «Спартака» Братухин.

— В Енисейске шестирамный завод строить будут. Чулымский лес в Сибири самый ценный: авиолес, музыкальный лес и на карандаши хорош.

— А про курейский графит вы забыли? Нынче на Курейке тоже дело разворачивают.

— Карандашное производство перейдет все на чулымский лес. Одно здесь плохо — мошка заедает. Приходится в накомарниках ходить,— говорит Степанченко.— А места красивые. Горы до восьмисот метров доходят, а гора Гучиха вышиной в целую тысячу. Возвышенности идут от самого Енисея до Лены. Ледниковый период оставил на память о себе целый ряд глубоких рыбных озер.

— Что говорить в нашем краю много кладов зарыто. Там, слышишь, уголь нашли, там графит молотят, там золото копают, платину,— сказал капитан Братухин.— Богатств у нас непочатый край, надо их только поднять поскорее, и жизнь станет другая.

У ВЫСОКИХ ШТАБЕЛЕЙ

«Ниц Абби», головной английский пароход первой енисейской группы Карской экспедиции, сидел в Игарской протоке уже по самую ватерлинию, нагруженный высокосортным сибирским лесом.

Но медведки все еще бегали вниз по настилу от лесной биржи к пароходу. Все еще гремели лебедки, вращались стрелы, накладывая на верхнюю палубу парохода экспортный лес до самых иллюминаторов. Через несколько дней последние пароходы отправлялись из Игарского порта обратно вниз по Енисею в Карское море, где ходил дозорный часовой,— смотрел за льдами сам «Красин».

У высоких штабелей, от которых ветром разносило бодрящие смолистые запахи, стояла кучка рабочих.

Они вступали в третью смену и ждали своего часа. Курить у штабелей не разрешалось, и люди стояли молча, пощипывая усы, отросшие за время работы в Игарке.

К рабочим подходила группа немецких моряков.

У переднего моряка на ремне через плечо висела гармонь. Немец наигрывал мотив: «Смело, товарищи, в ногу» и подпевал, показывая ряд золотых зубов. Позади матросов, на расстоянии, шел, раскуривая пахучий кэпстен, морской «официр» — один из начальства немецкого парохода.

— По-русски понимаешь? — спросил его один рабочий, у которого вчера медведкой помяло слегка ногу. Он смазал ее иодом и сегодня опять вышел на работу.

— Миножко понимаешь, — ответил немец.

— К нам, значит, в Сибирь, из немцев пожаловали, — сказал рабочий.

— Не понимай, — развел руками немец.

— Тут понимать нечего. Я говорю, вы вот на вашем шипе к нам в Сибирь из Германии приехали.

— О, я! О, я! — обрадовался немец.

— Я вашего брата раньше видел. Мы сами архангельские будем — архэнджел. Туда немцы приходили на своих коробочках. Тоже насчет леса больше интересовались. Я там в помощниках у стивадоров работал. Лес, значит, по трюмам лесовозов раскладывали. Ведь это штука тонкая, — вам, конечно, в Германии не хуже нашего известно. Понимаешь?

— Плохо понимай! — сказал немец.

Подошел один из русских матросов. Он возвращался с Самоедского острова, где охотился на уток. Три утки, распластав крылья и с пятнами крови на сиявшем от солнца оперенье, висели у пояса охотника.

Матрос говорил по-немецки так, как говорят наши моряки, побывавшие несколько раз в дальнем плавании.

— Ничего, столкуемся!— сказал матрос.

Немец быстро заговорил по-немецки, и матрос, будто глухой, выгнув шею и, свернув у правого уха ладонь трубочкой, вслушивался в чужую речь. Немец говорил долго, вынул изо рта трубку, трубка погасла, и, по мере того как немец разгорячался, табак падал крошками на деревянный помост биржи.

— Недоволен немец нашими порядками. Говорит, ничего здесь, в Игарке, не выйдет, и зря сюда пароходы пригнали,— переводил матрос.— Потому, говорит, зря пароходы пригнали, что стоят они в протоке без дела, а фунты за них плати. Строят, говорит, завод в Игарке, а рабочую силу будете тащить сюда на два месяца за две тысячи километров, из Красноярска. Продаете, говорит, лес, а подвезти его в Игарку не на чем. Речных пароходов нет. Пристаней нет. Людей нет.

— Вот ты, язви его!— не удержался один рабочий.

— Тише, ребята, он понимает ведь,— сказал матрос и продолжал перевод:

— На зиму здесь, говорит, остаются люди, никогда не зимовавшие. Жить будет им тяжело в пятидесятиградусные морозы.

— Ты брось переводить-то! Ему ответить надо!

Матрос сказал это немцу.

— Говорит, когда кончу, тогда отвечайте. У него еще не готово.

— А что это, братишка, за слово «унергорт»?

— Неслыханно, значит.

— А шреклих?

— Ужасно.

— Вундербар?

— Удивительно.

— Значит, ужасается и удивляется немец,— сказал один из рабочих.

— Говорит, что так сто лет назад грузили. И что только рабы могут так работать, а не свободные граждане.

— Митька, заткни немцу глотку,— подталкивали молодого рабочего из комсомольцев. Он лучше всех на Игарке играл на балалайке и был речист.

— Дозвольте ответить.

Немец кончил. Набил кэпстен в трубку и закурил снова.

— Скажи немцу так, что мы тоже не лаптем щи хлебаем. Понимаем тоже, что пароходы нам нужны по Енисею, и пристани необходимо сделать, и самотаску леса организовать, и пятое-десятое. А на что все это сделаешь? Нам в долг не дают. Вот и приходится так работать. Только скажи немцу, что русские рабочие — не рабы. Вот вчера дождь шел с утра. А под вечер мы выбрали делегатов и заявили начальству, что грузить при дожде больше не будем. Потому что лес-то наш — рабоче-крестьянский, и если он от дождя отсыреет и посинеет в трюмах, пропадет для нас много валюты. А назавтра с солнцем опять стали работать. Потому что мы — хозяева. Ты ему это втолкуй. Сунься кто в Германии к своему начальству с таким нравоучением — осечешься! А насчет пятидесятиградусных морозов, так это нам, сибирякам, нипочем. Наше такое строительство — не рабское, понимаешь, а героическое, вот что ему надо об'яснить.

— Эй, ребята, подходи, навались, ваша очередь катать,— кричали со штабелей.

Рабочие сбросили с себя холщевые пиджаки и пошли к дальним штабелям нагружать медведки пиленым лесом.

— Немец говорит, разговора вы с ним не кончили.

— Скажи ему: сегодня некогда разговаривать. За простой валютой платим. Пусть поутру в барак к нам приходит. Мы ему там и на гармонии составим.

Краткий пояснительный словарь

Аврал — срочная работа всех людей на корабле (во время опасности).

Азики — домино.

Айсберг — ледяная гора, сползающая с ледника в океан.

Айсблик — отблеск от льда на небосклоне.

Анемограф — прибор для записи ветра.

Банка — мель, поднятое морское дно.

Вахтенный — дежурный.

Выбирать — поднимать.

Гальюн — уборная.

Девиация — влияние судового железа на магнитную стрелку компаса.

Ере — норвежская мелкая монета.

Задраивать — крепко закрывать.

Зюдвестка — непромокаемый головной убор, надеваемый моряками во время непогоды.

Кара си — Карское море (по-английски).

Кильватерная колонна — друг за другом.

Клюз — отверстие в носу судна для якорной цепи.

Колдовочка — записная книжка.

Коробочка — пароход.

Кранец — проволочная или канатная подушка для защиты кормы от ударов.

Кубрик — общежитие моряков на судне.

Кук — повар (по-английски)

Лаг — прибор для определения расстояния, пройденного судном.

Линь — веревка.
Лотовый — матрос с лотом.

Матшар — Маточкин Шар.
Медведка — чугунная двуколка для перевозки пиломатериала.
Мойва — мелкая рыбешка, идет на наживку для приманки трески.
Морра-Сале — по-туземному — мутная вода.

Надраить — вычистить.
На зекс — на великий палец, на большой палец — отлично.
Найтовить — крепить, связывать.
На траверсе — на расстоянии, по прямой линии к направлению корабля.
На швартовах — привязанный к берегу.

Описать берег — снять берег.

Пак — тяжелый полярный лед.
Полундра — окрик «берегись» (означает также беспорядок).
Посудина — пароход.
Принайтовить — прикрепить.
Притопать — притти.
Проериться — остаться без ере, без денег.
Пэрхепс — возможно (по-английски).

Радиопеленгатор — прибор для определения местонахождения судна.
Роба — одежда моряка.

Скачивать — мыть.
Смайнать, списать за борт — сбросить.

Траверс — см. на траверсе.
Травить канат — выпускать канат («травить» употребляется взамен слова «тошнить»).
Ту — два (по-английски).
Тэнк ю — благодарю вас (по-английски).

Убекосевер — управление по обеспечению безопасности кораблевождения на Севере.

Форштевень — носовое крепление парохода.

Швартовы — см. «на швартовах».
Шип — пароход (по-английски).
Шлюпбалки — балки, на которых подвешены [redacted] шлюпки.
Шпангоуты — ребра судна.
Штормтрап — веревочная лестница.

Югорий, Юшар — Югорский Шар.
Ют — корма.

Яшка — якорь.

Определение силы ветра на море по баллам

(Система Бофора)

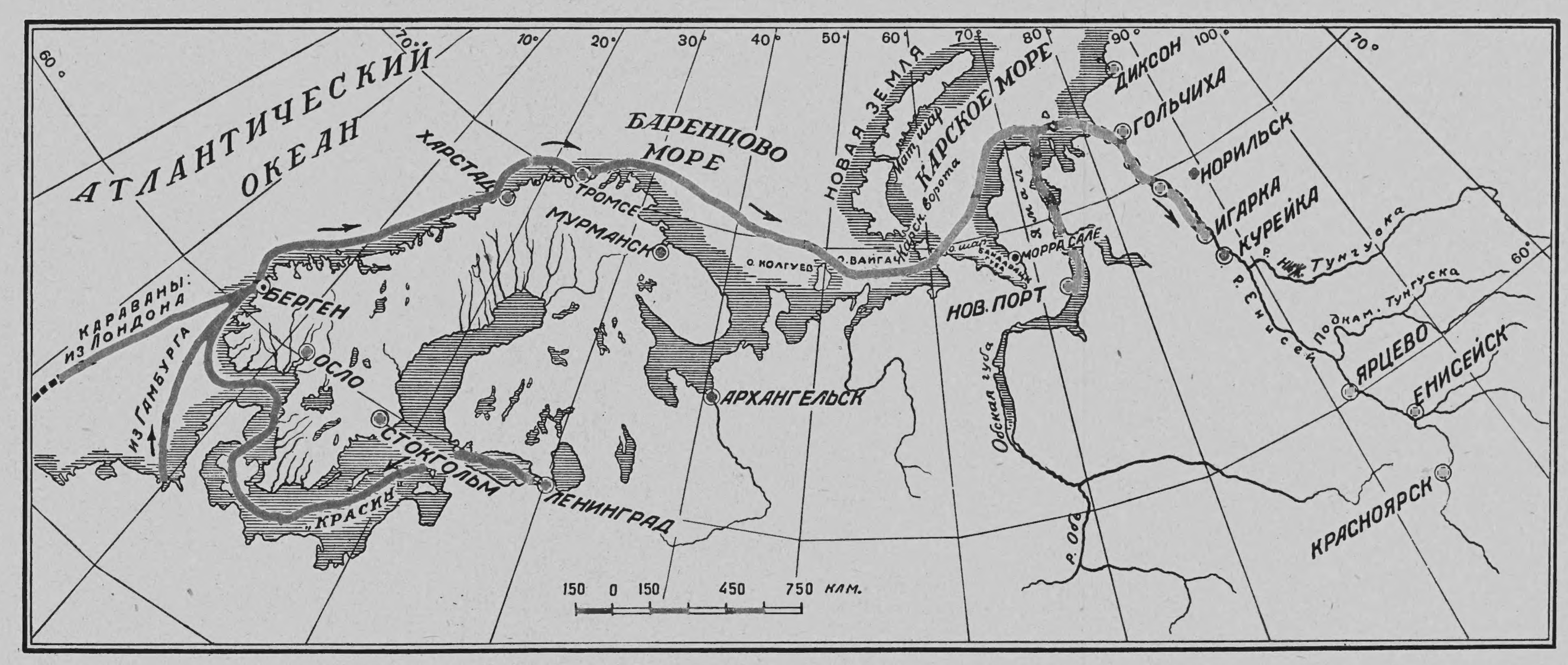
0 — штиль, или самый тихий ветер.
1 — тихий ветер.
2 — легкий ветер.
3 — слабый ветер.
4 — умеренный ветер.
5 — свежий ветер.
6 — сильный ветер.
7 — крепкий ветер.
8 — очень крепкий ветер.
9 — шторм.
10 — сильный шторм.
11 — жестокий шторм,
12 — ураган.

Оглавление

Стр.

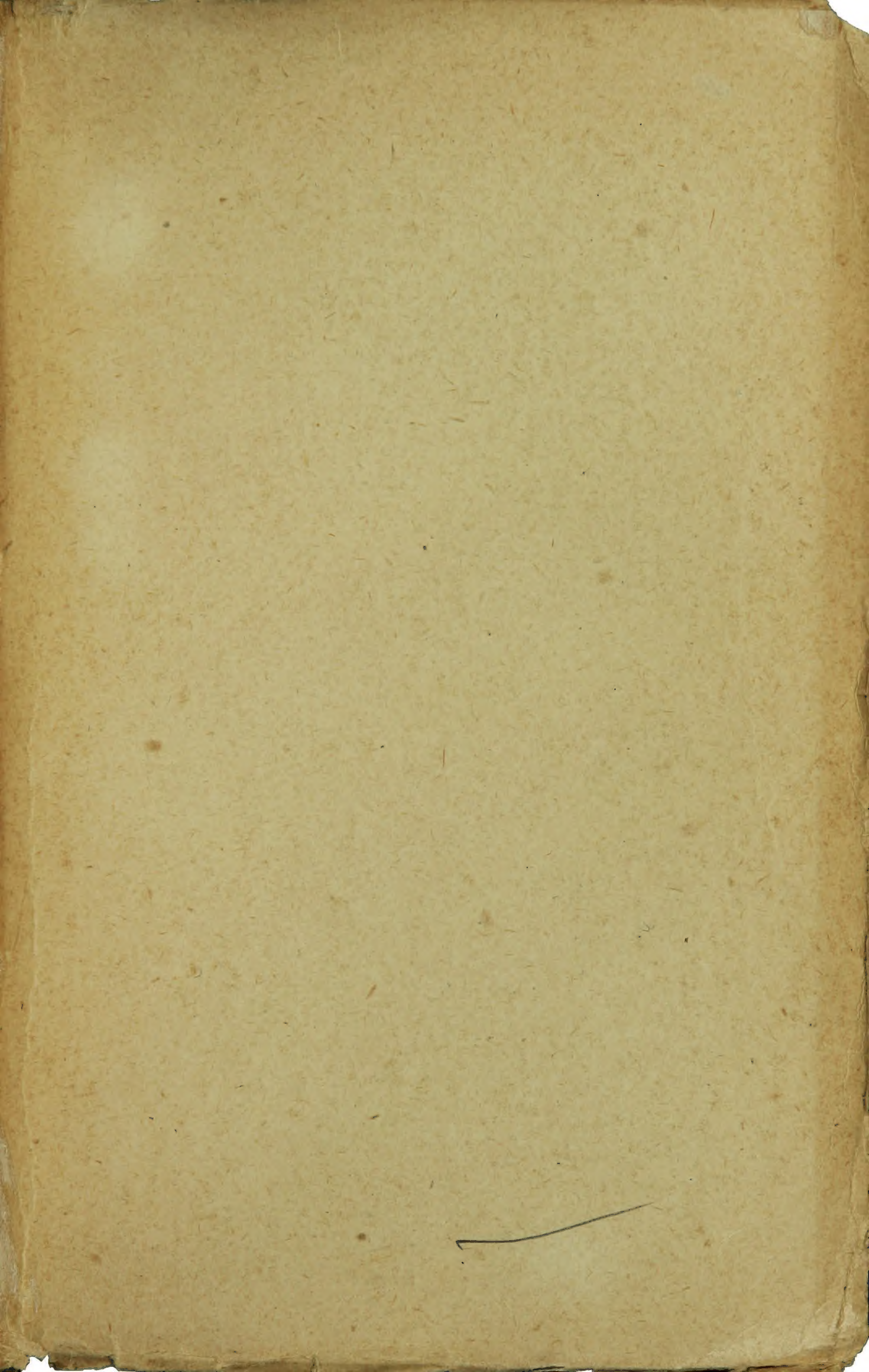
Введение 5
«Красин» ушел в поход 9
Голубь в океане 13
Город Берген — возделанный камень 16
На швартовах 19
Яков Бьеркнес и его служба погоды 23
В норвежских шхерах 25
Последние фиорды 28
Два часа в неизвестности. Подводный часовой охраняет ледокол 30
На выручку зимовщика 35
Перед боями 38
Дрейф во льдах и тумане 42
Беседы старых полярников 44
Доктор с Новой Земли 52
Первая разведка 56
Бои со льдами 59
Ледовый поход на моторной шлюпке 64
Проводка первого каравана 69
«Красин» не видит кораблей 73
В ледяной ловушке 78
Проход найден 84
Начальник Карской 89
Герои воздуха и льдов. Вынужденная посадка Чухновского 92
К берегам Сибири 95
Потомственный лоцман Григорьев 98
Туда, где будет полярный порт 105
Енисейский караван в Игарке 110
В остяцком чуме 115
На английском пароходе 120
Трагедия у острова Диксон 122

Неполадки в Игарке 127
На вечной мерзлоте 132
Медвежий лог, медведи и медведка 136
Тайга отступает 138
Поход в тайгу 141
В океане лесов 144
Классы за полярным кругом 147
У высоких штабелей 150
Краткий пояснительный словарь 155
Определение силы ветра на море по баллам 158

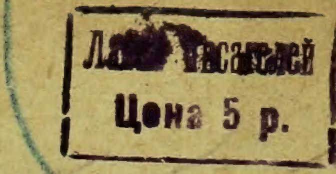

ПУТИ КАРСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 1929 г.

Цена 1 р. 20 к.

АДРЕС ИЗДАТЕЛЬСТВА (ПРАВЛЕНИЕ):
Москва, центр, Никольская, 10
КНИГОТОРГОВЫЙ ОТДЕЛ:
Москва, Лубянский пассаж, пом 62
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КНИЖНЫЙ СКЛАД:
Москва, 1-я Мещанская, д. 3